ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
№ 2р-50к.

К. КАУТСКИЙ — СОЧИНЕНИЯ — Т. II
19

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. КАУТСКИЙ

РАЗМНОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА

К. КАУТСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА и И. СТЕПАНОВА

ТОМ XII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

3.5.5
К

К. КАУТСКИЙ

РАЗМНОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Д. РЯЗАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1923 Петроград

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Русский перевод книги Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе» уже в первом издании, вышедшем в 1910 году в Киеве, несколько отличался от оригинала.

Предисловие к русскому переводу значительно больше предисловия к оригиналу. Оно содержит интересные подробности об эволюции взглядов Каутского, которых мы не находим даже в «Воспоминаниях», писанных им специально для русских товарищей и впервые напечатанных в «Заре».

Во-вторых, так как перевод сделан был под моей редакцией с рукописи, присланной мне в Вену Каутским, то я не имел возможности внести в русское издание все те поправки, которые сделаны были им в последней корректуре.

Перевод опять сверен с оригиналом и вновь тщательно просмотрен. Он, таким образом, теперь вполне соответствует оригиналу, с той только разницей, что один параграф, выпущенный Каутским в оригинале, в русском переводе сохранен.

Кроме того, в русское издание внесены и другие дополнения. Старая книга Каутского, о которой он пишет в своем предисловии—«Влияние роста населения на прогресс общества» [1])—и до сих пор не потеряла своего интереса, как самое талантливое произведение так называемой неомальтузианской литературы. В свое время она пользовалась большой известностью и в России, в особенности, когда Каутский выступил с критикой взглядов Чернышевского. Сборник Рихтера, в котором была помещена его статья, представлявшая одну из первых попыток в западно-европейской ли-

[1]) Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft untersucht von *Karl Kautsky*, Wien 1880.

тературе сравнить критически взгляды Мальтуса и Чернышевского, этот сборник циркулировал в русских революционных кружках в первой половине восьмидесятых годов. В том же самом сборнике помещены были, кроме статей Лаврова и Аксельрода о русском революционном движении, еще статьи Каутского о распределении в будущем обществе и агитации среди крестьян, которые переводились и дебатировались в кружках, когда мы еще не имели никакого представления о Каутском как о наиболее выдающемся теоретике марксизма после Энгельса. И «Экономическое учение Карла Маркса» и «Томас Мор» появились только во второй половине восьмидесятых годов, да и вообще «Neue Zeit» стала органом международного марксизма только после Парижского конгресса в 1889 г.

Именно ввиду того интереса, который эта статья Каутского имеет для русских читателей, мы даем перевод его работы о «Чернышевском и Мальтусе».

Кроме того мы помещаем в предлагаемом томе «Ответ критикам», статьи из «Neue Zeit», в которых Каутский отвечает на возражения, направленные против его новой книги. Первым из этих критиков является Людвиг Квессель, один из наиболее правых ревизионистов, присяжный сотрудник «Sozialistische Monatshefte», другим—наш соотечественник Петр Маслов.

Вместе с этими приложениями русское издание дает возможность познакомиться почти исчерпывающим образом со взглядами Каутского на размножение и развитие в природе и обществе. Это не только экономический, но и социологический трактат, над которым Каутский работал в то самое время, когда вел с немецкими профессионалистами полемику, завершением которой явилась его книжка «Путь к власти».

Для современных русских читателей книга Каутского приобретает еще особенный интерес в связи с теми спорами, которые вызвала книга Бухарина «Теория исторического материализма»,—главным образом те ее главы, в которых трактется вопрос о равновесии в обществе и природе.

Книга Каутского, писанная в 1909 году, конечно, нуждается в дополнениях. Всемирная война представляет один из любопытнейших экспериментов в области учения о народонаселении, в особенности для проверки Мальтусовой теории. Если верить некоторым немецким демографам, стоящим на точке зрения Мальтуса, то истребление, произведенное войной и связанными с ней болезнями, все еще недостаточно. Нет никакой нужды изменять основы капиталистического строя! Достаточно тем или иным путем истребить еще несколько десятков миллионов людей, чтобы восстановить необходимое равновесие между людьми и средствами существования.

Но всемирная война оказала влияние на рост народонаселения не только путем непосредственного истребления людей. Она внесла значительные изменения в условия размножения людей, изменив возрастный состав населения, соотношения между числом мужчин и женщин, между городом и деревней и т. д. Она не могла не повлиять на изменение тех законов населения, которые свойственны всякому особенному историческому способу производства.

Исследование этого вопроса, теоретическая обработка новых данных, уже доставленных и с каждым днем доставляемых статистикой народонаселения, явится одной из задач молодого поколения марксистов.

Д. Рязанов.

Москва.
Май 1923 г.

РАЗМНОЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Французская пословица говорит: On revient toujours à ses premiers amours (всякий возвращается к предмету своей первой любви). В моей литературной деятельности она находит себе новое подтверждение.

Когда я стал социалистом и познакомился с литературой социализма, меня больше всего занимали два вопроса, которые тогда горячо дебатировались в социалистической литературе, но на которые я не находил вполне удовлетворяющим меня ответ: это были *аграрный вопрос* и *вопрос о народонаселении*. Первый из них, сводившийся, в сущности, к вопросу об отношении между промышленным пролетариатом и крестьянством, стал предметом горячих споров, особенно со времени Базельского конгресса Международного Общества Рабочих (1869). Ему посвящена была моя первая брошюра «Крестьянство и социализм»: она была конфискована и уже больше не была опубликована.

Не менее горячо дебатировалось в семидесятых годах мальтузианство,—главным образом, под влиянием дарвинизма, а затем и неомальтузианства, которое нашло свой центр в основанной в 1877 г. Malthusian League (Мальтузианская лига). Оно защищалось, главным образом, врачами, которые одинаково указывали на вред полового воздержания, как и на опасность перенаселения, и пропагандировали, как панацею, применение предупредительных средств.

Эта пропаганда произвела на меня большое впечатление.

Но еще раньше. чем я стал марксистом, я был приверженцем дарвинизма, который я изучал с энтузиазмом еще в то время, когда относился к Марксу совершенно холодно, даже отрицательно. Первые статьи, которые я опубликовал под общим названием «Социальный вопрос с точки зрения умственного рабочего» в лейпцигском «Volksstaat» в сентябре и октябре 1875 г. (под псевдонимом Symmachos), были совершенно не марксистские. На-ряду с Дарвином я в то время увлекался еще в особенности Боклем. Одновременно с названными статьями в венской «Gleichheit» появилась серия ста-

тей о «Дарвине и социализме» (анонимно), которую «Volksstaat» перепечатал в ноябре и декабре. Обе работы преследовали одну и ту же цель—примирение дарвинизма с социализмом. В первой из них я рассматривал также мальтузианство, которое я, как дарвинист, не мог игнорировать. Но я справился с ним по обычному шаблону социалистической критики. Но чем больше я углублялся в дарвинизм, тем меньше меня удовлетворяла в вопросе о народонаселении традиционная социалистическая точка зрения. То, что я искал, я нашел прежде всего у Альберта Ланге, «Рабочий вопрос» которого пользовался в семидесятых годах большим уважением в партийных кругах. Но, как философ и политик, Ланге не мог меня удовлетворить. Этому мешало уже то обстоятельство, что я как раз тогда был отъявленным материалистом бюхнеровской школы и в то же время приверженцем самых революционных методов. Борьба на баррикадах, восстание вроде Парижской Коммуны, но, конечно, победоносное,—вот что составляло предмет моих стремлений. При таких условиях я тем меньше мог следовать за мирным кантианским этиком Ланге, что я познакомился с его сочинением только в третьем издании, в котором он делает много уступок буржуазной точке зрения.

Но я соглашался с ним, что социализм не имеет никакой теории населения, что он не может противопоставить мальтузианству своей собственной теории. То, что я нашел по этому вопросу в социалистических сочинениях, в том числе Маркса и Энгельса, частью не отвечало на мои вопросы, частью казалось мне недостаточным или даже ошибочным. Мальтузианство, как основа дарвинизма, стало для меня неопровержимой истиной, а игнорирование его социалистической теорией представлялось мне крупной ошибкой. Я тогда попытался собственными силами заполнить этот пробел нашей теории и рассмотреть критически мальтузианство. Конечно, как экономическую теорию, я ее отвергал: иначе я не остался бы социалистом. Но, как дарвинист, я признавал в органической природе тенденцию к перенаселению. Так возникла упомянутая выше книга «Влияние роста народонаселения на прогресс общества». Весной 1878 года она была готова, и я отослал манускрипт в Брауншвейг Вильгельму Браке, который очень охотно принял его, и, наверное, издал бы, если бы выстрелы Геделя и Нобилинга с их последствиями [1]) не положили как раз тогда конец всякой легальной социалистической литературе в Германии. Только осенью 1879 года мне

[1]) Закон против социалистов, изданный после этих покушений. *Д. Р.*

удалось найти издателя для моей книги, которая вышла в свет в январе 1880 года в Вене и сейчас же была запрещена в Германии.

Только после напечатания книги мне указали на критику теории Мальтуса, которую дал Чернышевский в своей критике политической экономии Джона Стюарта Милля.

Я внимательно изучил ее, но, хотя она мне очень импонировала, она все же нисколько не поколебала моих взглядов. Отчасти она даже укрепила меня в них, потому что Чернышевский сам допускал возможность перенаселения. Его расчеты, на основании которых он пришел к заключению, что эта опасность может грозить только в далеком будущем, я не мог признать правильными. Свои критические замечания я изложил в особой статье «Чернышевский и Мальтус» в Jahrbuch für Sozialwissenschaft (1881).

В то же время мой интерес к аграрному вопросу послужил для меня импульсом к занятиям, которые, казалось, доказывали безусловную ошибочность теории Мальтуса. Как раз после окончания моей работы, посвященной перепроизводству людей, мне пришлось заняться исследованием вопроса о перепроизводстве средств существования, который внезапно стал на очередь дня в начале восьмидесятых годов и грозил произвести коренной переворот в европейском сельском хозяйстве. Так, в 1881 г., через год после моей книги о росте населения, появилась моя новая работа о заокеанской хлебной конкуренции. Но противоречие между этими двумя работами было только кажущимся. Я уже тогда пришел к заключению, что страны, вывозящие хлеб, которые тогда грозили разорить своими дешевыми продуктами европейское сельское хозяйство, сами пострадают от своей победы, и, по истечении периода расцвета, вследствие хищнического хозяйства, станут жертвой истощения. Я, поэтому, в перепроизводстве средств существования видел не постоянное явление, а преходящее, которое должно было исчезнуть через несколько десятилетий.

Следовательно, и это новое обстоятельство не могло поколебать мои взгляды на вопрос о народонаселении.

Вскоре после этого, весною 1881 года, я попал в условия, благодаря которым мне пришлось стать в личные отношения к Марксу и Энгельсу. Книга последнего против Дюринга уже произвела на меня большое впечатление. Я начал теперь лучше понимать основы марксизма и все больше углублялся в его изучение. В 1882 г. я уже настолько стал марксистом, что приступил к изданию журнала («Neue Zeit») для пропаганды его основ и приложения их к практике. Этот процесс

рыяснения моих взглядов не мог, конечно, остаться без влияния на изменение моих взглядов на вопрос о народонаселении. Указания, которые дает Маркс в своем «Капитале», получили для меня теперь более глубокий смысл, чем тот, который я в них вкладывал в то время, когда писал свою книгу о росте населения.

Я тогда обратил слишком мало внимания на положение, что «всякий особенный исторический способ производства имеет свой особенный исторический закон народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, поскольку человек еще не вмешивается исторически в эту область» [1]), ибо через несколько страниц дальше я нашел следующее замечание:

«В действительности не только количество рождений и смертей, но и абсолютная величина семьи находятся в обратном отношении к высоте заработной платы, следовательно, к количеству средств существования, которым располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества показался бы абсурдом среди дикарей или даже цивилизованных колонистов. Он напоминает массовое воспроизводство индивидуально слабых и преследуемых видов животных» [2]). В примечании Маркс приводит в виде иллюстрации цитаты из Смита, Галиани и Лэнга, и, между прочим, следующие слова: «Если бы весь мир находился в условиях полного благосостояния, он скоро обезлюдел бы».

Я думал тогда, что Маркс согласен с этим положением, и что его понимание закона народонаселения ничем не отличается от понимания Дебльдэ (Doubleday), Задлера и др., по мнению которых, только нищета производит перенаселение, так что лучшим средством против него служит благосостояние [3]).

С того времени я усвоил себе более глубокое понимание приведенных выше тезисов Маркса и, главным образом, того из них, согласно которому всякий исторический период имеет своеобразный ему закон народонаселения. И я поставил себе задачу проследить изменения этих законов народонаселения и исследовать сложные условия, при которых они проявляют свое действие.

В то же время, под влиянием усвоенного мною нового метода исследования, подверглись изменениям и мои взгляды на дарвинизм, а вместе с тем и на закон населения среди растений и животных. Так выработал я постепенно свою новую точку зрения, которую я защищаю в предлагаемой работе.

[1]) *Marx*, Das Kapital, zweite Auflage, S. 656.
[2]) Там же, стр. 669.
[3]) *Kautsky*, Einfluss der Volksvermehrung, Wien 1880, S. 109.

Вот уже двадцать лет, как я в главных чертах разработал свой новый взгляд на закон народонаселения, но я колебался до сих пор развить его публично. Правда, меня—в ряде писем—часто спрашивали, держусь ли я в вопросе о народонаселении своей старой точки зрения, и в экономической литературе меня все еще причисляют к мальтузианцам. Таким образом, у меня было достаточно мотивов изложить свою новую точку зрения.

И если я до сих пор колебался сделать это, то, во-первых, потому, что вопрос о мальтузианстве потерял практический интерес, и другие работы казались мне более настоятельными, и, во-вторых, потому, что мне не хотелось выступить публично с работой, в которой мне, профану в области биологии, приходилось развивать собственную теорию. Я все еще надеялся, что найду время для детальных биологических занятий. Но это время не приходило.

В последние годы мальтузианство начинает вновь дискутироваться. В связи с этим находится и другое обстоятельство: года полтора назад мне сообщили, что в России готовится перевод моей книги о «Росте народонаселения». Друзья мои предложили мне написать предисловие к ней. Это известие победило мои колебания. Было бы нецелесообразно переиздать мою старую книгу и только в общих чертах наметить новую точку зрения. Напротив, я должен был, если не детально обосновать, то, по крайней мере, так подробно изложить ее, чтобы быть правильно понятым. Так возникла предлагаемая книга.

Мои читатели видят из истории происхождения этой книги, что и я был когда-то ревизионистом. Еще молодым, незрелым юношей, ничего не смысливщим в марксизме, я считал своей главной задачей пересмотр его основ.

Я очень скоро миновал эту наивную стадию. Но, несмотря на все различия между моей первой и последней работами, они соприкасаются в том отношении, что последняя, как и первая, ставит себе целью заполнить пробел, оставленный Марксом и Энгельсом.

В этом смысле, а также по способу изложения и области, затрагиваемой ею, предлагаемая работа представляет дополнение к моей книжке об этике. Вместе с последней, она старается доказать единство, существующее, несмотря на все своеобразие социального процесса, между развитием в обществе и развитием в природе,—в противоположность как тем представителям науки о духе, которые видят в эволюции

общества продукт свободной воли и хотят изъять ее из-под действия естественной необходимости, так и тем представителям естественных наук, которые не понимают своеобразия общественного организма и думают, что достаточно знать законы, управляющие развитием растительных и животных организмов, чтобы решать вопросы общественной жизни. Чтобы лучше выполнить свою задачу, я должен был вести свое исследование от начатков органической жизни до крайних последствий процесса ее развития. Оно, поэтому, не только исследует закон населения в природе и обществе, но дает в то же время в главных чертах очерк того миросозерцания, которое лежит в основе всех моих работ.

К. Каутский.

Берлин-Фриденау.
Март 1910.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Боязнь перенаселения и обезлюдения.

В течение десятилетий казалось, что мальтузианство отжило свое время. Но вот уже несколько лет, как оно снова вошло в моду.

Оно господствовало над буржуазным мышлением до последней четверти прошлого столетия и в особенности расцвело в семидесятых годах под именем неомальтузианства.

Мальтузианство выдвигает учение, что люди и организмы вообще имеют тенденцию размножаться быстрее, чем необходимые им средства питания. Пороки и нищета являются следствием перенаселения и исчезнут только тогда, когда человечество разумным самоограничением и нравственным воздержанием постарается ограничить свое размножение. Некоторые неомальтузианцы отличаются от ортодоксов мальтузианства тем, что объясняют пороки и нищету не перенаселением или не только им, но и общественными условиями. Но в то же время они считают, что всякое общественное улучшение является бесцельным, если оно не сопровождается уменьшением плодовитости, так как в противном случае быстрое увеличение народонаселения, которое является следствием всеобщего благосостояния, сейчас же вновь повлечет за собой всеобщую нищету.

Существенное различие между неомальтузианством и ортодоксальным мальтузианством заключается еще в том, что последнее считает виновниками перенаселения одних только бедняков и только им одним ставит в обязанность противодействовать этому, налагая на них полное половое воздержание или осуждая их на безбрачие. Неомальтузианцы, напротив, не требуют воздержания от полового наслаждения, они считают лишь необходимым предотвращение производства слишком большого числа детей, которое можно достигнуть применением предупредительных средств. Безбрачие же они считают большим злом.

Ортодоксальное мальтузианство с самого начала носило враждебный рабочему классу характер. Но, несмотря на это, действительность, казалось, так сильно говорила в его пользу, что им прониклись, правда, не без сопротивления, и такие люди, которые не только не относились к рабочему классу враждебно, но даже принадлежали к борцам за его дело.

Не мало также способствовал этому непрерывный рост населения во всех промышленных странах в течение всего

девятнадцатого столетия, вплоть до семидесятых годов, и повышение цен на предметы потребления в странах, вывозящих пищевые припасы. Повышение цен на продукты объяснялось увеличением населения и вследствие этого необходимостью переходить к обработке все менее плодородных земель. Кроме того, развитие дарвинизма, который в обосновании своей теории тесно примыкал к мальтузианству, вызвало симпатии к последнему в тех кругах, которые находились под влиянием дарвинизма. Таким образом, зародившееся в эпоху черной реакции против французской революции учение попа Мальтуса сделалось популярным как раз среди свободомыслящих и демократов. И некоторые социалисты, которые ставили во главу угла дарвинизм, начали признавать и мальтузианство; так, например, *Альберт Ланге*.

Он говорит [1]): «Закон народонаселения—это альфа и омега социального вопроса. Это один из немногих пунктов, относительно которых нет различия взглядов, а есть лишь различные ступени понимания. С познанием закона народонаселения только и начинается понимание социального неустройства и его источника, и только с изменением закона народонаселения и могут исчезнуть последние следы социального неустройства».

Напротив, в восьмидесятых годах мальтузианство, как экономическое учение, быстро пошло на убыль. Это, главным образом, объясняется, во-первых, быстрым падением цен на жизненные припасы, которое явилось следствием развития сношений с земледельческими странами, и, во-вторых, постоянным уменьшением, в течение последних десятилетий, числа рождений в промышленных странах.

Так, на каждые десять тысяч населения приходилось ежегодно рожденных живыми:

Год.	Англия.	Бельгия.	Франция.
1846—1850	328	290	267
1851—1855	339	290	261
1856—1860	344	316	263
1861—1865	351	318	257
1866—1870	353	322	259
1871—1875	355	326	255
1876—1880	354	320	253
1881—1885	335	309	247
1886—1890	314	294	231
1891—1895	305	291	224
1896—1900	292	290	220
1901—1905	281	277	213
1906	270	257	205
1907	263	—	197

[1]) *F. A. Lange*, J. St. Mills Ansichten uber die soziale Frage und die angebliche Umwalzung der Sozialwissenschaft durch Carey, Duisburg 1886, стр. 24.

Во Франции уменьшение числа рождений начинается в пятилетие 1866—1870; в Англии и Бельгии на десятилетие позже. До того времени число рождений в этих двух промышленных странах все увеличивалось.

То же явление мы замечаем и в современной Германской империи. На каждые десять тысяч населения рождается ежегодно живыми:

1851—1860	368	1902	362
1861—1870	388	1903	349
1871—1880	407	1904	352
1881—1890	382	1905	340
1891—1900	374	1906	341
1901	369	1907	332

Итак, до восьмидесятых годов—постоянное увеличение числа рождений, а затем начинается быстрое уменьшение.

Характерно, что в Германии уменьшение числа рождений в особенности заметно у *евреев*. В Пруссии, как указывает Р. Вассерман [1]), на десять тысяч населения приходится рождений:

Год.	У хр. стиан.	У евреев.
1885	377	271
1890	366	238
1895	369	214
1900	363	195
1905	335	176
1906	337	182
1907	330	171

Явление это тем более поразительно, что раньше число рождений у евреев всегда было больше, чем у христиан. От 1820 до 1880 года в Пруссии на каждый брак приходилось 4,3 рождений, а у евреев 5,2.

Сильное уменьшение числа рождений, на которое указывает Вассерман, у евреев, не только в одной Пруссии, но и в Баварии и Гессене, составляет особенность не их расы, а тех слоев населения, к которым они преимущественно принадлежат: купцов, адвокатов, врачей и т. д.

В Пруссии на каждый брак приходилось в 1906 году в среднем 4 рождения; но у адвокатов, врачей, художников, офицеров и т. д. только 2,5, а у самостоятельных земледельцев—6,8.

В какой бы степени ни принимали участие в уменьшении числа рождений отдельные слои населения, но, начиная с

[1]) *R. Wassermann*, Wolfsche Bevolkerungsgesetz und das Bevolkerungsproblem der Juden—Zeitschrift fur Sozialwissenschaft. 1909 S. 663 ff.

восьмидесятых годов, упадок числа рождений представляет общее явление для всех капиталистических стран. И это заметно не только в Европе, но и в Соединенных Штатах Северной Америки и Австралии.

В Соединенных Штатах рождения не регистрируются. На 1.000 женщин в возрасте от 15 до 45 лет приходится детей ниже 5 лет:

1860	634
1870	572
1880	579
1890	485
1900	474

П. Момберт [1]), у которого мы заимствуем эти цифры, приводит еще следующую таблицу, указывающую число законнорожденных детей в Австралии. На 10.000 замужних женщин в возрасте от 15 до 45 лет приходится законнорожденных детей:

Год.	Новый Южный Уэльс.	Виктория.	Квинсланд.	Новая Зеландия.
1881	3.363	2 984	3.162	3.122
1891	2.887	2.977	3.277	2.757
1901	2.353	2.286	2 540	2.461

Особенно бросается в глаза понижение рождаемости в редко населенной Австралии.

Начиная с восьмидесятых годов, дарвинизм и «материализм» все более теряют свое влияние на буржуазную интеллигенцию. Последняя стала теперь «этической» или, скорее, мистической. Благодаря этому, у нее пропадает интерес к вопросу о народонаселении.

Но в последнее время, как я уже заметил раньше, вопрос этот снова выдвигается на первый план. Способствует этому, разумеется, продолжающийся уже несколько лет новый подъем цен, вызывающий дороговизну, которая существенным образом ухудшает положение трудящихся классов.

Согласно данным, опубликованным в «Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs», в Берлине, напр., средние цены за двойной центнер в марках были:

	Картофель.	Масло.	Говяжье мясо.	Свинина.	Пшеничная мука
В 1894 г.	31,1	206.1	118,9	101,8	19,0
„ 1899 „	37,6	215,5	115,9	94,8	22,0
„ 1909 „	49,9	241,6	131,6	133,6	31,2

[1]) *Paul Mombert*, Studien zur Bevölkerungsbewegung in Deutschland, 1907.

Новое повышение цен на средства пропитания и все более обостряющиеся классовые противоречия побуждают буржуазные круги искать объяснение общественного неустройства не в капиталистическом строе, а в природе, за которую капитал не несет никакой ответственности. Немало способствовало, наконец, пробуждению интереса к этому вопросу возникновение в земледельческих странах сильного эмиграционного движения.

Развитие промышленного капитализма в старых промышленных странах требует расширения мирового рынка, т.-е. постоянного распространения современных средств массового передвижения и в тех странах, которые до сих пор были отрезаны от мирового рынка. Туземная промышленность разрушается, и вместе с этим земледельческое производство превращается в производство товарное, которое производит как можно больше продуктов для рынка и старается, поэтому, при помощи минимального количества рабочих сил, посредством хищнического хозяйства, которое быстро истощает почву, выжать из земли возможно больше.

В силу всех этих причин, в старых земледельческих странах все более увеличивается излишек рабочих. Вновь созданные средства передвижения, предоставляя возможность продуктам капиталистической промышленности найти сбыт в земледельческих странах, становятся также средством для переселения лишних рабочих из земледельческих стран в страны капиталистической промышленности. Начинается сильное эмиграционное движение, которое вызывает иллюзию, будто земледельческие страны переполнены, перенаселены и не в состоянии прокормить свое население,—те страны, которые вывозят пищевые средства! Тут повторяется в других формах явление, происходившее в сороковых годах в Ирландии, которая также была будто бы перенаселена, в которой тоже происходила массовая эмиграция в то время, когда она вывозила пищевые продукты. Процесс этот продолжается еще сейчас. Так, в Ирландии население составляло:

1801	5.395.000	1901	4.459.000
1841	8.197.000	1908	4.363.000

Итак, теперь населения там меньше, чем было в начале прошлого столетия. Начиная с 1841 года, когда оно достигло высшей цифры, оно уменьшилось почти наполовину. И, несмотря на это, Ирландия все еще «перенаселена», молодежь продолжает эмигрировать, и на-ряду с этим Ирландия вы-

возит в Англию пищевые средства, масло и убойный скот. Так, в Ирландии насчитывалось:

	1871	1901	1908	Увеличение (+) или уменьшение (—) 1871—1908
Людей	5.412.000	4.459.000	4.363.000	—1.049.000
Голатого скота . .	4.157.000	4.672.000	4.792.000	+ 640.000

Если в Англии во времена Томаса Мора, по выражению последнего, овцы пожирали людей, то в современной Ирландии превращаются в пожирателей людей смирные волы и коровы! Еще одно из чудес капиталистического способа производства.

Эмиграция в особенности сильна теперь не в промышленных странах, а в земледельческих. Европейская статистика очень мало годится для ее иллюстрации, так как она ведется не по одному плану, и цифры ее несравнимы. Так, «Статистический Ежегодник Германской империи» указывает, что в 1907 году из России эмигрировало 119.352 человека, и в то же время в нем указано, что в одни Соединенные Штаты иммигрировало 258.943 эмигранта из России.

Если же мы возьмем статистику иммиграции в Соединенные Штаты, хотя она составляет только небольшую часть всего переселенческого движения, то найдем, что от 1901 до 1908 года эмигрировало из Европы в Соединенные Штаты 6.555.000 человек. В том числе из

Австро-Венгрии	1.716.000
Италии	1.647.000
России	1.290.000
Других европейских земледельческих стран [1] .	1.087.000
	5.740.000
Промышленных европейских стран [2]	815.000

Необходимо принять при этом во внимание, что в промышленных странах, на-ряду с эмиграцией, имеется сильная иммиграция. Так, в 1905 году в Великобритании и Ирландии считалось 262.007 эмигрантов (во всем Соединенном Королевстве, включая ирландцев, для которых не ведется особой статистики) и 74.386 иммигрантов из европейских стран, которые рассчитывали остаться в Англии и не ездили дальше, и 205.193 иммигранта из внеевропейских стран, в том числе 122.712 британцев, которые вернулись на родину.

[1] Ирландия, Голландия, Дания, Норвегия, Швеция, Испания, Португалия, Греция, Балканские страны.

[2] Англия, Шотландия, Германия, Франция, Бельгия, Швеция.

Из Франции эмиграция совершается в ничтожных размерах. Наоборот, иностранцев во Франции более миллиона.

Число немцев, эмигрировавших из Германии, составляло в 1881 году—221.000, в 1891 еще 120.000, в 1907 только 31.700, а в 1908 уже 19.900. Наоборот, иностранцев в 1905 г. считалось в Германской империи более миллиона (1.029.000; в 1900 было только 779.000; в 1890—509.000 человек, рожденных вне пределов Германии). С 1905 года, на-ряду со статистикой эмигрантов, начали вести счет—по крайней мере, части их—иммигрантов, приезжающих морским путем в Германию. В 1908 году один только Бременский Ллойд и Гамбурго-Американская компания переправили в Германию 217.000 иммигрантов; из них 135.000 из Северной Америки.

Из всего этого мы видим, что, в общем, вывоз пищевых средств поспевает за эмиграцией людей только в аграрных странах (конечно, не в ново-заселенных), между тем как в промышленных странах, ввозящих пищевые средства, иммиграция все более превышает эмиграцию из них. А то, что называют «перенаселением», увеличивается только в странах, производящих излишек пищевых средств. На этот излишек людей смотрят в промышленных странах, как на фактор, понижающий заработную плату. Благодаря всему этому снова всплыл в последние годы вопрос о народонаселении и стал теперь предметом оживленной дискуссии.

И сейчас снова, как и раньше, то обстоятельство, что, несмотря на все технические усовершенствования, благосостояние масс не увеличивается, приписывают быстрому увеличению народонаселения. Так, например, Зомбарт в своей книге «Социализм и социальное движение» пишет:

«Надо принять во внимание, что до тех пор, пока *народонаселение будет так безумно размножаться*, как это было в течение последнего столетия, рост производительных сил очень мало может влиять на улучшение благосостояния отдельной личности. В 1800 году в европейских странах: Франции, Италии, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, России, и Соединенных Штатах Северной Америки насчитывалось 153 миллиона человек населения, а в 1900—398 миллионов» [1].

В 1905 г., к семидесятилетию со дня рождения Адольфа Вагнера, было выпущено юбилейное издание «Festgaben fur Adolf Wagner». Из десяти статей, составляющих сборник,

[1] W. *Sombart*, Sozialismus und soziale Bewegung, Jena, Gustav Fischer, 6 Auflage, 1908, стр. 89.

две посвящены Мальтусу. Генрих Дицель в своей статье «Спор по поводу учения Мальтуса», пришел к следующему выводу: «В существенных пунктах Мальтус остался прав» [1]).

В. Гасбах дает исторический очерк домальтусовских теорий о народонаселении. В заключении своей статьи он делает реверанс перед Мальтусом, который, де, «не электрически, а творчески» слил «различные направления мысли» своих предшественников [2]).

Несколько лет тому назад появился новый немецкий перевод книги Томаса Роберта Мальтуса: «Опыт о законе народонаселения». Издатель, профессор Вентиг, пишет в предисловии:

«Из всех замечательных трудов того богатого исследованиями раннего периода экономической науки, который мы, впрочем, не совсем удачно называем «классическим», ни один не в состоянии был лучше устоять против разрушительной критики, чем учение Мальтуса. Ибо, несмотря на все возражения против неточности его метода, которая отчасти объясняется недостаточностью имевшегося в его распоряжении материала, и против его формулировки принципа увеличения народонаселения, сущность его учения до сих пор остается верной: «На основании нашего опыта мы пришли к заключению, что народонаселение обнаруживает тенденцию размножаться далеко за пределы, предоставленные ему экономической и общественной организацией». Более того. Следует признать, что положение это является «самым непоколебимым и самым важным естественным законом всей политической экономии» [3]).

С другой стороны, в некоторых странах уменьшение рождаемости уже обогнало уменьшение смертности. Оно приводит к замедлению, а временами даже к полной приостановке роста населения. Вместо перенаселения появляется призрак обезлюдения, и вопрос о народонаселении становится теперь жгучим с точки зрения, совершенно противоположной мальтузианству.

Пора, поэтому, чтобы мы, марксисты, опять взялись за исследование этого самого «непоколебимого» и «естественного закона» политической экономии.

---

[1]) *H. Dietzel*, Der Streit um Malthuslehre в „Festgaben für Adolf Wagner" (Юбилейный сборник в честь Адольфа Вагнера).

[2]) *W. Hasbach*, Zur Geschichte der vormalthusianischen Bevölkerungslehre, там же.

[3]) *T. R. Malthus*, Abhandlung uber das Bevölkerungsgesetz, Jena 1905, Gustav Fischer, стр. VI.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природа и общество.

Мы видели, что экономисты смотрят на закон народонаселения Мальтуса, как на основу своих экономических теорий. И в то же самое время этот закон стал основой современного естествознания, поскольку оно исследует закон движения и развития организмов. Таким образом, закон Мальтуса является основным законом, одинаково как экономии, так и биологии, которые в этом пункте, повидимому, объединяются.

И действительно, нельзя понять закон народонаселения в человеческом обществе, если мы предварительно не исследовали законы размножения животных в природе. Но, наоборот, далеко еще недостаточно исследовать последние, чтобы понять закон народонаселения в человеческом обществе. Понимание законов природы не дает еще нам ключа к пониманию законов общественного развития. Это, конечно, не значит, что общество стоит вне природы или над нею, как это думают защитники учения о свободе воли или этики, стоящей вне пространства, времени и причинности. Общество представляет только особенную часть природы с особенными законами, которые, если угодно, можно назвать законами природы, ибо, по своей сущности, они ничем не отличаются от последних. И если они отличаются друг от друга, то вовсе не потому, что одни являются историческими, а другие—вечными законами. Ни один закон природы нельзя назвать вечным в том смысле, что он сохраняет свое значение при всяких условиях, что он не находится ни в какой зависимости от определенных условий. Каждый закон природы действует только при определенных условиях. Например, законы органического мира действуют, очевидно, только там, где налицо имеются определенные условия, данное количество воды, воздуха, света, теплоты и т. д. Даже по отношению к самым простым законам неорганической природы, которые мы считаем наиболее важными, мы можем утверждать, что они сохраняют свое значение только для нашей вселенной, поскольку она нам известна.

С другой стороны, мы можем назвать законы общества такими же всеобщими и вечными, как законы природы,—в том смысле, что они всюду и во все времена действуют одинаково, раз налицо имеются одинаковые условия.

Но различие между природой и обществом не заключается также и в том, что человек может изменять одну и не мо-

...ает изменять другое. И природа, и общество являются по отношению к нему одинаково непреодолимой силой, из-под власти законов которой он не может уйти. С другой стороны, он может одинаково хорошо использовать и те и другие законы в свою пользу, поскольку он успел понять условия, при которых действуют эти законы, и поскольку он в состоянии изменить эти условия. Он даже скорее постигает условия, при которых производят свое действие законы природы, чем условия действия общественных законов, и ему раньше удастся покорить себе первые, чем последние. Изменения в общественных условиях сами являются следствием изменений в условиях природы, совершаемых человеком.

Но как бы ни были колоссальны те изменения, которые совершает в природе человек в ходе технического развития путем расширения своего господства над природой, область, изменяемая им таким путем, остается бесконечно малой частью природы. Мы можем даже сказать, что открывающаяся человеческому познанию область, а вместе с этим и понятие природы, как в пространстве, так и во времени, расширяется несравненно быстрее, чем та часть ее, над которой человек приобрел действительное господство. Последняя становится относительно все меньше, как в пространстве, так и во времени, в сравнении с познанной природой, которая не подвергается воздействию человека. Поэтому, не только отдельному человеку, но и всему человечеству условия природы, которые они находят, кажутся неизменными.

Совершенно иначе обстоит дело с обществом, т.-е. с формами сожития и кооперации людей. Как бы ни была мала та часть природы, над которой господствует человек, в сравнении с вселенной, она все же является колоссальной по отношению к человеческому роду. И чем быстрее расширяется эта часть, чем больше растет господство человека над природой, тем быстрее изменяются формы сожития и кооперации людей, общественные отношения, а вместе с ними и действующие в данный момент социальные законы. И если технический прогресс захватывает только бесконечно малую и даже, в сравнении с расширением области нашего познания, относительно все уменьшающуюся часть природы, то он, напротив, захватывает все общество, изменяет целиком его условия и законы. И чем быстрее совершается технический прогресс, тем быстрее происходят изменения в общественных условиях, тем более бросается в глаза противоположность между этой изменчивостью и кажущейся неизменностью природы. Поэтому общество все больше выступает как изменчивое par excellence в противоположность природе, и

соответственно этому законы социальные кажутся историческими, а законы природы—вечными.

В этом смысле следует рассматривать социальные законы отдельно от законов природы, и, только путем такого обособления, мы можем достичь понимания существующих в данное время общественных форм и тенденций их развития. Но это далеко не всегда представляет простую процедуру. Для защитников существующей формы общества является невыносимой мысль, что она представляет преходящую, историческую категорию. Они поэтому стараются найти в обществе по существу ту же самую неизменность, что и в остальной природе. Они при этом ссылаются и на то, что отношение человека к природе является основой его общественных отношений. Если люди работают совместно и друг для друга, то они это делают потому, что нуждаются в определенных предметах. И способ, каким они работают совместно и друг для друга, зависит от того, как они используют при работе определенные предметы. Отношение трудящегося человека к предметам, или техника, точно так же как и отношение потребляющего человека к предметам, которые он потребляет, есть, очевидно, нечто совершенно иное, чем отношение людей друг к другу в процессе труда, т.-е. экономия. Только последнее есть общественное отношение, первые два не могут быть им. Но оба вида этих отношений самым тесным образом связаны друг с другом. Отсюда возможность их очень легко смешать друг с другом. И таким образом дается повод представлять социальный закон, как закон природы, исторический закон, как вечный.

Возьмем, например, обмен товаров—акт, характерный для товарного производства. Он представляет известную форму, возникающую при определенных условиях труда людей друг для друга. Если крестьянин доставляет на рынок свой хлеб, а портной свое платье, и они там обменивают товары, то этим самым крестьянин производит известную работу для портного, а последний—для крестьянина. Но крестьянина интересует не труд портного, а—платье. Каким образом досталось портному платье—сам ли он его сделал или получил даром,—для крестьянина безразлично. Его интересует не труд, который затрачен на платье, а его качества—достаточно ли оно греет, хорошо ли сидит—или, иначе говоря, вопрос, в какой степени это платье удовлетворяет его потребности. И точно так же относится портной к хлебу, который интересует его как средство пропитания, а не как продукт труда. Отсюда соблазн объяснять обмен товаров из более или менее естественных потребностей человека и из вещественных свойств

товаров, из отношения человека к предметам. В действительности же, если что-нибудь нуждается в объяснении в таком явлении, как обмен товаров, так это особенное *общественное* отношение, отношение человека к человеку. Естественные потребности человека и вещественные свойства продуктов являются только поводами к меновому акту, но нисколько не объясняют нам его особенности. Естественные потребности людей и вещественные свойства продуктов могут не меняться, отношение людей к предметам может в этом случае остаться тем же, и все же способ их сотрудничества и работы друг для друга может сильно измениться, если средства производства этих продуктов подвергаются перемене. Питательность хлеба и потребность в нем остаются неизменными—все равно, производит ли сам портной хлеб или получает его в обмен на платье, или он делает крестьянина своим должником и заставляет его уступать хлеб без вознаграждения, или же крестьянин и портной оба являются членами одной и той же ассоциации, которой они передают свои продукты и которая уже сама дает каждому все, что ему нужно. И обо всех этих различных общественных отношениях я ровно ничего не узнаю, если даже мне самым основательным образом преподносится мудрое рассуждение о потребностях людей и вещественных свойствах.

Так и капитал можно понять только как общественное отношение, как отношение между людьми—из труда наемного рабочего для капиталиста. А между тем очень часто капитал изображается, как отношение человека к определенным предметам, средствам производства, как отношение, обусловливаемое вещественными свойствами этих предметов. А так как то обстоятельство, что человек нуждается в средствах производства, чтобы иметь возможность работать, представляет естественную необходимость, то особенное, преходящее, историческое отношение между капиталистом и рабочим очень легко превращается в естественно-необходимое предварительное условие всякого труда.

Общественные отношения людей друг к другу, в последнем счете, основываются на естественных потребностях людей и вещественных свойствах предметов, которые могут удовлетворить эти естественные потребности. Поэтому познание природы еще не означает, конечно, познания общества, но оно составляет его *предварительное условие*. Очень часто исследователь общественных отношений может при своей работе довольствоваться общими сведениями из области естествознания. Чтобы, например, развить теорию стоимости, вовсе нет никакой необходимости знать, как действует

на человека каждый отдельный предмет потребления. Общего предположения, что каждый товар должен удовлетворять какую-нибудь человеческую потребность, вполне достаточно для выяснения естественно-исторической стороны вопроса. Так, исследователь, который едва может отличить пшеницу от ржи или корову от вола, может дойти до более глубокого понимания поземельной ренты, чем другой, который, при одном взгляде на вола, может сейчас же определить его породу, а также его хорошие или плохие качества.

Напротив, для понимания, скажем, развития капитализма и тенденций, проявляемых им по отношению к человеку,—вытеснения обученных рабочих необученными, женщинами и детьми и т. д.—очень необходимо также знакомство с техникой. Чем лучше мы понимаем последнюю, тем легче мы в состоянии понять обусловливаемые ею отношения людей друг к другу.

Но вряд ли еще в какой-нибудь другой социальной области познание законов природы является до такой степени важным, как именно в области законов народонаселения в обществе. А между тем именно законы размножения видов далеко еще не выяснены естествознанием в такой степени, как это было бы желательно. Вот почему в этой области социологи и экономисты не могут довольствоваться предположением о существовании законов природы. Наоборот, они должны сами принять участие в исследовании этих законов—задача, которая для профанов в области естествознания далеко не является особенно приятной. Однако нас, экономистов и социологов, должно ободрять то обстоятельство, что пред нами в этом случае лежит пограничная область, в которой до сих пор не только естествознание оплодотворяло экономию, но и наоборот. Как раз заключения, выведенные из наблюдения экономического процесса, в очень сильной степени повлияли на естествознание.

Как в области этики, так и в вопросе о законе народонаселения, теперь невозможно добиться ясной постановки, если мы предварительно не выясним своего отношения к дарвинизму. Ведь его теоретическое обоснование ведет свое происхождение из мальтузианства. Моя попытка, в качестве экономиста, вторгнуться в область естествознания может, конечно, показаться опрометчивой смелостью, но я в этом случае иду по следам других экономистов.—между прочим, самого Мальтуса. И прежде всего следует определить, что̀ именно они внесли контрабандным путем в чуждую для них область.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Уровень средств существования.

В начале своей книги о законе народонаселения Мальтус ставит следующий вопрос: в чем заключаются причины, которые до сих пор мешали человечеству итти по пути к достижению счастья? Он не хочет исследовать этот вопрос исчерпывающим образом и ограничивается только исследованием вопроса, который «тесно связан с сущностью человека». И вот взгляды, которые он при этом развивает:

«Причина, которую я имею в виду, состоит в постоянной склонности всех живых существ размножаться далеко за пределы имеющихся в их распоряжении средств существования...

«В животном и растительном царстве природа с необыкновенной расточительностью рассеяла семена жизни, но она была относительно бережлива, когда речь шла о площади и средствах существования, необходимых, чтобы взрастить их. Если бы жизненные зародыши, которые хранит в себе земля, могли свободно развиваться, то, в течение нескольких тысяч лет, они могли бы заполнить миллионы миров. Но повелительная необходимость сдерживает их размножение в известных пределах, и этому закону природы подчинены все существа. Растения и животные одинаково подвержены влиянию ограничительного закона, и человек также, несмотря ни на какие усилия разума, не может освободиться от его влияния.

«Что касается растений и животных, лишенных разума, то вопрос этот решается просто. Могучий инстинкт побуждает всех их размножаться, и этот инстинкт не сдерживается никакими соображениями о судьбе, ожидающей их потомство И где существует свобода для проявления этого инстинкта, там проявляется сила размножения, и его чрезмерные последствия затем устраняются путем недостатка в пространстве и пище...

«Таким образом, решающим препятствием к размножению населения является, повидимому, *недостаток средств существования*, неизбежно вытекающий из неравного отношения, в котором увеличиваются население и средства существования. Но последнее препятствие никогда не является непосредственным, за исключением только случаев действительного голода.

«Можно сказать, что непосредственное препятствие заключается во всех тех привычках и болезнях, которые, повидимому, вызываются недостатком средств существования, а также и в независимых от последнего нравственных или физических причинах, которые стремятся преждевременно ослабить или разрушить организм».

Это учение было воспринято Дарвином, который, как он сам сообщает в своей автобиографии, читал книгу Мальтуса в 1838 году. О борьбе за существование он говорит:

«Это ни что иное, как учение Мальтуса, перенесенное в усиленной форме на все животное и растительное царство» [1]).

Однако между дарвиновым и мальтусовым пониманием существует огромное различие: для Мальтуса исходным пунктом служили явления капиталистического общества, которые, как ему казалось, он вновь нашел во всем мире организмом; напротив, Дарвин, хотя его мышление, бессознательно, подверглось влиянию общественной среды, в которой он жил, все свои наблюдения сначала производил над организмами, стоявшими значительно ниже, чем человек. И различными исходными пунктами объясняются также различные результаты. Если оба одинаково констатируют тенденцию организмов безгранично размножаться, то Дарвин объясняет этим явлением замеченное им восходящее движение живых существ к все более высоким формам, а Мальтус, наоборот, замеченное им погружение пролетариата в все бо́льшую нищету и вырождение. Тенденцией организмов к безграничному размножению Дарвин объясняет подбор наиболее пригодных особей в борьбе за существование против различных опасностей, которые им угрожают. Особи каждого вида борются не только между собой, но и против опасностей, которыми окружает их природа, например, определенного климата, а также против опасностей, которые грозят им со стороны особей других видов, как, например, травоядным от плотоядных животных. Напротив, Мальтус видит только одну форму борьбы, которая возникает из тенденции размножения,— борьбы всех особей одного вида друг с другом за кормовую площадь, за «уровень средств существования».

Обычно кажется, что закон Мальтуса в дарвинизме получил только подтверждение и новое подкрепление. В действительности же оба эти учения сильно отличаются друг от друга и сходятся только в признании способности организмов к бесконечному размножению. И то, что до сих пор в

1) *Дарвин*. Происхождение видов, гл. 3.

политической экономии приводится как закон природы, признанный «естествознанием», в действительности еще и теперь представляет мальтусово, а не дарвиново понимание закона народонаселения.

Мы поэтому рассмотрим теперь не Мальтусов закон народонаселения, а Дарвина—сначала в его приложении к миру растений и животных. Я уже сказал, что закон размножения последних должен быть исследован сначала отдельно, независимо от его действия на людей. И я вновь подчеркиваю, что в дальнейшем изложении речь идет сначала не о людях, а также не о животных и растениях, поскольку они уже подверглись воздействию человека, т.-е. не о домашних животных или о специально разводимой дичи, а только о животных и растениях, находящихся еще в совершенно диком состоянии.

Если закон народонаселения Дарвина и естественного подбора имеет значение для диких животных и растений, то уже этим самым доказывается несостоятельность закона Мальтуса. Ибо одна и та же тенденция к размножению не может одновременно действовать, как фактор повышающий и принижающий, и не может служить одновременно самым могущественным стимулом и самым могущественным препятствием для всякого развития к высшим формам. Но в одном отношении Мальтус совершенно прав: если действительно все организмы имеют тенденцию размножаться за пределы средств существования, и если этой тенденции противодействует в последнем счете только недостаток средств существования, тогда эта тенденция должна вести к ослаблению и физическому вырождению особей. Правда, Мальтус выставляет это утверждение только относительно человека: он имеет при этом в виду пролетариат, который он мог в то время сам наблюдать. Но так как он, в вопросе о тенденции к безграничному размножению, не делает никакого различия между человеком и другими организмами, то деградирующее действие этой тенденции должно иметь значение для всех видов организмов, если только оно действительно существует в той форме, в какой его изображает Мальтус.

А между тем фактически не может быть никакой речи об упадке в области органической природы. Это предположение до того нелепо, до такой степени противоречит всем фактам, что вряд ли стоит об этом распространяться. Но вместе с этим, в сущности, уже опровергнут и взгляд Мальтуса, согласно которому именно недостаток средств существования мешает размножению организмов за известные пределы, и

организмы всегда имеют тенденцию перейти за пределы средств существования.

Продолжительный недостаток средств существования, продолжительное недоедание вряд ли выступало в животном мире в форме такого массового явления, как оно наблюдается среди современного пролетариата. Если бы уровень средств существования был всюду и постоянно недостаточен, то всюду и постоянно должна была бы свирепствовать ожесточенная борьба между особями того же вида за этот уровень. В действительности же такая борьба наблюдается только в очень редких случаях. В степях Африки мирно пасутся—или паслись до тех пор, пока они не были истреблены европейцами,—не только животные одного и того же вида, но и различных видов—зебры, страусы, антилопы, газели, жирафы. Они должны были иметь достаточно средств существования, ибо более сильным из них не приходило в голову прогонять более слабых.

Перенесение закона о народонаселении Мальтуса на мир низших организмов, стоящих ниже человека, возможно было только потому, что размножение отдельного организма рассматривалось изолированно. А в этом случае неоспоримо, что каждый такой организм имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии—1 : 2 : 4 : 8 : 16 и т.д.—и, таким образом, перейти за пределы средств существования.

Но как бы ни было в науке необходимо для определенных задач исследования изолировать определенные явления и рассматривать их отдельно от других, все же не следует забывать, что такой способ исследования недостаточен, чтобы понять, как следует, те явления, из которых каждое представляет только часть более крупного целого и может быть понято только в связи с ним. В подтверждение этого можно привести теорию стоимости в политической экономии. Если мы будем рассматривать каждый меновой акт как самостоятельное целое, то мы наверное не в состоянии будем констатировать, что в нем товары обмениваются пропорционально содержащимся в них количествам труда. Меновое отношение в каждом отдельном случае будет определяться целым рядом самых различных обстоятельств. Но иначе представляется нам дело, когда мы рассматриваем отдельный меновой акт, как звено обширного процесса производства и воспроизводства. Если ткач является на рынок с куском холста, стоившим ему шесть дней труда, а горшечник с горшками, стоившими ему три дня труда, то вполне возможно, что, в случае, если горшечник меньше нуждается в холсте, чем ткач в горшках, последний отдаст за горшки—продукт трех

дней труда—кусок холста, продукт шести дней труда. Если бы это происходило регулярно и неизменно повторялось, то горшечники получали бы за свою работу вдвое больше, чем ткачи. Но раз в обществе существует свобода выбора профессии и производства,—а это есть необходимое условие для неограниченного господства закона стоимости,—то ткачи возьмутся за гончарный промысел или, по крайней мере, их потомство обратится к нему; число ткачей и их продуктов понизится, а число горшечников будет увеличиваться, пока они в своих продуктах не станут обменивать друг с другом равные количества труда.

Как и закон стоимости Маркса, так и закон народонаселения Мальтуса приобретают совершенно другой вид, если размножение организмов рассматривается не изолированно, а в связи со всей органической жизнью. У Мальтуса, правда, дело обстоит совершенно иначе, чем у Маркса. То самое явление, которое у последнего при изолировании представляется недоказуемым или даже неверным, оказывается в общей связи вполне необходимым. Напротив, у Мальтуса то, что при изолировании представляется вполне очевидным фактом, оказывается, при рассмотрении в общей связи с другими явлениями, совершенно необоснованным предположением.

С точки зрения Мальтуса, все организмы только предъявляют спрос на средства существования. Но есть лишь очень мало организмов, которые не служили бы одновременно и средством существования для других организмов,—целиком, или частями, или продуктами,—листьями, плодами, яйцами и т. д. То, что, с одной стороны, является тенденцией к колоссальному возрастанию потребности в средствах существования, выступает, с другой стороны, как тенденция к безграничному увеличению средств существования. И если животный организм проявляет тенденцию размножаться до пределов своих средств существования, то он тем самым выказывает, с другой стороны, тенденцию сильнейшим образом ограничить размножение растительных или животных организмов, которые служат ему пищей.

Мальтузианцы не устают нам высчитывать, в каких колоссальных размерах размножились бы организмы, если бы для них не существовал определенный уровень средств существования. Они не замечают, в какой колоссальной степени изо дня в день истребляются организмы, как средства существования для других.

Очень наглядные данные на этот счет мы находим в книге Сутерланда «О происхождении нравственного инстинкта».

«Самое живое воображение только с трудом может составить себе хотя бы приблизительное представление о том уничтожении жизни, которое ежечасно совершается на земном шаре... Сельди, которых ежегодно ловят около берегов британских островов, столь же многочисленны, как весь человеческий род. Но каждая из них развилась за счет мелких рыб и ракообразных, которых она истребляла в течение ряда месяцев. Если взять из кучи первую попавшуюся сельдь, то в ней можно найти от 20 до 70 мелких животных. Если мы предположим, что каждая сельдь в течение полугода каждый день истребляла только одно такое животное, то британский годичный улов сельдей охватывал бы такое годичное уничтожение живых существ, число которых в 180 раз превышает число людей на земном шаре...

«Но истребление рыбы человеком является только ничтожной частью неизмеримой суммы. Корифена (Pomatomus saltatrix) зачастую съедает до 1.000 сельдей за один раз, а нередко большие отряды таких рыб неделями живут только за счет сельдей. Профессор Бэрд говорит, что если даже на каждую корифену считать только десять сельдей в день, то эти рыбы ежедневно пожирают 10.000.000.000 сельдей. Он высчитывает, что другие хищные рыбы около берегов Северной Америки ежегодно пожирают 3.000 биллионов сельдей, а это составляет менее четверти того количества сельдей, которое ежегодно истребляется во всех морях...

«И вся эта работа истребления ограничивается не только морями. В лесах и лугах, в лишенных всяких деревьев болотах и в густых чащах совершается непрерывный процесс истребления живых существ. Одна огнистая сова съедает в год средним числом 2.000 мышей. Ленц вычисляет, что один сокол в течение года истребляет свыше 1.000 птиц, и он думает, что одна семья из пяти сарычей ежегодно потребляет, по крайней мере, 50.000 грызунов, а каждый ястреб требует для своего годичного прокормления от 2.000 до 3.000 лягушек или других мелких животных.

«Но наше воображение совершенно бессильно, когда речь идет о том, чтобы представить себе, в каких размерах совершается истребление мелких животных... Брем приводит наблюдение, из которого вытекает, что семья из трех синиц в год легко может пожирать миллион гусениц... Если наблюдения, сделанные на Ямайке натуралистом Госсе, достаточны для расчета, то каждая маленькая птица в течение года пожирает до 250.000 насекомых. Вот почему, когда говорят, что число насекомых, истребляемых ежесекундно, в тысячу

раз больше, чем число людей, живущих на земном шаре, то забывают, что это до нелепости ничтожный расчет» [1]).

И ввиду этого «всеобщего потопа уничтожения» Сутерланд ставит вопрос: каким образом удается сохраниться хотя бы одному виду организмов?

А он принимает во внимание только *уничтожение* организмов посредством пожирания другими. Но сколько гибнет еще вследствие различных бедствий, сырости или засухи, холода или жары, наводнений, бурь, лавин и т. д.

В действительности, как замечает Сутерланд, для организмов существует только два способа спастись в этом «потопе» уничтожения: во-первых, развитие таких свойств, которые дают защиту против разрушительных влияний, или экстраординарная плодовитость. Сохраниться могут только такие виды организмов, способность размножения которых достаточна, чтобы пополнить все потери, произведенные в их рядах, несмотря на другие виды защиты, различными разрушительными влияниями. Как и многие другие свойства организмов, большая плодовитость также является орудием в борьбе за существование. Она безусловно необходима для сохранения угрожаемых организмов; но большая плодовитость организмов данного вида также необходима для существования других организмов, которые угрожают первым, т.-е. живут ими. То, что Мальтусу кажется тенденцией к размножению за пределы средств существования, в действительности только создает уровень средств существования. Если бы в природе всюду господствовала «система двух детей», то животные организмы скоро не имели бы чем питаться. Как скупой, который боится вложить в какое-нибудь предприятие свои деньги, должен жить на свой капитал и видеть, как он постепенно исчезает, так и определенный зоологический вид должен был бы быстро уменьшить число, а затем окончательно истребить те организмы, которыми он живет. «Система двух детей», которая, согласно теории Мальтуса, должна обеспечить максимальный уровень средств существования, на деле привела бы к тому—при условии, что она стала бы всеобщим законом природы,—что на земле прекратилась бы всякая растительная и животная жизнь. Колоссальная плодовитость, которая Мальтусу казалась причиной нищеты в природе, является, напротив, необходимой предпосылкой всякой жизни и жизнерадостности.

Закон народонаселения Мальтуса, как всеобщий закон

[1]) *Sutherland*, The origin and growth of the moral instinct, London стр. 20—24, 1898. (Есть русский перевод.)

органической природы, не имеет никакого смысла. Уровень средств существования каждого вида является, конечно, крайним пределом, дальше которого он не может размножаться. Но разрушительные силы в природе проявляются в таком огромном масштабе, что вряд ли существует хотя бы один вид организмов, который находился бы в положении, по мнению Мальтуса и его последователей, нормальном для всех видов: и, быть может, ни один из них не имеет тенденции размножаться непрерывно за пределы своих средств существования. *Временно* может, конечно, случиться, что какой-нибудь вид достигает этих пределов, но причина этого явления заключается не столько в быстром размножении собственного вида, сколько в задержке размножения, или усиленном уничтожении тех организмов, которыми он живет,—в случае неурожая, эпидемии и т. п.

Возможно, что закон Мальтуса имеет прочное значение для некоторых видов животных и растений. Но и этого нельзя сказать с уверенностью. Можно было бы утверждать, что ему подчиняются те животные, которые пожирают других животных, но не пожираются ими, как, например, крупные толстокожие—слоны, носороги—и большие хищники, как львы, тигры. Мы, как уже выше сказано, имеем при этом в виду только естественное состояние, при котором отсутствует еще вмешательство человека с его оружием и орудиями. В таком состоянии названные животные недоступны для вражеского нападения. И все же мы и у них не находим никаких следов перенаселения. Вот что пишет Брем о слонах:

«Слон, живущий в диком состоянии, отличается больше простотой, чем умом. Его духовные способности едва поднимаются до хитрости, *потому что богатая природа, которая его окружает и кормит, избавляет его от необходимости напрягать свой ум.*

«Богатство лесов, в которых они живут, так велико, что слоны, собственно говоря, никогда не испытывают нужды. Именно потому, что они постоянно живут в местностях, в которых пища для них имеется в изобилии, слоны не отличаются ни прожорливостью, ни жадностью» [1]).

Следовательно, и у них мы не видим никаких следов тенденции размножения за пределы средств существования.

Но каковы были бы последствия, если бы слоны действительно имели такую тенденцию?

Предположим, что число слонов удваивается в течение ста лет. Если теперь число слонов составляет 100.000, то по

[1]) *Brehm*, Tierleben, 2 Auflage, 3 Band, S. 477, 480. (Есть русский перевод.)

истечении 1.500 лет их было бы уже около 1.000 миллионов, больше, чем насчитывается людей на земном шаре. И еще задолго до того, как слоны достигли бы этого числа, они в тропических лесах размножились бы за пределы средств существования.

Но то, что образует для них сумму средств существования—растительность тропических лесов, составляет его также и для бесчисленного количества других животных. Чем сильнее размножались бы слоны, тем больше они должны были бы, как сильнейшие жители леса, вытеснять всех остальных животных. Если они достигли предела средств существования, или, другими словами, если они в течение года пожирают все, что имеется в лесу съедобного, то становится невозможным дальнейшее существование тех животных, которые питаются той же пищей. Но тогда также прекращается возможность существования и для хищников, которые питаются этими животными.

Выдержит ли тропический лес напор такой могучей массы пожирателей? Слон пожирает не только листья и плоды,—он уничтожает травы, кусты, деревья. Если бы он размножился в колоссальных размерах, то он, в конце концов, искоренил бы всю лесную растительность, и даже травы в еще большей степени, чем это случилось в гористых местностях около Средиземного моря, на которых были разведены в чрезмерных количествах козы и овцы. Безлесные, каменистые пустыни в Испании, Италии, Далмации, Греции, Малой Азии свидетельствуют, что чрезмерное число животных, пожирающих лесную растительность, может, в конце концов, сделать невозможною всякую органическую жизнь. И еще сильнее, чем вызванное вмешательством человека «перенаселение» коз и овец, должно было бы подействовать «перенаселение» слонов. После того как они своим чрезмерным размножением лишили бы всех остальных животных всяких средств пропитания, они, в конце концов, уничтожили бы всю растительность, служащую для них пищей, и сделали бы таким образом невозможным свое собственное существование. А тогда они все вымерли бы, и из скудных остатков органической жизни, сохранившихся в различных местах, могли бы развиться новые организмы.

Временное уничтожение почти всей органической жизни—вот неизбежная необходимость в том случае, если бы закон Мальтуса, действительно, господствовал в мире организмов, если бы все они имели тенденцию размножаться за пределы своих средств существования, и если бы только недостаток этих средств мешал их дальнейшему размножению.

Дарвинисты выводят из этого закона необходимость постоянной борьбы организмов между собою за уровень средств существования. Победителями из этой борьбы выходят сильнейшие, которые и продолжают дальше размножаться. Таким путем совершается развитие к все более совершенным формам. Но дарвинисты при этом опять впадают в старую ошибку: они рассматривают каждый вид изолированно и замечают только, что наиболее приспособленные и сильные *особи* внутри каждого вида сохраняются и побеждают других. Если же мы рассматриваем мир организмов в его *совокупности,* то закон Мальтуса должен вести к тому, что в борьбе различных *видов* между собою за уровень средств существования более сильные виды вытесняют более слабые, пока, в пределах данного уровня средств существования, не остается только один вид, самый сильный, который делает невозможным существование для всех остальных видов организмов, между прочим и для тех, которые служат ему пищей. Таким образом, он сам себе роет могилу.

Именно это—а не развитие внутри каждого вида к более высоким формам—представляет логический результат дарвинова понимания, если основывать его на законе народонаселения Мальтуса. А так как этот результат противоречит всем фактам, то тем самым доказывается несостоятельность всей основы.

Совершенно неверно, что организмы, без всякого исключения, имеют, всюду и всегда, тенденцию размножаться за пределы средств существования, и что единственным препятствием при этом служит недостаток средств пропитания. Мы скорее замечаем, как внутри отдельных видов организмов, так и в отношениях различных видов друг к другу, тенденцию к созданию и укреплению *равновесия* между силами, созидающими особи и виды, и силами разрушающими.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Равновесие в природе.

Если мы говорим, что в природе можно заметить постоянную тенденцию к состоянию равновесия между созидающими и разрушающими силами, то это на первый взгляд звучит несколько мистически, как вариант старой песни о всемудром творце, который в основу своего творения положил чудесную гармонию всех частей. Но чудо теряет свой сверхъестественный характер, если мы попытаемся предста-

вить себе, как в начале земной жизни должны были действовать силы размножения и разрушения.

Простейшие известные в настоящее время организмы—клеточки. Более простых организмов пока не открыто, но мы имеем все основания предполагать, что клеточкам предшествовали еще более простые организмы—просто комочки белка без клеточного ядра, которые или уже не существуют в настоящее время, или настолько малы, что ускользают от наблюдения под микроскопом.

По форме, по способу питания и размножения к ним всего более подходят простейшие из известных в настоящее время организмов—амебы.

Как они размножаются?—Путем деления: оно, во всяком случае, было первой формой размножения.

Подобный комочек протоплазмы растет вследствие того, что он из окружающей среды притягивает к себе и усваивает известные вещества, принимает пищу до тех пор, пока его масса уже не может держаться в одном комке. Тогда он распадается на две части. Здесь размножение есть прямое следствие притока пищи: степень последнего определяет степень размножения. Оба явления идут одинаковым темпом, и ни одно из них не обнаруживает тенденции опередить другое. Но чем определяется приток пищи?

Возможно предположить два случая, смотря по способу происхождения жизни на земле.

Можно принять гипотезу *самозарождения*—образование при известных химических условиях живой, органической материи из неживой, неорганической материи, скорее всего из цианистых соединений, которые делаются все более сложными и подвижными, все более и более легко выходят из состояния равновесия и все более легко возвращаются к нему, не теряя его окончательно, пока, наконец, из этой подвижности длительно-связанных соединений не получится то, что мы называем жизнью. Но можно также принять, что первая живая материя на земле развивается из зародышей, носящихся в мировом пространстве, происходящих из других миров и достаточно защищенных против холода и других вредных для жизни влияний мирового пространства. Конечно, это значило бы не разрешить, а только отодвинуть дальше те затруднения, которые встречает теория самозарождения.

В первом случае мы должны принять, что первичные существа возникают повсюду, где даны условия их существования, что они, следовательно, при самом их возникновении держатся на уровне средств существования, которые

в известную эпоху предоставляет им земля, или, скорее, море,—ибо они прежде всего возникают в воде. Во втором случае возможно, что начало жизни на земле образуют немногочисленные зародыши, попадающие на землю, что питательная среда гораздо больше, чем это нужно для их потребностей. Размножение таких простейших организмов при соответствующем притоке пищи происходит необыкновенно легко.

В примечании ко второму изданию своих «Оснований биологии» Спенсер замечает:

«Д-р Эдуард Клейн, в лекции в «Royal Institution» 2-го июня 1898 г., утверждал, что 246 бактерий в 1 куб. сант. питательной жидкости в течение 24 часов размножаются до 20 миллионов. Это дает к концу третьего дня для каждой особи потомство в 537.367.797.000.000, т.-е. 537 биллионов» [1]).

Существ, которые могли бы помешать подобному размножению, еще нет в той стадии, которую мы имеем в виду,—следовательно, в нашем случае мы также можем принять, что все средства существования в самое короткое время будут использованы. Начиная с этого момента, дальнейший прирост в числе таких существ невозможен, пока остаются неизменными внешние условия—количество, температура и химический состав воды. Только в случае гибели одного из существующих организмов его материя является питательным веществом для другого, уже существующего организма, что облегчает возможность его роста и размножения.

В той стадии жизни, когда существует только один род организмов, они заполняют всю питательную среду, и их размножение идет вперед только путем деления или распадения надвое вследствие увеличения объема. В этой стадии *уничтожение* одних организмов и *приток питательных веществ* для других особей того же вида—величины однозначущие, и от них находится всецело в зависимости *размножение. Все три процесса идут одним и тем же темпом*. Равновесие созидающих и разрушающих факторов в этой стадии не заключает в себе ничего чудесного и таинственного; оно неизбежно дается самими условиями природы.

В дальнейшем ходе развития в процесс вступают промежуточные члены; взаимная зависимость упомянутых трех явлений все более теряется; к этому присоединяется различие организмов друг от друга; уровень средств существования для каждого вида делается все более разнообразным; каждый вид должен делиться средствами существования с другими все более разнообразными видами; точно так же

[1]) *Spencer*, Principles of biology, 1899, S. 443

делаются все разнообразнее и разрушающие силы; наконец, условия размножения являются все более и более сложными и запутанными—встреча производящих особей, оплодотворение, сохранение оплодотворенного яйца в теле матери, рождение, вскармливание, воспитание к самостоятельной жизни.

Приток питательных веществ, размножение и уничтожение имеют тогда тенденцию становиться все более независимыми друг от друга; каждое из этих явлений развивается вне прямой связи с другими двумя. Но если рассматривать всю совокупность организмов в целом, то прежнее равновесие между уничтожением, притоком питательных веществ и размножением никогда не может быть нарушено на продолжительное время; оно постоянно восстанавливается подобно равновесию частей каждого отдельного организма. Поверхность земли (и воды), дающая организмам пищу, есть, при данных условиях, величина постоянная, которую нельзя увеличить; тем самым дается также и определенный уровень средств существования. Размножение организмов, в общем, может итти дальше лишь постольку, поскольку это допускается их одновременным уничтожением. И в настоящее время приток питательных веществ для одних обусловлен уничтожением других.

Если бы, однако, отдельные виды организмов обнаружили тенденцию нарушить это равновесие, то сейчас же выступили бы другие тенденции, действующие в противоположном направлении. Такие тенденции к восстановлению равновесия изучал Герберт Спенсер в своей «Биологии»; Сутерланд также рассмотрел некоторые из этих тенденций в вышеупомянутом труде.

Еще в 1852 году Спенсер опубликовал в «Вестминстерском Обозрении» работу под заглавием: «Теория народонаселения, основанная на общем законе плодовитости животных». В этой статье он доказывает следующее положение: «Пока существует какой-либо вид (организмов), до тех пор силы, ведущие к его уничтожению, и силы, поддерживающие его жизнь, должны иметь тенденцию к равновесию».

Ту же самую мысль он развил в отделе о «Законах размножения» во II томе своих «Оснований биологии», вышедших в 1867 г. В новом издании 1899 г. он, естественно, сделал значительные изменения, соответствующие могущественному росту естественных наук в этом периоде. Тем не менее, в предисловии он мог сказать: «Выводы, сделанные мною в шестом отделе о законах размножения, насколько я знаю, не были опровергнуты».

От середины прошлого столетия осталось немного естественно-научных теорий, о которых можно было бы сказать то же самое.

Спенсер исходит из предположения, что количество силы, которое может развить какая-либо особь, есть величина определенная. А в таком случае организм может употребить тем меньше сил для продолжения рода, чем больше он должен затратить их для поддержания собственной жизни, и наоборот.

«Поэтому индивидуация и размножение находятся неизбежно в антагонизме друг с другом. Если мы под термином «индивидуация» будем понимать все процессы, из которых состоит и которыми поддерживается жизнь отдельной особи, а слово «размножение» будем употреблять в более широком смысле, включая сюда все процессы, необходимые для зарождения и развития новых особей, то мы сейчас же увидим, что оба рода явлений коренным образом противоположны друг другу. Допустим, что внешняя среда остается неизменной, т.-е. что все условия, как климат, питание, враги организма и т. д., продолжают существовать без изменения,—тогда всякая более высокая степень индивидуального развития необходимо обусловливает более низкую степень размножения вида, и наоборот. Каждый шаг вперед в отношении величины, сложности строения или активности организма вызывает шаг назад в плодовитости, и, наоборот, прогресс в плодовитости обозначает регресс в отношении величины, сложности и активности» [1]).

Ясно, что этот закон должен воздействовать на поддержание равновесия в мире организмов. Это значит, что в общем высшие и более сильные животные, для которых низшие и более слабые составляют, на-ряду с растениями, пищу, размножаются медленнее их. Этим одни предохранены от полного истребления, а другим обеспечен приток пищи. Чем меньше какое-либо животное может бояться врагов или чем легче оно может избежать их, тем медленнее по общему правилу оно будет размножаться. Медленнее всего размножается слон, утробная жизнь которого достигает 20 месяцев и который растет до 20—24 лет. Сравните с этим способность к размножению бактерий, о которых мы говорили выше. На подобное же отношение указывает Спенсер в растительном мире, где «один дуб в течение столетий не производит столько молодых дубов, сколько спор в одну ночь рассеивает один гриб» (стр. 459).

[1]) *Spencer*, Principles of Biology, II, 433, London 1899.

Разумеется, противоположность между «индивидуацией» и плодовитостью принимает в природе самые разнообразные формы. На каждый высший организм воздействуют самые разнообразные факторы, развивающие разнообразные, взаимно перекрещивающиеся тенденции, так что основной принцип не всегда можно ясно видеть. Но, в конце концов, он все же пробивается наружу.

Здесь мы приведем лишь несколько моментов, порождающих значительное разнообразие в проведении этого принципа. Спенсер, как мы сказали, исходит из того, что сила особи есть величина постоянная, что, следовательно, каждая лишняя затрата ее на рождение и поддержание потомства уменьшает те силы, которые остаются на поддержание и усовершенствование особи, и наоборот.

Если мы теперь примем, что количество силы, которую особь может затратить на рождение и воспитание потомства, есть величина определенная, то затрата силы на рождение должна быть тем меньше, чем больше затрата на воспитание. И наоборот. Чем больше силы будет затрачивать особь на поддержание и воспитание своего потомства, тем меньше останется на произведение новых зародышей.

Рыбы, которые почти не заботятся о своем потомстве, могут все находящиеся в их распоряжении силы для воспроизведения рода затрачивать на производство яиц и семени. И они действительно производят невероятное количество икры. Наоборот, количество ее гораздо меньше у тех рыб, которые заботятся о потомстве. «Сравните треску с ее миллионами яиц, которые она мечет, оставляя их на произвол судьбы, и морского конька с немногочисленными, но сравнительно большими яйцами, которые самец носит в карманообразной складке около хвоста или прячет в полукруглых углублениях своей кожи. Или мы можем указать на еще более замечательный вид Arius и особенно Arius Boakeii— рыбку в 6—7 дюймов длины. Она производит 10—12 яиц диаметром от 5 до 10 миллиметров. Самец сохраняет эти яйца до их зрелости в своем рту» [1]).

Колюшка, как известно, строит гнезда и охраняет молодое поколение некоторое время и после того, как оно вылупится из яиц. Она мечет всего от 60 до 80 яиц [2]).

Треска же откладывает 6 миллионов яиц, осетр 3—7 миллионов. Правда, последний настолько добр, что он только из небольшой части этих яиц производит потомство, в большинстве его яйца остаются икрой—«средством пропитания», хотя и не для народа.

[1]) *Spencer*, Ibid., 435.
[2]) *Brehm*, Ibid., VIII, 91.

Оставляет ли животное свои яйца или свое молодое поколение на произвол судьбы, должно ли и может ли оно заботиться о них продолжительное время,—это зависит, естественно, не от его благоусмотрения. Большую роль играет при этом образ жизни. Сравним, например, тех млекопитающихся, которые пасутся на открытом поле, с теми, которые на время могут скрываться. Примером первых могут нам служить дикие лошади или буйволы. Они нигде не могут спрятать новорожденных; последние должны оставаться постоянно в стаде, если не хотят пасть жертвою хищных животных. А стадо в поисках за кормом должно постоянно менять место: трава скоро вытаптывается. Молодое поколение должно быть в состоянии уже вскоре после рождения не отставать от стада, чтобы не быть покинутым. Такие животные могут выращивать своих детей только в том случае, если они рождаются уже достаточно развитыми. Так оно и бывает у двух упомянутых видов,, и, вообще, у копытных.

Совершенно другое наблюдается у животных, которые, по условиям местности или образа жизни или благодаря своим небольшим размерам, могут скрывать свое потомство в пещерах или каких-нибудь других убежищах. Там новорожденному нет надобности появляться на свет совершенно развитым. В течение недель и даже месяцев молодое поколение может оставаться неспособным двинуться с места или слепым. Мать может оставить своих детей на несколько часов, чтобы поискать себе пищи: врагам нелегко будет открыть убежище.

У животных последнего рода утробная жизнь должна быть короче, чем у животных первого рода,—разумеется при прочих равных условиях, например, при одинаковой сложности организма. Но чем дольше утробная жизнь, тем больше требований предъявляется к силам матери и поэтому тем меньше число родящихся.

Лошадь, корова, олень родят только по одному детенышу. Львица производит на свет двух сразу и прячет их или в логовище или в чаще. «Дикая кошка перед родами отыскивает себе заброшенную нору барсука или лисы и производит на свет 5—6 котят, которые родятся слепыми, как и у домашних кошек» [1]).

Влияние образа жизни на степень развития новорожденных и их число выступает совершенно ясно при сравнении

[1]) *Brehm*, Ibid., I, 454.

двух столь близких родов, как заяц и кролик. Первый живет в открытом поле, второй—в подземных норах.

Зайчиха выбирает для родов простое углубление на земле. Молодое поколение должно скоро само заботиться о своей безопасности и о своем продовольствии. Зайцы родятся «с открытыми глазами и во всяком случае очень развитыми» (Брем).

Кролики, наоборот, родятся слепыми; они остаются в норе и сосут мать до ее следующих родов. Зайчиха родит 4 раза в год, первый раз 1—2, второй 3—5, третий—3 и четвертый раз опять 1—2 детенышей. Кролики производят 7—8 раз в году, каждый раз от 4 до 12 детей.

При большом сходстве в строении организма различие это может проистекать только из различия в образе жизни. Конечно, это объясняется не только тем фактом, что молодое поколение, которое родится в поле и там же должно само о себе заботиться, должно быть более развитым, чем воспитанное в норе. Тут нужно принять во внимание и то, что образ жизни зайца требует большей затраты сил для сохранения особи, так что для продолжения рода у зайца остается меньший излишек сил, чем у кролика. Последний проводит целый день в своей норе, а по ночам бродит по возможности недалеко от нее, так что при приближении опасности может быстро спрятаться. Он не делает больших переходов. Заяц, наоборот, бродит на неопределенно большом пространстве и должен быть готов при малейшем опасном признаке пустить в ход быстроту своих ног.

Различие в затрате сил является одной из самых важных причин, почему крупные животные, при прочих равных условиях, менее плодовиты, чем мелкие.

«В силу того закона, что вес животного возрастает пропорционально кубу размеров тела, тогда как сила возрастает только пропорционально квадрату этих размеров,—всякая данная быстрота передвижения у крупного животного требует поглощения относительно большего количества питательных веществ, чем это нужно мелкому животному» [1]).

Если три различных животных по величине стоят в отношении 1 : 2 : 3, то отношение их силы будет в лучшем случае 1 : 4 : 9, тогда как отношение их веса будет 1 : 8 : 27. Следовательно, сила самого крупного из трех будет превосходить силу самого мелкого в 9 раз, а вес его в 27 раз. Чем крупнее животное, тем большую часть силы оно должно затрачивать на передвижение и тем меньше избыток силы, остающийся для продолжения рода.

[1]) *Spencer*, Ibid., II, 434.

Сравнение это, как и все прежние, имеет силу, естественно, только при прочих равных условиях.

Остающийся для продолжения рода избыток сил может, вопреки упомянутому закону, у крупного животного быть больше, чем у мелкого, если первое по своему образу жизни и питания не вынуждено делать много движений, тогда как последнее нуждается в большей подвижности.

В общем, травоядные находят себе много пищи на одном клочке земли. К тому же растения не защищаются и не убегают. Травоядным не нужно делать таких больших движений в поисках пищи, как хищным животным, которые должны выследить живую добычу, поймать ее и убить. Это обстоятельство действует в том направлении, что хищные животные имеют тенденцию размножаться медленнее, чем травоядные, на счет которых они живут; но это же обстоятельство ведет также к тому, что предельные размеры, которых может достигнуть вид животного, для хищных животных меньше, чем для травоядных. Все это имеет тенденцию к ограничению разрушающих сил, развиваемых хищными животными [1]).

Закон, согласно которому вес тела возрастает быстрее, чем его сила, приводит к тому, что каждый вид животного не может быть больше определенных размеров. Ни одно животное не может быть так велико, чтобы вес его тела осуждал его на неподвижность. Но оно должно не только двигаться и быть способным отыскивать себе пищу и отражать врагов, оно должно, кроме того, иметь избыток сил для произведения потомства, чтобы поддержать равновесие между тенденциями разрушения и сохранения вида.

Но затрата силы для передвижения определенного веса не одинакова при всех обстоятельствах. Она меньше всего для животных, плавающих в воде, больше для тех, которые двигаются на твердой земле, и всего больше для движения в воздухе. Соответственно этому самых крупных животных мы находим в море. Кашалот достигает 30 метров в длину и 12 метров в окружности. У слона длина туловища 4 метра, высота 3—4 метра. Тело птиц имеет сравнительно ничтожные размеры.

Но так как у птиц увеличение тела требует сравнительно больших затрат силы, чем у других животных, то именно на птицах можно особенно ясно проследить связь между увеличением тела и уменьшением способности к размножению.

Альбатрос, этот исполин среди пернатых, с наибольшим размахом крыльев, редко кладет больше одного яйца.

[1]) В окончательной редакции Каутский вычеркнул этот абзац. *Д. Р.*

«Исследовавшии более ста гнезд Корник только в одном нашел два яйца» [1]).

«В отряде хищных птиц существует много видов, которые, отличаясь друг от друга по величине, ведут одинаково подвижной образ жизни, и здесь меньшие размером всегда имеют более многочисленное потомство, чем более крупные. Золотой орел несет обыкновенно по два яйца, иногда три, часто только одно. У коршунов и соколов число яиц возрастает с 2 до 3 и с 3 до 4, а у ястреба-воробьятника (Astur nisus) мы находим обыкновенно 3—5 яиц. То же самое мы находим у сов: в то время как большой филин (Bubo maximus) несет от 2 до 3 яиц, у сравнительно небольшой обыкновенной совы (Syrnium aluco) мы находим всегда 4—5 яиц... Перейдем к еще более мелким птицам, например, к корольками и синицам,—мы найдем здесь 8, 10, 12 и даже до 15 яиц и часто еще два выводка в году. Одну из самых лучших иллюстраций дает нам семенство ласточек, так как внутри его почти не наблюдается различий в образе жизни и питания. Береговая ласточка (Hirundo riparia), самая маленькая из всех, несет 4—6 яиц и выводит дважды в год; обыкновенная ласточка (Chelidon urbica), немного больших размеров, несет 4—5 яиц, а морская (Cypselus apus), которая еще больше, несет только 2 яйца [2]).

Сколько сил требует летание и как сильно оно понижает способность к размножению, это легко видеть из сравнения летающих и нелетающих животных одного и того же класса. Среди млекопитающих летучая мышь одно из самых маленьких животных. Обыкновенная летучая мышь имеет в длину только 7—8 сант. Тем не менее она в год родит только одно животное,—столько же, сколько большой благородный олень.

Сравним, с другой стороны, самую крупную птицу, страуса.—он достигает такой величины именно потому, что не летает,—с его летающими товарищами по классу. Оказывается, что он превосходит своей плодовитостью большинство птиц. Он кладет 15—20 яиц,—больше. чем королек.

Это, однако, нельзя объяснить исключительно большей затратой сил, которых требует летание. Здесь имеет значение еще и другое обстоятельство. Различие между животными, живущими в открытом поле на земле и несущими там свои яйца, и животными, воспитывающими свое потомство в гнездах или в пещерах,—это различие у птиц, которые не

[1]) *Brehm*, Tierleben, Vogel, III, стр. 564.
[2]) *Spencer*, l. c., II, 470, 471.

знают беременности и не кормят грудью, приводит к совершенно другим следствиям, чем у млекопитающих. В противоположность последним, птицы, высиживающие яйца в гнездах, имеют тенденцию выводить меньше птенцов, чем птицы, высиживающие в открытом поле. Спенсер указывает на разницу между диким голубем, который два раза в год выводит только по 2 птенца, и куропаткой, которая выводит по 10—15 птенцов в год. Различие это вытекает из того, что для куропатки вся задача продолжения рода исчерпывается несением и высиживанием яиц. Как только птенцы вылупятся из яиц, они сами себе находят пищу и не требуют от родителей дальнейших затрат силы. Наоборот, те летающие птицы, которые выводят птенцов в гнездах, должны, пока птенцы не научились летать, найти и принести им пищу, а это требует большой затраты сил, которая скоро исчерпывала бы весь запас сил родителей, если бы число птенцов было слишком велико.

При таких обстоятельствах слишком плодовитые пары не могут вырастить своего потомства и потому не имеют шансов передать свою плодовитость по наследству.

Как велика затрата сил на вскармливание в гнездах не умеющих летать птенцов, показывает тот факт, что в этой работе участвуют в равной мере оба родителя. Сил одной особи для нее недостаточно. У млекопитающих, наоборот, отец обыкновенно очень мало заботится о потомстве: то же самое мы наблюдаем у бегающих птиц, например, в семенстве куриных. Но как раз у страусов, в виде исключения, только отец несколько заботится о высиживании яиц, поскольку они не подвергаются исключительно действию солнца.

Из всего этого видно, какие различные формы принимает размножение организмов при различных условиях их существования. Но все эти различия—только различные выражения одного и того же закона: запас жизненных сил организма, при данных условиях, есть величина постоянная, и сумма сил, потребных для размножения и для сохранения особи, никогда не может превысить ее. Поэтому всякое увеличение одного из слагаемых должно уменьшить другое, и наоборот.

Но если затрата сил, на которую способен организм, есть при данных условиях величина постоянная, то, при изменении этих условий, плодовитость особи или вида может изменяться даже при неизменяющейся затрате сил на сохранение особи или при неизменяющемся соотношении между затратой на сохранение особи и на размножение.

Чем богаче источники, дающие организму новые силы, тем больше, при прочих равных условиях, его плодовитость.

К этим источникам принадлежат теплота (солнечный свет) и, прежде всего, пища. Чем богаче пища, тем больше плодовитость. К этому взгляду пришли почти одновременно Герберт Спенсер и Дарвин, который говорит об этом в своей книге «Об изменении животных и растений». Главным аргументом в защиту этого взгляда является тот факт, что домашние животные, как общее правило, обнаруживают большую плодовитость, чем их дикие предки. Конечно, здесь, помимо влияния правильного и обильного питания, не нужно упускать из виду и то обстоятельство, что домашним животным не нужно отыскивать пищу, они находят ее готовой, что избавляет их от значительных затрат силы. Но это соображение не имеет отношения к растениям, где влияние обильного удобрения ясно отражается на урожае.

«В некоторых случаях [1]),—говорит Дарвин,—как, например, у свиней, кроликов и у тех растений, которые ценны своим зерном, большое влияние на увеличение плодовитости имел, вероятно, прямой искусственный подбор наиболее плодовитых особей для разведения потомства; и во всех случаях подбор мог происходить косвенно, вследствие большей вероятности для более многочисленного потомства плодовитых особей пережить потомство других. Но для кошек, хорьков, собак, а также для таких растений, как морковь, капуста, спаржа, которые ценятся не за их плодовитость, искусственный подбор может играть лишь подчиненную роль; увеличение их плодовитости должно быть приписано более благоприятным условиям жизни, в которых они долгое время существовали».

Достоин внимания и следующий факт, на который указывает Спенсер. У пчел и муравьев, в зависимости от количества пищи, вылупившаяся из яйца женская личинка превращается в бесполую работницу или матку.

Об австралийских птицах Гульд говорит:

«В начале весны, пока количество насекомых еще не велико, они несут всегда только немного яиц. и, наоборот, начинают нести много лишь позже, когда количество насекомых увеличивается».

Подобные же наблюдения можно сделать на европейских животных, которые рождают по несколько раз в год. Достаточно вспомнить, что мы говорили выше о зайце, который в первый раз (в марте) приносит 1—2 детенышей, во второй—3—5, в третий—3 и в четвертый (в августе) опять 1—2.

[1]) *Darwin,* Animals and Plants, II.

Опыты также подтверждают уменьшение плодовитости при дурном питании:

«Кено выкормил два выводка белых крыс; одному он давал обильную и разнообразную пищу; другой питался скудно, одним хлебом. Хорошо вскормленные особи производили за один раз более многочисленное потомство, чем плохо вскормленные» [1]).

Против этого возражают, что у людей пролетарии более плодовиты, чем состоятельные классы, затем, что откормленные животные делаются бесплодными, и что у растений наблюдаются подобные же явления.

Что касается человека, то о нем мы будем говорить позже. У животных же дело стоит так, что избыток питания, ведущий к чрезмерному отложению жира, вызывает болезненные нарушения в организме, от которых страдает система воспроизведения. Эта система по природе своей в высшей степени чувствительна и легко перестает функционировать, если организм поставлен в непривычные условия. В пользу этого Дарвин приводит многочисленные доказательства. Это одна из причин, почему многие животные взаперти делаются бесплодными и не могут быть приручены, как домашние животные.

У растений дело усложняется еще тем, что для них семена не являются единственной формой размножения. У них есть для этого и другие органы—ростки, клубни, корневища, которые развиваются тем сильнее, чем более скудно развиваются семена. Существует много не только таких растений, которые еще не доразвились до образования семян, но и таких, которые, благодаря искусственной культуре, утратили эту способность и, тем не менее, размножаются чрезвычайно быстро.

Эти примеры, таким образом, отнюдь не лишают силы того общего закона, что, при прочих равных условиях, размножение организмов идет тем быстрее, чем обильнее восстановление сил, т.-е. приток пищевых веществ,—пока он не станет чрезмерным и не обратится в свою противоположность, т.-е. из источника силы станет источником бессилия, болезни.

Все эти факторы самым разнообразным образом воздействуют на мир организмов, но исходя при этом из одного и того же принципа и действуя в одном и том же направлении. Равновесие между уничтожением и размножением особей, существовавшее с самого начала, должно существовать и даль-

[1]) *Th. H. Morgan,* Experimentelle Zoologie, 1909, p. 454.

ше. В растущем разнообразии жизни оно осуществляется путем тех тенденций, которые мы только что описали, и которые действуют в том направлении, чтобы сумму сил, поддерживающих существование вида, привести в равновесие с суммой сил, уничтожающих его.

Во всяком случае, можно было бы допустить, что по временам определенные виды организмов на более или менее продолжительное время выходят из этого равновесия. Каковы будут последствия этого?

Если размножение какого-либо вида происходит слишком медленно, так что потери, вызываемые различными вредными для рода элементами, не успевают пополниться, то, в конце концов, этот вид должен исчезнуть.

Но так просто дело в тех случаях, когда ежегодный прирост превышает в течение продолжительного периода ежегодные потери. Будет ли здесь иметь место тот случай, как думает Мальтус, что вид размножится до крайних пределов, допускаемых уровнем средств существования, и что дальнейшее размножение будет остановлено опустошениями, вызываемыми, прямо или косвенно, недостатком пищи?

Если вид, имеющий тенденцию к перенаселению, принадлежит к числу тех, которые являются пищей для других животных, то его размножение повышает уровень средств существования для последних и вызывает у них усиленное размножение, так как теперь они будут питаться обильнее, меньше затрачивать сил на добывание пищи, и, следовательно, быстрее размножаться. Избыток с одной стороны уменьшит избыток с другой и не допустит перенаселения.

Если же этот склонный к перенаселению вид принадлежит к хищным, которые сами не являются пищей для других тогда усиленное, размножение его поведет к недостатку средств существования не только потому, что увеличится число особей, между которыми должно быть поделено данное количество пищи, но и потому, что самое количество пищи уменьшится: «перенаселение» отразится таким образом, что хищники будут пожирать свою растительную или животную пищу быстрее, чем она успеет размножиться. Чрезмерное размножение на одной стороне в данном случае означает постоянное уменьшение на другой, постепенное понижение уровня средств существования. Вследствие этого, находящийся в состоянии перенаселения вид, несмотря на свою большую плодовитость, будет постоянно уменьшаться, пока не истребит всех запасов пищи и тем самым осудит себя на вымирание.

При этом нужно различать те виды, которые питаются животными, от тех, которые питаются растениями. Для первых растущее уменьшение пищи выражается в том, что служащие им пищей животные попадаются все реже, рассеиваются на большом пространстве, делаются пугливее, легче убегают, так что требуется все больше усилий, чтобы их поймать. Это растущее напряжение сил, при скудном питании, уменьшает плодовитость соответствующего вида хищников и, таким образом, противодействует перенаселению.

Не так благоприятно складываются обстоятельства для крупных травоядных, которые не имеют врагов. Мы уже рассмотрели этот случай выше по отношению к слонам. Здесь чрезмерная плодовитость ведет к тому, что целые обширные области, где такие животные находят себе пищу, делаются по временам необитаемыми для всех более крупных животных, и все виды таких животных должны там вымереть.

В каждом из этих различных случаев конец песни один и тот же—вымирание всех видов, размножение которых не может приспособиться к равновесию между поддержанием и уничтожением организмов.

Существует не только подбор особей внутри отдельного вида организмов, но и подбор видов. Возможно даже, что существует подбор между различными *системами* организмов. Внутри каждой из этих систем все виды организмов связаны между собой тем или иным способом. Всюду, где замечаются продолжительные уклонения от первоначального равновесия между разрушением и поддержанием жизни, они рано или поздно устраняются путем браковки неподходящих особей, видов или систем видов. Только приспособившееся удерживается в жизни. Это относится как к способности размножаться, так и ко всем другим свойствам организма. Приспособленной же к условиям жизни является не та способность к размножению, которая стремится перейти пределы средств существования, но та, которая остается на некотором расстоянии от этих пределов. Таким образом, делается возможным самое полное развитие особей, и, вместе с тем, может длительно сохраняться равновесие между поддержанием и уничтожением жизни как для отдельного вида, так и для всей совокупности видов.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Революция и застой в природе.

Когда мы говорим о равновесии между уничтожением и размножением организмов, то под этим, понятно, надо разуметь не неподвижно-устойчивое состояние, а тенденцию, которая проявляется с бо́льшими или меньшими колебаниями и лишь в *среднем* создает состояние равновесия. Отклонения будут более значительными у тех видов, уничтожение и размножение которых находятся в большей зависимости от меняющихся внешних условий, например, от погоды—действуют ли эти условия непосредственно на них или на другие организмы, служащие для них пищей. У тех видов, у которых внешние условия жизни более равномерны, и размах колебаний будет меньше. Сутерланд приводит два диаметрально противоположных примера такого рода. В пампасах Южной Америки мыши размножаются в громадном количестве, если несколько лет под-ряд лето было для этого благоприятно. Но такое размножение мышей влечет за собою и усиленное размножение их врагов, которые быстро кладут конец избытку мышей. Сокращение количества мышей задерживает дальнейшее усиленное размножение хищников, питающихся ими. Число последних тоже сокращается, и, когда вновь наступает благоприятное лето, мыши на первых порах встречают мало врагов, которые могли бы помешать их новому усиленному размножению.

С другой стороны, наблюдалось, что журавли, поселившись в каком-нибудь районе в избыточном количестве,—скажем, в количестве пятидесяти,—впоследствии из года в год возвращаются в то же место в том же самом количестве. Точно так же и ласточки, говорят, ежегодно возвращаются в раз облюбованное место в одном и том же числе пар.

И в том, и в другом случае,—предполагая, что внешние условия в среднем оставались неизменными для нескольких поколений,—для отдельных видов должна была установиться известная норма плодовитости, которая отражает для них состояние равновесия и является конечным результатом предшествовавшего долгого процесса взаимного приспособления и вытеснения неприспособленных и неспособных к приспособлению. Эта норма плодовитости делается наследственной, как и остальные отличительные признаки организмов, и приобретает тенденцию оставаться неизменной,—по крайней мере, на некоторое время,—и тогда, когда внешние условия меняются.

Если в течение долгого времени,—а мы здесь считаемся с геологическими периодами,—внешние условия оставались неизменными, и различные виды организмов достигли состояния взаимного равновесия, основанного на свойствах, передающихся по наследству, то равновесие исключает возможность дальнейшего развития на все время, пока остаются неизменными внешние условия, создавшие его. Да и какое еще дальнейшее развитие может оказаться необходимым и возможным, раз различные виды организмов наилучшим образом приспособились друг к другу и к теллурическим условиям, т.-е. к условиям, которые определяются состоянием земли?

Дарвинисты, опирающиеся на Мальтуса, видят в недостатке пищи силу, неуклонно толкающую к непрерывному дальнейшему развитию на том основании, что из-за пищи возгорается борьба, в результате которой остаются жить и продолжают размножаться только самые совершенные организмы. Но мы уже видели, что раз такой недостаток пищи превращается в постоянное явление, то он приводит не к усовершенствованию, а к вырождению и окончательной гибели организмов.

Предполагаемое нами равновесие, однако, не заключает в себе ничего, несовместимого с эволюционной теорией, хотя оно и делает мало вероятной возможность дальнейшего развития в течение всего периода господства такого равновесия. Равновесие предполагает непрерывное повторение одних и тех же внешних условий, что не исключает возможности незначительных изменений в них. Но всякое длительное и более глубокое изменение во внешних условиях неминуемо нарушит равновесие между организмами: в одном месте население окажется недостаточным, в другом оно вызовет перенаселение, а в борьбе за существование оно приведет к крайностям, далеко выходящим из рамок, нормальных при состоянии равновесия, и во взаимных отношениях между отдельными особями и видами произойдет целый ряд беспорядочных изменений то в одну, то в другую сторону. И это хаотическое состояние будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, новые условия, если только они приобретут прочную устойчивость, не создадут новых видов и новых взаимоотношений между ними, пока вновь не установится состояние равновесия,—отнюдь, впрочем, не гармония. Вновь установившееся равновесие, в свою очередь, продержится до тех пор, пока не произойдет новых глубоких перемен во внешних условиях.

Такого рода переворотами, при которых коренным образом меняется внешний вид, климатические и другие условия отдельных частей света и даже всей земли, являются ледниковые периоды, эпохи повышения и понижения материков и морского дна, изменение направления морских течений, изменение положения земной оси и т. д.

Что такого рода изменения временами происходили, мы знаем. И эти изменения должны были вызывать изменения в условиях жизни растений и животных, уже благодаря одному тому, что организмы менялись под влиянием изменения химических и иных раздражений, под влиянием усиления холода, сухости, изменения характера пищи, появления новых форм и способов потребления пищи. Для многих организмов должны были сделаться необитаемыми места, где они прежде жили. Они вынуждены были бежать и, вместе с другими беглецами, скучиваться на новых местах, выдерживать там жестокую борьбу, которая приводила к новому подбору, но также и к новым скрещиваниям, создававшим новые виды.

В конце всего процесса появляется новый органический мир, лучше приспособленный к изменившимся внешним условиям.

Но если изменения внешних условий и приспособление к ним составляет все, чем обусловливается изменение видов, то спрашивается: благодаря чему изменение видов всегда является эволюцией к новым, более совершенным формам?

На этот вопрос надо ответить, прежде всего, вопросом же: что делает форму более совершенной? Очевидно, бо́льшая разнородность ее отдельных частей, более широкое разделение труда между ее органами. Но для того, чтобы объяснить эту все возрастающую разнородность, совершенно нет надобность предполагать какое-то внутреннее стремление к высшему развитию, якобы живущему в каждом органическом существе,—мистическая тайна, которая ничем не лучше всех старых мистических тайн. Возрастающую разнородность организмов и их органов легко объяснить, если признать, что и во внешних свойствах нашего земного шара проявляется постоянно возрастающая разнородность.

Невозможно, понятно, с полной обстоятельностью написать историю земной поверхности. Но очень многое говорит в пользу предположения, что ко времени, когда возникли организмы, земная поверхность отличалась крайним однообразием. Все указывает на то, что еще не было ни больших возвышенностей, ни глубоких низменностей. Водяная масса была еще невелика, представляла неглубокое море, из которого, может быть, нигде не выступала твердая земля. Главная масса воды находилась в парообразном состоянии, густым облаком окутывала море, не пропуская ни одного солнечного луча. Но внутренность земли доставляла достаточно тепла; море во всех своих частях нагревалось равномерно; различие в положении относительно солнца еще не оказывало никакого влияния на климат различных местностей. Первые организмы, которые возникли при такой обстановке, всюду находили совершенно одинаковые условия, которые совершенно одинаково же действовали на все части организма.

Положение изменялось, когда, благодаря все большему уплотнению и охлаждению земли, ее поверхность приобретала все более и более неровностей; появились возвышенности и углубления, возникла разница между морем и сушей, между глубоким и мелким морями. По мере того, однако, как понижалась температура, воздух начинал отдавать все более паров земле; осадки воздушной влаги увеличили количество воды в море, но в то же время прояснялась атмосфера, и солнечные лучи начали проникать на землю. Действие солнечных лучей тем более давало себя чувствовать, чем менее могло проникать через утолщенную земную кору тепло из внутренности земли. Начало замечаться различие между теплым днем и холодной ночью, а по направлению к полюсам, и различие между летом и зимой, наконец, между тропическими и полярными местностями. Все это должно было в значительной степени повлиять на условия существования живых существ. Примитивные организмы, продолжавшие жить при прежних условиях, к которым они были достаточно приспособлены, не изменялись; такими в начале эволюции могли быть организмы, жившие на морском дне. Но все организмы, которые были поставлены в новые условия жизни, должны были погибнуть, если не приспособлялись к этим новым условиям. Приспособление отчасти могло происходить путем непосредственного воздействия новых видов раздражений. Где этого воздействия недостаточно было, чтобы придать примитивным формам жизнеспособность при новых условиях, там, может быть, миллиарды из них в течение сотен тысяч лет неизменно погибали, попадая в новую среду, пока, наконец, не появилась разновидность, способная существовать при новых условиях. Эта-то разновидность и захватила место и начала быстро размножаться. Таким образом, из старых видов возникли новые виды, должны были жить *рядом* со старыми, которые не вымерли еще.

Эволюция не совершается путем вымирания старых, простых организмов и вытеснения их новыми, более высокими.

Нет, к старым видам только присоединяются новые и делают таким путем органическую жизнь более разнородной.

То, что развилось в глубине моря, без света, без сильного притока кислорода, при постоянно одинаковой температуре,—не может сохраниться, не изменившись, когда попадает на морскую поверхность и там находит солнечный свет, сильный приток кислорода и меняющуюся температуру.

Более сильные раздражения должны были оказывать совершенно различное влияние на внешние и внутренние ткани организмов. Между теми и другими должно было возникнуть разделение труда, которого мы совершенно не замечаем в примитивном комке белковины. Еще более сильным раздражениям должны были подвергнуться организмы, которые попадали на границу между морем и сушей, благодаря бурям, приливам и отливам. Здесь особенно усиленная работа задавалась внешним тканям организмов.

Разнородность условий существования возросла еще более, когда осадки воды образовали на суше текущие потоки, которые, в течение тысяч и миллионов лет, выщелачивают землю, растворяют ее соли и уносят их в море. Появляется различие между пресной и соленой водой.

Еще более глубокие различия возникают, когда отдельные организмы начинают переходить границу между водой и сушей и приспособляться к тем условиям, которые даются им сушей. Здесь не только гораздо более резко дает себя чувствовать различие между высокой и низкой температурой. между тихой погодой и бурей, между летом и зимой, здесь прибавляются еще различия совершенно нового рода—различие между влажной и сухой средой и т. д.

В то же время становится разнороднее и суша. На ней появляются глубокие долины и высокие горы, на южной стороне которых мы находим совершенно другие условия, чем на северной; появляются песчаные пустыни, лесные болота, усеянные пропастями скалы, мягкая глинистая почва и т. д.

Но под внешними условиями для организма надо понимать не одни только те условия, которые представляет земная поверхность, как *жилище:* к внешним условиям принадлежит также и род *пищи*. Вначале она также была однообразной. Ее составляла вода, которая первоначально, вероятно, почти везде состояла из одних и тех же составных частей. В притоке кислорода, тепла и света также, вероятно, не было значительной разницы. Мы уже упомянули о том, как впоследствии возникла разница между морской и пресной водой, а также различие между глубокими и мелкими морями

и различие в них притока воздуха, света и тепла. Еще более глубокую перемену должны были пережить растения, как только они прочно обосновались на суше. Каждый кусок почвы доставлял иной вид пищи. А геологический состав почвы становился тем более сложным, чем более новых слоев, под влиянием более сложных условий, оседают один над другим, вытесняют один другой,—разрушаются, перемешиваются самым пестрым образом.

Если для растения почва, на которой оно живет, составляет в одно и то же время и источник пищи, и жилище, то положение дел совершенно меняется, когда появляются организмы, которые не всасывают неорганическую материю, а извлекают пищу из других организмов, совершенно или отчасти прирастая к последним. Только незначительная часть таких организмов остается приросшей к почве, без органов свободного движения и, следовательно, без сознания и воли.

Как только растительных организмов накопилось достаточно, чтобы составить богатый запас готовой пищи,—подготовлена почва для организмов, которые из этого запаса могут извлекать новые, более обильные силы, чем это возможно было путем поглощения неорганической материи. Я не имею, конечно, намерения разрешить загадку жизни или сознания. Но ничуть не желая высказывать ignorabimus (никогда не узнаем) на все будущие времена, я все же должен для настоящего времени сказать: ignoramus (мы не знаем).

Впрочем, для задачи, которую мы должны здесь разрешить, нет и надобности изображать, как развилось животное из примитивного организма, как развились произвольное движение, сознание, воля. Во всяком случае, почвой для такого развития служила известная разнородность органической жизни. Но чем разнообразнее были условия почвы, климата, произрастания растений, тем разнообразнее должен был сделаться и мир животных, которому приходилось приспособляться ко всем этим разнообразным условиям. Разнородность вновь возросла, когда появились животные, питающиеся другими животными. Теперь уже не только различные животные должны были приспособляться к различным растениям, а растения, с своей стороны, к животным, что еще более увеличило разнородность: теперь уже появилась необходимость разнообразным животным приспособляться к разнообразным животным. Каждый организм в отдельности является уже не только результатом внешних, но начинает и сам представлять часть внешних условий для других организмов.

Если вдуматься во все эти явления, то постоянная эво-

люция к более высоким, т.-е. более сложным, формам теряет всякую тень мистической таинственности. Ее, в последнем счете, приходится приписать чисто механическим изменениям, совершающимся внутри земного шара и на его поверхности.

Если наше воззрение верно, то существует полное единство между эволюционной теорией и марксизмом, то эволюция человеческих идей и эволюция организмов, в общем, совершаются совершенно одинаковым путем—путем приспособления к материальным, т.-е. внешним условиям жизни. Более того, материалистическое понимание истории, как и эволюционная теория одинаково выявляют,—каждая для своей области, первая для человеческого общества и человеческих идей, вторая для форм организмов,—то, что составляет общий закон для всего мира, также и для неорганического. Формы каждого тела определяются условиями его внешней среды.

И точно так же, как в эволюции человеческого общества, мы должны, в таких случаях, и в эволюции органического мира отличать периоды быстрых превращений от периодов застоя, равновесия, революционные периоды от периодов консервативных. В течение первых важнейшим моментом является приспособление к новым условиям, организмы в эти периоды становятся пластичными, как выражается Дарвин:

«Изменения внешних условий, оказывая влияние на систему воспроизведения, вероятно, имеют последствием то, что организация таких организмов, которые наиболее подвергаются их воздействию, становится пластичной» [1]).

Напротив, укрепление приобретенных качеств,—а все качества, которыми отдельные организмы различаются между собою, являются, прежде всего, приобретенными,—превращение приобретенных качеств в постоянные расовые признаки, передающиеся по наследству, может совершаться только в периоды постоянного господства одних и тех же условий жизни, оказывающих на потомство совершенно такое же действие, как и на родителей, так что качества, приобретенные родителями, еще более глубоко укореняются в потомках.

Наследственность может превратиться в фактор, создающий новые виды только в такие периоды, когда отношения организмов между собой и к внешнему миру, в течение долгого времени, оставались в существенном одинаковыми.

Конечно, говоря о природе, нельзя делать таких резких

[1]) *Darwin*, Entstehung der Arten, S 15.

различий, нельзя сказать, что были периоды, когда на земной поверхности абсолютно ничего не менялось, и периоды, когда от старого абсолютно ничего не оставалось. Нельзя, поэтому, и сказать, что первые были периодами исключительно господства наследственности, а вторые—такого же исключительного господства приспособления. Но и в человеческом обществе точно также не бывает периодов абсолютного застоя, а, с другой стороны, и самая радикальная революция не может уничтожить абсолютно все существующее. Тем не менее, мы в истории человеческого общества различаем периоды революционные и консервативные. То же различие можно—cum grano salis—делать и в истории земли: бывают периоды, когда изменения поверхности земли принимают такие широкие и глубокие размеры, что создаются новые условия жизни для целых видов, и для целых видов силы приспособления надолго берут верх над силами наследственности. С другой стороны, бывают и такие периоды, когда не прекращающиеся изменения земной поверхности имеют такие незначительные размеры и носят такой местный характер, что силы приспособления, в самых крайних случаях, могут вызывать индивидуальные изменения у отдельных организмов, но не в состоянии преодолеть силу наследственности у целых видов—периоды, следовательно, когда виды в общем остаются неизменными, несмотря на появление разновидностей среди отдельных особей.

Последним из могучих революционных периодов, пережитых землей, был третичный период, создавший высокие горные цепи, в чрезвычайной степени увеличивший разнородность земной поверхности и органической жизни на ней, создавший млекопитающих в их нынешнем виде. Этому периоду обязан своим происхождением и человек.

С того времени, наверное, вымерло много форм, но новые вряд ли возникли, и, во всяком случае, не возникло ни одной новой формы, которая имела бы какое-нибудь значение для человека, кроме разве тех паразитов, для которых он сам является жилищем и питательной средою и, стало быть, предварительным условием существования. Таковы—платяная вошь, некоторые виды глист и порождающий триппер гонококк. Все эти приятные организмы возникли, вероятно, лишь после человека. И не мы, а они являются «венцом творения».

В настоящее время мы живем, очевидно, в эпоху, которая консервативна во всем, что касается развития новых видов. Внешние условия жизни остаются, в общем и целом, неизменными в течение многих тысячелетий, почему и виды

представляются неизменными. Эволюция кажется ограниченной пределами одного только общества, и кажется, что одно только последнее, в противоположность природе, имеет историю и исторические категории. Если мы хотим констатировать эволюцию и в органическом мире, то должны призвать на помощь геологию—сравнивать остатки ископаемых, живших за сотни тысяч и миллоны лет, с ныне живущими видами.

«Превращение животных мы так же мало можем непосредственно наблюдать в живой природе, как и превращение каменных пластов. Наша жизнь слишком коротка для этого. Если бы даже существовали записанные наблюдения над некоторыми животными, сделанные давным-давно исчезнувшими народами, то мы вряд ли могли бы найти разницу между теми животными и современными нам представителями тех же видов животных. Какое значение могут иметь шесть тысячелетий человеческой истории для истории земли, отдельные эпохи которой насчитывают сотни тысяч лет! Эволюция совершается слишком медленно, чтобы наши глаза могли заметить их на протяжении каких-нибудь 6.000 лет» [1]).

Итак, за шесть тысяч лет ныне живущие организмы (за исключением единичных случаев) не изменились настолько, чтобы эти изменения могли быть заметны для нас. И при этом утверждают, что изменения, вызванные борьбой за существование, так значительны, что дают значительный перевес одним особям над другими! Изменение. столь незначительное, что остается незаметным, накопляясь на протяжении всего исторического периода у сотен и тысяч поколений (а животные исторического периода живут недолго), следовавших одно за другим,—такое изменение ни в коем случае не может служить для объяснения выживания тех особей, в которых оно произошло. Когда совершается развитие новых видов, темп процесса должен быть более быстрый. Неизменяемость видов на протяжении исторических времен может быть объяснена только тем, что условия их существования в течение всего этого времени не подверглись никаким глубоким изменениям, и что в истории земли бывают не только революционные периоды, но и спокойные,—точно так же, как и в истории человеческого общества.

Если мы признаем неизменяемость видов в текущий период.—а это совсем не то, что признание их неизменности при всяких условиях,—то этим мы отнюдь не хотим сказать.

[1]) *Konrad Gunther*, Vom Urtier zum Menschen, 1909, стр. 6. (Есть русский перевод.)

что борьба за существование и подбор более пригодных не происходят беспрерывно. Но, если в течение долгого периода господства одних и тех же условий жизни, все виды организмов наилучшим образом приспособились и к этим условиям и друг к другу, то борьба за существование может иметь лишь тот результат, что исчезают непригодные приобретенные качества, каждая раса достигает высшего развития своих сил, выработавшийся тип приобретает большую устойчивость.

Одним из немногих примеров образования нового вида в пределах исторического периода являются кролики на острове Порто-Санто, возле Мадейры. Они были высажены там в 1419 г., и их потомство до такой степени изменилось, что их можно рассматривать как новый вид. Однако это развитие, протекавшее на наших глазах, как раз и является результатом перемены условий существования; в данном случае искусственной перемены, а не борьбы за существование, вследствие недостатка пищи при неменявшихся условиях существования. И пример этот показывает, как быстро могут возникать новые виды, так что для их образования вовсе нет надобности в необъятных периодах времени.

Достойно внимания еще и следующее сообщение Дарвина. В 1861 г. он исследовал два образца кроликов с Порто-Санто, которые только что были доставлены в Лондонский зоологический сад. На ушах их и на хвостах он констатировал окраску, какой не бывает у других кроликов. Четыре года спустя один из этих кроликов был прислан ему мертвым. Дарвин нашел здесь уже сильное приближение к нормальной окраске кроликов. «Под влиянием английского климата этот экземпляр кролика, стало быть, почти вернулся к свойственной виду окраске шкурки уже в четыре года» [1]).

Неизменяемость видов в нашу эпоху осталась бы необъяснимой, если признать, что неуклонная тенденция организмов размножаться быстрее, чем возрастают средства питания, и есть тот фактор, который вызывает эволюцию в органическом мире. Но трудность объяснения неизменяемости нынешних видов совершенно исчезает, если признать, что новые виды создаются наступающими по временам переворотами во внешних условиях жизни, и что все возрастающее многообразие этих условий является причиной возникновения все более сложных, более высоких типов организмов.

Это положение устраняет еще одно затруднение, возни-

[1]) Das Variieren der Tiere und Pflanzen, I, стр. 125.

кающее при обосновании дарвинизма мальтузианством. Такое обоснование предполагает не только беспрерывную эволюцию живых существ, не только беспрестанное появление высших организмов на ряду с низшими, но и вытеснение низших организмов высшими. Но, в таком случае, остается совершенно непостижимым, почему низшие организмы все же сохраняются, а не совершенно искореняются высшими,—так как, например, в наше время низшие человеческие расы искореняются европейцами, которые при этом еще ссылаются на Дарвина и утверждают, что следуют естественной необходимости, требующей уничтожения низших организмов высшими. Наука запрещает щадить низшие расы,—утверждают защитники нашей колониальной политики. Но мы видим, что, не взирая на это требование «науки», самые элементарные организмы продолжают жить на земле рядом с более совершенными. Сохранение первых объясняется без всякой натяжки, если предположить, что более высокие организмы обязаны своим появлением увеличению разнородности внешних условий жизни. Они возникают не путем борьбы с низшими организмами и вытеснения последних, а, примыкая к низшим организмам, вырабатываются там, где на-ряду со старыми условиями жизни, возникают новые, действующие изменяющим образом на отдельные виды. Где и поскольку старые условия жизни остаются неизменными, сохраняются и старые организмы, в течение тысячелетий наилучшим образом приспособившиеся к старым условиям. Сохранение старых, элементарных организмов составляет даже одно из необходимых условий жизни для возникающих новых форм, живущих за счет более простых организмов, чем они сами.

Старые виды могут только тогда вымереть, когда совершенно исчезнут условия жизни, при которых они развились, к которым приспособились. Это, понятно, может случиться. Так исчезли некоторые условия жизни, при которых возникли первобытные существа: например, несомненно, уменьшилось содержание угольной кислоты в воздухе и тепла в морской воде. С другой стороны, и самое появление новых видов организмов может быть причиной уничтожения прежних условий жизни для старых форм. Не всегда—по первой или второй причине—погибают организмы самого низшего типа. Вымершие «допотопные» животные, остатки которых вызывают у нас теперь такое изумление—все эти завры, мегатерии и мастодонты принадлежали к самым высокоразвитым типам своего времени.

Но если растущая разнородность жизненных условий на земле является единственной причиной появления на-ряду

с простыми, элементарными организмами все более сложных, более развитых организмов, то уже этим самым сказано, что эволюция организмов к высшим формам должна на земле прекратиться, как только прекратятся процессы охлаждения и уплотнения земли, которые вызывают постоянно растущее многообразие условий на ее поверхности.

С известного момента земля даже неминуемо начнет терять свою разнородность, и условия на ее поверхности неминуемо начнут отливаться во все более и более однообразные формы. Это может произойти двояким путем,—в зависимости от взаимного отношения между обеими великими силами, определяющими внешний вид земли,—между теми силами, которые, выражаясь языком восемнадцатого столетия, можно назвать вулканизмом и нептунизмом.

Без сомнения, нельзя себе представлять действие этих двух сил в таком точно виде, как представляли его себе в восемнадцатом столетии. В повышениях и понижениях почвы вулканические извержения сыграли гораздо меньшую роль, чем процесс уплотнения земли, который покрыл ее лик морщинами, складками, представляющими для нас высокие горы, который заставил одну часть земли высоко подняться вверх, другую глубоко опуститься, который мимоходом незаметно, в течение тысячелетий, повышает и погружает вниз целые материки. Вода, напротив, неуклонно стремится устранять все неровности, сносить возвышенности, заполнять всякие углубления камнями, песком, тиной, которые она приносит с возвышенностей.

Оба фактора,—как создающее новые возвышенности уплотнение земли, так и сглаживающая все неровности вода,—оказывают все более слабое действие. Количество воды на земной поверхности должно все более и более уменьшаться. Чем толще становится земная кора и чем более она охладевает, тем больше становится площадь, всасывающая воду и не выбрасывающая ее обратно, не дающая ей возможности вновь испаряться, тем глубже погружается вода в недра земли и тем меньше становится ее количество на поверхности земли.

По мере охлаждения земли и утолщения ее коры должен замедляться темп ее уплотнения и образования неровностей и складок на ее поверхности.

Решающее значение для изменений устройства поверхности земли будет иметь вопрос: которая из обеих сил—«нептуническая» или «вулканическая»—быстрее убывает. Если нивеллирующая сила воды возьмет верх над силами, вызывающими повышение почвы, то поверхность земли будет

принимать все более и более плоский вид, море будет все мельчать, пока, наконец, вся земля не примет такого вида, как нынешняя Голландия с Зюйдерзее. Но и это должно будет иметь конец: море совершенно высохнет, останется одна выжженная пустыня. Не во льдах замерзнут тогда последние живые существа, а задохнутся в пыли.

Но возможно, однако, что вода не получит перевеса над силами. нагромождающими горы; возможно, что она иссякнет в недрах земли, не смывши высоких гор. Последние к тому времени, может быть, станут еще выше, чем теперь. Подобного рода картину представляет в настоящее время луна.

Ход процесса в одном случае будет совершенно иной, чем в другом. Но тенденция в обоих случаях остается одна и та же—возрастающее однообразие жизненных условий и самой органической жизни. Один вид организмов должен будет исчезнуть за другим, потому что одно за другим исчезнут условия их жизни. Высшие организмы должны будут или исчезать вслед за низшими, составляющими их пищу, или же переходить к более простой пище, так как выбор питательных животных или растений сократится. Чем менее разнообразна пища, тем менее сложны и органы, необходимые. чтобы отыскать, захватить и переварить ее. Не только виды организмов станут однообразнее, но и у выживших организмов отдельные органы, вследствие постоянного неупотребления, или слишком одностороннего употребления, атрофируются или примут более простые формы.

Логическим последствием обоснования дарвинизма мальтузианством является предположение, что, благодаря борьбе за пищу, организмы постоянно развиваются к высшим формам. Прогресс должен продолжаться и на только что описанных стадиях жизни земли, пока, наконец, недостаток пищи сделает невозможной какую бы то ни было жизнь на земле.

Вопрос, следует ли за развитием по восходящей линии такое же по нисходящей линии или же оно совершается безостановочно по восходящей линии, пока совершенно не иссякнет,—этот вопрос, понятно, не должен нас особенно беспокоить. Возможно, что до всего этого не дойдет, возможно, например, что в один прекрасный день какая-нибудь из неподвижных звезд врежется в нашу солнечную систему и превратит всю нашу систему в газы, которые впоследствии, по Аррениусу, вновь начнут весь процесс с начала?

Во всяком случае, не исключена возможность, что мы уже достигли наивысшего пункта в развитии организмов на земле, что над существующими теперь видами не подымется

уже ни один более высокий вид организмов. Можно даже задать вопрос, не вступили ли мы уже в период возрастающего однообразия жизни на земле.

Это, правда, маловероятно. Верно, что, со времени дилювиального периода, не возникло никаких новых видов, и что исчезло очень много видов, как. например, многие виды слонов, носорогов, исполинский олень, пещерный медведь, пещерная гиена, пещерные львы, гигантские ленивцы, многие жвачные животные и т. д. Многие виды исчезают еще на наших глазах,—некоторые даже несмотря на все попытки сохранить их. Например. зубр, лось. каменный баран. Но вряд ли можно допустить, что эти виды животных являются жертвой растущего однообразия естественных условий на земной поверхности. Нет ни малейших указаний на то. что многообразие жизненных условий на земле убывает, благодаря такого рода *естественным* причинам. Правда, можно установить совершающийся уже тысячелетиями и все усиливающийся процесс, имеющий тенденцию делать жизненные условия все более и более монотонными, но в этом процессе главную роль играет нивеллирующая сила не *воды*, а *человека*.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Арифметическая прогрессия и уменьшающаяся производительность земли.

Вместе с человеком на арене природы появляется новый фактор: *человеческая техника*. Животное, обладающее способностью свободно передвигаться, имеет преимущество перед растением: последнее вынуждено добывать для себя средства питания из почвы, на которую упало данное семя, напротив, животное, за исключением немногих низко стоящих видов, может искать себе средства питания и менять неблагоприятные местности на более благоприятные. Но оно не может увеличить количество пищевых средств, которыми может располагать весь данный вид.

Это в состоянии делать только человек. Вот почему он стоит настолько же выше остальных животных, насколько последние стоят выше растений. Для него создается, таким образом, новый закон народонаселения. Последний изменяется человеком и для человека.

Мальтус понимал это различие. И все же, несмотря на это, он думал, что оно ничего не меняет в его законе народо-

населения. Конечно, человек отличается от животного тем, что он всегда может расширить пределы средств существования. Но это не может еще помочь человеку, так как ввиду его стремления размножаться за пределы средств существования он скоро перейдет и за эти расширенные пределы.

Из ряда наблюдений и выкладок Мальтус выводит заключение, что население любой страны легко удваивается в 25 лет, если только этому размножению не мешают нищета и порок или добровольное ограничение числа потомства. Напротив, он считает невозможным, чтобы продукт земли, в течение 25 лет, более чем удвоился. Если данная страна в настоящее время в состоянии прокормить 10 миллионов человек, то в самом благоприятном случае она, по истечении 25 лет, думает Мальтус, в состоянии будет содержать еще столько же людей, а по истечении дальнейших 25 лет опять-таки не больше 10 миллионов и т. д. А население приэтом продолжает удваиваться каждые 25 лет.

Если мы предположим, что первоначальное население составляло 10 миллионов, то мы получим следующий прирост:

	Средства существования миллионов людей.	Население в милл.
1 год.	10	10
25 лет.	20	20
50 „	30	40
75 „	40	80
100 „	50	160

Следовательно, средства существования имеют тенденцию увеличиваться в *арифметической* прогрессии, где каждый новый член получается путем *прибавления* той же самой суммы к предыдущему; напротив, население имеет тенденцию размножаться в *геометрической* прогрессии, т.-е. в такой, при которой каждый дальнейший член составляется путем *умножения* предыдущего на один и тот же множитель. Разница между первым и вторым рядом должна становиться все больше, недостаток в средствах существования все острее, пока его опустошительные последствия не восстановляют снова нарушенное равновесие, если еще раньше страх пред нуждой не заставил сделать это другим путем. Следовательно, технический прогресс приводит только к тому, что нужда, которая, по мнению Мальтуса, всегда царит в природе, не уменьшается также и в среде человечества. Остается одно только утешение, что, вместе с размножением человеческого рода, постоянно расширяется сфера человеческой нужды, тогда как в естественном состоянии область распространения

данного вида и его специфической нужды остается неизменной.

Правда, существует еще второе различие между человеком и животным. Человек является собственным господином, он может укрощать свои страсти и вожделения, он может, таким образом, ограничить свое размножение. И это единственное средство, чтобы избавиться от того пролетарского существования, которое, по мнению Мальтуса, характерно для всей природы. Повысить благосостояние человека может не техника и не какое-нибудь социальное образование, а только этика. Не увеличение числа продуктов, находящихся в распоряжении общества, не изменение в форме их распределения, а только воздержание бедняков от производства лишнего потомства—способ, чрезвычайно дешевый, всегда и всем доступный и никаких жертв на состоятельные классы не накладывающий.

Но этот антагонизм между арифметической и геометрической прогрессиями не является единственной формой, в которой закон народонаселения Мальтуса применяется к человеческому обществу. Есть и другая форма—закон убывающей производительности земли, который для буржуазной экономии является такой же «незыблемой истиной», как и закон Мальтуса, лежащий в его основе. Так, Эдуард Давид в своей книге «Социализм и сельское хозяйство» говорит о «великой истине», лежащей в основе этого закона и, к сожалению, игнорируемой Марксом. А один американский теоретик предельной полезности, Джон Бэтс Кларк, вводит этот закон даже в промышленность, чтобы развить на основе его новый закон «естественной» заработной платы: она якобы равняется продукту последнего добавочного труда, который может еще быть приложен в данном предприятии [1]).

Что означает этот последний добавочный труд, мы сейчас увидим. Закон убывающей производительности гласит:

Если определенное количество труда, затраченное на данный участок земли, доставляет в год определенный продукт, то, при затрате в следующем году такого же количества труда (непосредственно или косвенно, в форме какого-нибудь средства производства, напр., удобрения), продукт второго добавочного количества труда будет меньше, чем продукт первой затраты, продукт третьего будет еще меньше и т. д. Предположим, что десять рабочих обрабатывают участок земли и доставляют все необходимые для этого средства производства, и что продукт их труда составляет 100 единиц.

[1]) *John Bates Clark*, The Distribution of Wealth, 1909.

Тогда, согласно указанному закону, при дальнейших добавочных затратах труда продукт его будет равняться:

Число рабочих.	Валовой продукт.	Продукт последнего добавочного труда.
10	100	100
20	180	80
30	240	60
40	280	40
50	300	20

Предположим теперь, что семья, состоящая из пяти человек, нуждается для своего прокормления в годичном продукте, который равняется пяти единицам. Мы тогда получаем:

Число рабочих.	Все рабочие произвели средств существования для	Последние 10 рабочих произвели средств существования для
10	20 семей.	20 семей.
20	36 „	16 „
30	48 „	12 „
40	54 „	8 „
50	58 „	4 „

Следовательно, чем больше возрастает население, тем меньше прирост средств существования, производимых избытком населения, и тем меньше излишек, который земледельческое население производит для неземледельческого. Если последнее в начале указанного процесса может составлять половину всего населения, то, при увеличении населения в пять раз, оно в нашем примере будет составлять не более одной шестой ($^4/_{25}$). Если первые 10 рабочих производят средств существования для 20 семей, то последние 10 рабочих всего только для четырех семей. Таким образом в сравнении с ростом населения количество средств существования все больше уменьшается, хотя абсолютно оно увеличивается.

Та же самая тенденция может также проявиться в следующей форме: сначала обрабатывается самая плодородная земля, дающая наиболее богатую жатву. Если население возрастает, то приходится приступить к обработке менее плодородной земли, которая, при одинаковой затрате труда, дает меньшее количество продукта и т. д.

Этот закон приобрел большое значение в развитии экономической теории. На нем основывается закон *дифференциальной ренты*, как он был развит Рикардо. Но то, что может нам помочь при выяснении *общественных* отношений, легко может ввести нас в заблуждение, если мы используем этот закон для объяснения *естественных* отношений.

Мы указали уже на различие между трудом, поскольку он является всеобщим человеческим, образующим товарные стоимости, и особенным трудом, производящим потребительные стоимости. Если я хочу выяснить общественное отношение, в которое вступают друг с другом два товаропроизводителя, обменивающие свои продукты, то я должен рассматривать их труд как всеобщий человеческий. Только количество труда, затраченное каждым на его продукт, может объяснить меновое отношение обоих товаров.

Но число этих меновых отношений можно рассматривать как безгранично увеличивающееся. Ведь разделение труда между различными профессиями в обществе теоретически не имеет никаких пределов. И вместе с этим я могу себе представить и количество всеобщего человеческого труда в человеческом обществе как безграничное.

Если я хочу понять поземельную ренту, то я должен обратиться к всеобщему человеческому труду, так как она представляет общественное отношение, свойственное товарному производству, отношение землевладельца к другим членам общества. Она возникает не из земли, а из стоимости и цены продуктов земли и составляется из излишка продажной цены над ценой производства, т.-е. над издержками производства плюс средняя прибыль.

Если я хочу выяснить отношение между поземельной рентой и количеством труда, затраченного на землю, то я могу представить себе это количество в каких угодно размерах. Для дифференциальной ренты решающим является лишь то обстоятельство, что одинаковые количества труда—и в этом заключается уклонение от закона стоимости—доставляют неодинаковые количества продукта, если они затрачиваются одновременно на земли различного плодородия или последовательно на один и тот же участок земли. Излишек, доставляемый тем же самым количеством труда на лучшей земле или, при более благоприятном приложении, на том же участке, в сравнении с продуктом труда на худшей земле или при наименее благоприятных условиях затраты на том же участке земли,—этот излишек образует поземельную ренту. При этом совершенно безразлично, поступила ли сначала в обработку лучшая земля, или худшая, или даже средняя, и затем переходят к обработке худшей или лучшей. Безразлично также, доставляет ли впервые затраченный труд наиболее обильное количество продукта, или дальнейшие прибавки труда относительно увеличат еще более производительность земли.

Но совершенно иначе представляется дело, если мы рас-

сматриваем действие труда на землю не по отношению к *поземельной ренте*, которая нас здесь не интересует больше, а по отношению к количеству *средств существования*, которое может доставить данный участок.

В этом случае речь идет уже не об объяснении особенного, свойственного только товарному производству общественного отношения, а, наоборот, отношения между природой и человеком, общего всем формам производства и общества. Мы уже не можем больше говорить о всеобщем человеческом труде,—понятие, которое вне товарного производства не имеет никакого смысла,—а должны иметь дело с определенными видами труда—вспашки, сеяния, жатвы, молотьбы и т. д.

Но раз только мы берем труд в его конкретных проявлениях, то мы видим, что для всякого приложения определенного труда к земле требуются определенные предварительные условия. Конечно, в том случае, когда мы имеем в виду всеобщий человеческий труд, мы легко можем предположить, что труд, затраченный на обработку земли, удвоился, утроился, учетверился. Напротив, было бы бессмысленно утверждать, что мы всегда можем удвоить или утроить труд вспашки, сеяния, жатвы, молотьбы и т. д.

Так, вспашка требует известных предварительных условий. В лесу пахать нельзя. Пока человек не имел орудий, которые позволили бы ему расчистить первобытный лес, он мог заниматься земледелием только на лугах, а последние далеко не являются всегда наиболее плодородными. Кэри, поэтому, уже вполне основательно указал, что человек начал заниматься земледелием не на лучшей, а скорее на худшей земле, и что только, по мере прироста населения и улучшения техники,—путем расчистки лесов, обводнения и осушения,—он постепенно переходил к все лучшим землям.

Но возьмем определенный участок земли и посмотрим, как должно действовать на него постоянное увеличение затраты труда. Такое увеличение может совершаться двояким путем. Во-первых, увеличение количества труда при неизменяющейся технике процесса производства и, во-вторых, увеличение количества затраченного труда посредством перехода от менее совершенных к более высоким формам техники. Следует строго отличать эти два способа.

Представим себе сельско-хозяйственное предприятие с определенным уровнем техники. Если имеется только один плуг, требующий одного человека, то прибавка еще второго работника нисколько не увеличит производительности этого плуга. Скорее будет более выгодно употребить в дело вместо одного плуга два. При этом поле было бы вспахано гораздо быстрее и можно было бы раньше приступить к посеву. Но это только доказало бы, что, при данной форме хозяйства и уровне техники, одного плуга недостаточно, чтобы вести как следует, хозяйство. Но это еще не доказывает, что третий плуг мог бы еще больше увеличить производительность земли.

Если достаточно двух плугов, то прибавка третьего не может дать больше никакого улучшения.

И если достаточно одного работника, чтобы засеять всю вспаханную поверхность, то второй был бы совершенно не нужен.

Если при жатве занято четыре человека, то прибавка пятого может оказаться выгодной. Жатва будет скорее убрана и, таким образом, скорее спасена от повреждений вследствие дождливой погоды. Но и этот случай только доказывал бы, что четырех человек было мало, что для полного хозяйства требовалось пять работников. Но раз достигнута необходимая для производства максимальная цифра, то всякая дальнейшая прибавка труда является бесполезной. Добавочный труд не только не дает добавочного, хотя бы относительно уменьшающегося продукта, но и вовсе не приносит ничего.

Это же самое явление повторяется всюду,—и при удобрении почвы или откармливании скота. Всякое удобрение может применяться только в определенных максимальных дозах, и всякое превышение нормы является ненужной тратой, а иногда приносит прямой вред. Если же оно не достигает этой нормы, то оно оказывает недостаточное действие.

Еще уже, чем при удобрении, те пределы, внутри которых может изменяться количество корма, выдаваемого скоту. Недостаточно откармливаемый скот вырождается и часто не дает никакого продукта. Если же корм выдается в слишком обильном количестве, то скот отказывается от него или недостаточно переваривает его, так что большая часть корма скармливается скоту совершенно бесполезно. А в худшем случае излишек корма может вызвать даже болезни.

Таким образом, и в этом случае всякая прибавка труда (или продукта труда), превышающая определенное количество, является совершенно ненужной затратой, а иногда приносит прямой вред.

Всякая форма хозяйства предполагает определенное количество работников, а следовательно, и определенную степень густоты населения, при отсутствии которой она не может быть использована, как следует. Но она не может применять с успехом добавочные рабочие силы дальше определен-

ного максимума, и, следовательно, может прокормить на данной площади только определенное количество населения.

Экономисты, связывающие закон уменьшающейся производительности земли с законом народонаселения Мальтуса, имеют при этом в виду гораздо меньше те прибавки труда, которые совершаются в рамках определенной формы хозяйства, чем прогресс по направлению к более высоким формам хозяйства, как, напр., дренаж, оросительные сооружения, переход от лугового хозяйства к стойловому, замена пара плодосменом и т. д. Но и в этом случае сохраняет свое значение все, что сказано было относительно определенной формы хозяйства. Каждое улучшение, каждый технический прогресс требует определенного количества труда. Это количество вовсе не должно быть неизменным. Но всегда существует определенный минимум труда, без которого, вообще, немыслимо провести это улучшение, и максимум, при превышении которого всякая дальнейшая прибавка труда бесполезна. И эти максимумы и минимумы изменяются очень часто только внутри тесных пределов.

Количество труда, которого требует данное улучшение, и величина добавочного продукта, который оно дает, вовсе не находятся в такой связи друг с другом. Посредством введения нового растения производительность участка земли может быть сильно увеличена, хотя бы и без малейшей прибавки труда. Машины вводятся только тогда, когда посредством их сберегается труд, когда при их помощи можно получить то же количество продукта с меньшей затратой труда или при том же количестве труда большее количество продукта.

Следовательно, вовсе еще не доказано, что более высокая форма хозяйства, занимающая место старой, применяет большее количество труда, чем ее предшественница.

Но требуемое количество труда представляется в двух формах: как непосредственный, живой труд и как косвенный, прошлый труд, затраченный на изготовление средств производства. Данное средство производства может сберечь огромное количество труда, оно может в огромной степени повысить производительность труда, но для изготовления его также может потребоваться значительная затрата труда. Возьмем, напр., оросительные сооружения, которые требуются в жарких, сухих местностях. Их устройство требует часто колоссальных затрат труда. Но раз они готовы, то их сохранение стоит уже мало труда. А количество продуктов, доставляемых почвой, может быть, посредством орошения, увеличено в колоссальных размерах. Иногда только такие сооружения делают возможной обработку земли.

Поэтому переход к более высокой форме хозяйства может временно потребовать массовой доставки нового добавочного труда. Но раз он закончен, то в дальнейшем ходе развития сельского хозяйства увеличенное количество продукта может быть произведено при помощи значительно уменьшенного количества рабочих сил.

Следовательно, количество труда, требуемое сельским хозяйством в процессе смены различных форм хозяйства, является по отношению к культурной площади изменчивой и далеко не всегда растущей величиной. При известных условиях оно может даже падать. Как бы ни изменялось, вследствие сельско-хозяйственного прогресса, в различные периоды отношение между числом сельско-хозяйственных рабочих и размерами культурной площади, все же при этом количество продукта будет увеличиваться в сравнении с затратой труда, и прогресс сельского хозяйства будет состоять в том, что более высокая форма хозяйства будет в сравнении с затратой труда давать большее количество продукта, чем ее предшественница. Если бы это было иначе, то не имело бы никакого смысла переходить к новой форме хозяйства.

Если прогресс в земледелии, поскольку он основывается на расширении культурной площади, скорее проявляется в переходе от более бедных к более богатым почвам, а не наоборот, то он также, поскольку он состоит в переходе к более высоким формам хозяйства, выражается в том, что сельскохозяйственный труд становится все производительнее, что избыток, доставляемый последним, становится все больше, каково бы ни было количество труда, требующееся при данной форме хозяйства для данной земельной площади.

И если этот процесс производит на нас противоположное впечатление, то это объясняется тем, что в ходе развития капиталистического способа производства цены жизненных припасов имеют тенденцию расти, хотя бы временами такой подъем цен сменялся их падением. Но рост цен еще вовсе не означает увеличение затраты труда. Цена товара равняется отношению его стоимости к стоимости того товара, который играет роль денег, т.-е. в наше время золота. Если способы добывания золота скорее прогрессируют, чем способы производства средств прошитания, то цены последних будут расти даже в том случае, если они производятся при помощи меньшего количества труда, чем прежде. Правда, цены жизненных припасов могут расти в то время, как цены продуктов промышленности падают. Это возможно в тех случаях, когда производительность труда в добывании золота растет быстрее,

чем в сельском хозяйстве, но медленнее, чем в промышленности.

Наконец, следует указать еще и на то, что землевладение имеет монопольный характер. Это дает ему возможность повысить цены продуктов земли над их ценами производства, а иногда даже поднять их выше их стоимости. И удается ему это тем легче, чем резче выражен монопольный характер поземельной собственности. Чем исключительнее становится эта монополия, тем больше растут цены продуктов земли, несмотря на рост производительности сельско-хозяйственного труда.

А что последняя действительно растет, видно из того, что земледельческое население составляет все меньшую часть всего населения. Если бы закон убывающей производительности земли был правилен, то избыток, производимый каждым сельским рабочим, уменьшался бы, и уменьшалось бы также количество населения, которое живет за его счет. На деле же мы видим прямо обратное. И не только в промышленных государствах Европы, которые ввозят жизненные припасы, но и в Соединенных Штатах, которые из года в год вывозят колоссальные количества средств пропитания.

Так, городское население (в поселениях с 8.000 и более жителей) составляло в Соединенных Штатах в 1870 г.— 8 миллионов или 21 процент всего населения в 39 миллионов. Напротив, в 1900 г. оно уже равнялось 25 миллионам или 33 процентам всего населения в 75 миллионов. За тот же период вывоз пшеницы возрос с 54 до 186 миллионов бушелей, а хлопка с 3 до 7 миллионов кип.

Правда, к земледельческим рабочим следует причислить еще и некоторых городских рабочих, именно тех, которые обслуживают сельское хозяйство. Но число их незначительно. К тому же как раз в производстве сельско-хозяйственных орудий и машин происходит быстрая концентрация капитала, и наблюдаются большие успехи в сбережении труда. В Соединенных Штатах в 1870 г. было 2.076 предприятий, изготовляющих такие орудия и машины, в 1900 г. их было 715, а в 1905 г. уже только 648. В то же время число занятых на них рабочих росло: в 1870 г. их было 25.249, в 1900 г. 46.582, а в 1905 г. 47.394. Вложенный в эти предприятия капитал возрос от 35 миллионов долларов (1870) до 160 миллионов (1900) и до 200 миллионов (1905). Как можно видеть, число рабочих в этой промышленности чрезвычайно незначительно. К тому же, здесь не принят в расчет вывоз сельско-хозяйственных машин.

Следовательно, деревенское население увеличилось на

60%, тогда как городское, за тот же период времени, увеличилось на 212%, вывоз хлопка на 133%, а вывоз пшеницы на 244%.

Вряд ли это может служить подтверждением закона убывающей производительности земли.

Но это еще вовсе не значит, что уровень средств существования человечества может, при всяких условиях и во всякое время, быть повышен, и даже с все возрастающей быстротой.

Мы видели, что, при данной форме хозяйства, как количество рабочих, которого она требует, так и количество продуктов, которые она доставляет, представляют определенные величины. При сохранении той же формы хозяйства повышение уровня средств существования может совершаться лишь постольку, поскольку возможно дальнейшее увеличение культурной площади. Но переход от низшей формы хозяйства к высшей не всегда, однако, возможен путем одной только прибавки добавочного труда. Он всегда связан с определенными предварительными условиями и может только тогда совершиться, когда они имеются на-лицо. Если они отсутствуют, и имеющаяся в распоряжении культурная площадь уже вся обработана, то расширение пределов средств существования невозможно, как бы ни была велика в этом потребность.

Если же совершился переход к более высокой форме хозяйства, то последняя означает при всяких условиях увеличение производительности труда, возрастание продукта, извлекаемого данным количеством труда из данной площади земли, а также умножение избытка над средствами содержания этого труда, но не всегда увеличение количества продукта, получаемого с определенной земельной площади. Технический прогресс выражается не только в том, что возрастает количество продукта, даваемое землей, но и в получении того же продукта при помощи меньшей затраты труда. Мыслимо даже, что технический прогресс в известных случаях приводит к уменьшению продукта почвы, но при еще сильнее уменьшающейся затрате труда.

Но, как мы уже видели, для всякой формы хозяйства затрата труда является данной величиной. Прибавка труда свыше целесообразного максимума не достигает цели. Поэтому не от воли участвующих в этом процессе лиц зависит и решение вопроса, использовать ли технический прогресс сельского хозяйства, тесно связанный с всеобщим прогрессом науки и техники в обществе, в целях увеличения производимой массы средств пропитания или в целях уменьшения затрачиваемой массы труда.

Технический прогресс в сельском хозяйстве выражается всегда в увеличении избытка, который оно доставляет в сравнении с издержками содержания прилагаемого труда; следовательно, или в увеличении массы средств пропитания, имеющейся в распоряжении для содержания неземледельческого населения, в расширении запасов пищевых средств для последнего, или в уменьшении трудовой тягости сельско-хозяйственного населения. Но прогресс сельского хозяйства вовсе еще не означает при всех условиях расширение пределов средств существования для всего населения.

Следовательно, расширение этих пределов меньше всего является равномерным процессом, одинаково мало, как в сторону постоянного замедления, так и в сторону постоянного ускорения. Наоборот, это в высшей степени неравномерный процесс, который иногда в течение долгих периодов времени, столетий, даже тысячелетий может совершенно приостановиться, чтобы вдруг пойти невероятно скорым темпом.

Вместе с темпом изменяется в неменьшей степени его направление. Количество средств пропитания, приходящееся на отдельного человека, не всегда имеет тенденцию, при возрастании народонаселения, уменьшаться. Мы видели, что для каждой формы хозяйства существует не только максимум рабочих сил, свыше которого она не может применять с успехом новые рабочие силы, но что для нее существует также минимум рабочих сил, без которого эта форма хозяйства не может совсем вестись или будет ведена не достаточно рационально. Определенный минимум рабочих сил является также одним из предварительных условий, без которого невозможен переход к высшей форме хозяйства. Сельское хозяйство данной страны может поэтому испытывать недостаток в рабочих силах, а рост населения дает возможность усовершенствовать сельско-хозяйственные предприятия и довести до максимума их производительность. Уровень средств существования, таким образом, повышается вместе с ростом населения, при сохранении той же формы хозяйства без того, чтобы одновременно расширялась культурная площадь. Точно также только рост населения делает, при известных условиях, возможным переход к более высокой форме хозяйства, и вместе с тем расширение пределов средств существования.

Наконец, далеко не безразлично, каким образом утилизируется растущий избыток, доставляемый сельским хозяйством. Действие, производимое на последнее, если этот избыток пойдет на содержание изобретателей и производителей средств производства, будет совершенно иное, чем если он пойдет на содержание изобретателей и производителей орудий истребления, или придворных лакеев.

Образование и повышение уровня средств существования являются, следовательно, далеко не таким простым и прямолинейным постоянным процессом, как это заставляют предполагать закон арифметической прогрессии и закон убывающей производительности земли. Они зависят от различных условий, которые, в различные исторические периоды, складываются совершенно различно. Они, поэтому, должны быть для каждой формы общества подвергнуты специальному исследованию.

Но такое исследование выходит за рамки этой работы. Нам достаточно пока констатировать это явление.

Но, при всей изменчивости исторических условий и постоянном понижении и повышении уровня средств существования, все же, как общая тенденция, замечается непрерывное повышение этого уровня.

Мы сейчас увидим, чем объясняется это явление.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Повышение уровня средств существования.

О происхождении человека и началах человеческой культуры мы можем только высказывать предположения. Однако, мы имеем все основания думать, что человек происходит от обезьяноподобного предка, жившего преимущественно на деревьях в девственных тропических лесах.

Возможно, что в какой-нибудь из покрытых первобытным лесом местностей, где жили обезьяно-люди, произошли изменения в климате, вследствие которых лес стал редеть, и между деревьями начали появляться лощины, покрытые травой. Это заставило обезьяно-человека чаще спускаться на землю и к растительной пище прибавлять все больше мясной. Новый вид пищи вызвал потребность и в более быстрых движениях по земле. Рука и вертикальное положение дали обезьяно-человеку возможность, с одной стороны, убивать быстро передвигающуюся дичь, которую он не мог догнать, бросая ей вдогонку всевозможные предметы—камни, куски дерева и т. п.; с другой стороны, он имел возможность и защищаться тем же орудием от хищных зверей, от которых на земле не так легко было ускользнуть, как живя на деревьях.

Благодаря этому, переход от жизни на деревьях к жизни на покрытой травой равнине привел к тому, что не все четыре руки обезьяны превратились в ноги для беганья. Последнее коренное разделение труда между органами животного

организма,—вызванное, как и все предшествовавшие виды разделения труда, осложнением жизненных условий,—началось, когда жизнь на открытой равнине и животная пища присоединились к жизни на деревьях в лесу и преимущественно растительной пище. Произошло разделение труда между *рукой* и *ногой*. Задние конечности были посвящены почти исключительно передвижению по земле, передние—почти исключительно хватанию и притягиванию пищи. И уже не одной только пищи. Рука начала служить также для хватания и целесообразного употребления различных предметов, которые облегчают возможность добывать пищу, другими словами, орудий производства. Вслед затем, рука начала служить и для выделки таких предметов, которыми можно пользоваться, чтобы придать бóльшие размеры и бóльшую силу органам собственного тела. Дубина, которую бросает человек, удлиняет его руку и увеличивает силу наносимого им удара. Остроконечный или острогранный камень, которым он бросает в летающую дичь, заменяет для него упругость ног хищного животного, настигающего добычу в несколько прыжков. Тот же самый камень, употребленный для вспарывания убитого животного, или для выкапывания кореньев, заменяет когти, которые исчезли у жившего на дереве и питавшегося плодами животного.

Как только обезьяно-человек перестает довольствоваться употреблением камня или куска дерева в том виде, в каком он их находит, как только он научается оттачивать камень, ударяя им о другой камень,—чего очень легко достигнуть с кремневыми камнями,—или при помощи камня придавать куску дерева более целесообразную форму, начинается победоносное шествие техники. Техника, которая придала человеку руки и ноги гиганта, а в последнее время крылья орла, которая дала голосу человека возможность мгновенно разноситься по всему лицу земли, открыла пред его взором самые отдаленнейшие и самые мельчайшие предметы.

На первых порах, правда, это победоносное шествие представляло бесконечные трудности и отнюдь не отличалось бурным характером. Но уже первые завоевания в области техники облегчили человеку возможность с бóльшим успехом защищаться от хищных зверей и с меньшими усилиями добывать пищу. Орудие и оружие, на первых порах, составляли одно и то же.

Первобытный человек не производил своей пищи, а собирал или захватывал ее силой. При этом ему приходилось выдерживать борьбу с самыми разнообразными врагами. Не всегда человек был производителем, но борцом он был всегда.

Как только человек научился приготовлять и употреблять оружие, у него явилась возможность значительно поднять свой уровень средств существования. Он мог уже более удаляться от деревьев, укрывавших его своей сенью, не опасаясь при этом погибнуть от более сильных хищных зверей. Он мог уже даже пуститься и в безлесные степи, не опасаясь недостатка в пище. Человек никогда не был чистым вегетарианцем; он, вероятно, всегда был всеядным. Обезьяны тоже не гнушаются употреблять в пищу жуков, червей, птичьи яйца, даже молодых птичек, которых они ловят. Но захватывать и убивать более крупных, быстро бегающих, травоядных четвероногих, первобытный человек, при обыкновенных условиях, не был в состоянии. Для этого требовалось оружие, которое увеличило бы силу его руки и расстояние, на котором он может действовать.

Охота на более крупных млекопитающих дала человеку возможность не только увеличить количество пищи, но и пользоваться одеждой, что, в свою очередь, явилось средством к новому увеличению пищи. Защищенный одеждой, человек уже мог переходить в более холодные местности, а также в местности, лежащие выше уровня моря, или отличающиеся резкими переходами в климате, резкой сменой тепла и холода. При этом явилась еще новая поддержка в открытии огня, которое могло быть сделано только после изобретения оружия и выхода человека из первобытного леса на покрытые травой равнины. Первые попытки искусственно добывать огонь могли иметь успех не в постоянно сыром первобытном лесу, а только в местности, в которой хотя бы временами можно найти сухое дерево.

Дальнейшее расширение сферы предметов питания принесло рыболовство. Рыболовство и охота, возможность пользоваться шкурами животных как одеждой, и поддерживать огонь животным жиром—позволили, наконец, человеку, который до того был привязан к первобытному тропическому лесу, покинуть пределы, богатые растительною жизнью, проникнуть в область полярных льдов и включить также последнюю в пределы своих средств существования.

Всего этого человеку удалось достигнуть еще на очень низкой ступени развития.

Какое значение имело это постоянное поднятие уровня средств существования? Всюду, куда человеку удавалось проникать, он находил органический мир в состоянии равновесия между размножением и уничтожением организмов. Его вторжение означало не что иное, как нарушение этого равновесия. Однако, равновесие, большею частью, в той или иной

форме, вновь восстанавливалось. Вторжение человека в новый район означало, что для имевшихся там съедобных животных появлялся новый источник уничтожения, к которому норма их размножения не была приспособлена. Это должно было бы привести их к полному уничтожению, если бы человек не принес с собой и противоположной тенденции: тенденции оттеснять, а подчас и совершенно истреблять хищных зверей,—лучше сказать, других хищных зверей,—до того истреблявших тех же съедобных для человека животных. Истребление хищных зверей иногда могло принимать такие широкие размеры, что для остальной дичи создавались более благоприятные условия размножения, чем при нормальном положении вещей. А поднятие уровня средств существования человека в те времена совершалось неизменно одним и тем же путем—путем сокращения числа других, вредных для человека животных или понижения их уровня средств существования.

Несомненно, что эта форма поднятия уровня средств существования не может быть ни втиснута в рамки арифметической прогрессии, ни связана законом убывающей производительности земли. Она всецело зависит от характера техники приготовления оружия и темпа ее дальнейшего развития. Техника производства оружия может тысячелетиями находиться в положении полного застоя и неожиданно, после какого-нибудь поразительного открытия, совершить гигантский шаг вперед.

Новый метод поднятия уровня средств существования открывается с возникновением *скотоводства*. Охотничьи народы любят ловить и приручать молодых животных, чтобы пользоваться ими как товарищами в различных играх—новое доказательство, что они отнюдь не всегда стоят на самой крайней границе между сытостью и голоданием, как нас так часто уверяют. Если такие животные в неволе оказывались плодовитыми и в каком-либо отношении полезными для человека, и если при этом поблизости можно было находить достаточно пищи для них, то человеку очень легко было прийти к мысли держать возможно большие стада подобных животных и создать себе в них новый источник пищи.

Этот вид пищи требует и значительно меньшей траты человеческой силы. Дичь надо отыскать, большею частью долго выслеживать, с большими усилиями гоняться за нею по непроходимым местам. А когда уже дичь настигнута, приходится большею частью вступать с нею в бой, при котором преследуемое животное нередко наносит человеку раны, а иногда и убивает его.

Домашнее же животное всегда находится поблизости от него. Оно относится доверчиво к нему, очень редко сопротивляется. Он может без всяких приготовлений и предосторожностей связать и убить его.

Но это не единственное преимущество скотоводства пред охотой. Чтобы охотник всегда мог быть уверен, что убьет достаточное количество легко передвигающейся, ничем не привязанной к определенному месту дичи, такой дичи должно быть гораздо больше того количества, потомства которого хватило бы для прокормления охотника и его домашних. Из наличного количества дичи охотник всегда может убить только часть. В стаде же, которое он содержит, поголовно все животные к его услугам. И только к его услугам. Дичь, на которую он охотится, человек вынужден делить со всеми теми хищными животными, которых он не в состоянии истребить; от своего же стада он может держать хищных зверей на почтительном расстоянии. А в стаде находятся только такие экземпляры, которые могут быть полезны человеку,—как пища или для приплода в стаде. Ни одного животного в стаде не приходится кормить ни одного лишнего дня, после того срока, который необходим, чтобы извлечь из него всю возможную пользу. Далее, дичь может принести человеку пользу только после своей смерти, т.-е. один единственный раз. Домашнее же животное может оказаться полезным много раз, даже ежедневно,—например, доставляя шерсть, яйца, молоко и т. д.

Если изобретение охотничьего оружия дало возможность человеку с тропических низменностей распространиться по всей земле и всю землю сделать ареной для добывания пищи, то переход к скотоводству дал человеку возможность производить больше пищи на одном и том же месте и расширить пределы средств существования, не увеличивая занятой им площади. Вместе с тем, скотоводство сократило и количество силы, которую человек, будучи охотником, должен был тратить на добывание пищи. Скотоводство доставило человеку больше досуга и возможности развивать свои умственные способности и свою технику. Последнему много содействовало еще и то обстоятельство, что увеличение количества пищи, добываемой в известном районе, вызвало и увеличение количества людей, населяющих этот район,—людей, встречающихся между собою, обменивающихся впечатлениями, сообща продолжающих совместно искать и добиваться новых усовершенствований.

С другой стороны, увеличивающийся досуг и более высокая техника в изготовлении орудий и оружия, без сомнения, содействуют также учащению и большей опустошитель-

ности войн, создают и новые поводы для войн. Если в охотничий период войны вызываются голодом и борьбой из-за отдельных, особенно ценимых источников пищи, то теперь поводом является накопление имущества, на первых порах накопление скота (на латинском языке слово peculium—имущество, происходит от слова pecus—скот; точно так же и на английском языке слово chattel тоже означает имущество и родственно слову cattle—скот). С накоплением имущества возникает и неравенство имуществ,—сначала между отдельными ордами кочевников начинаются первые стычки между бедными и богатыми. Вначале борьба заключается в попытках со стороны более бедных орд похищать у богатых или отнимать у них силой их богатство. Неравенство богатств у различных наций, в конечном счете, составляет действительную причину всех войн и всех, вызванных войнами и приготовлениями к войнам, затрат пищевых средств и человеческой силы, которые могли бы служить для производства новых пищевых средств. Технический прогресс увеличивает имущественное неравенство народов, увеличивает распространение, стоимость и силу действия военных орудий: все это увеличивает распространение и опустошительное влияние войн и приготовлений к ним. Таким образом технический прогресс, который должен был бы служить для расширения пределов средств существования, на деле все в более сильной степени превращается в средство для уничтожения пищевых припасов и рабочей силы—в средство для понижения уровня средств существования. Охотник не нуждается в особых приготовлениях к войне. То самое оружие, которым он борется против волков и медведей, против леопардов и львов, которым он поражает буйвола и оленя,— то же самое оружие служит ему и в борьбе с людьми из-за лучших мест для охоты. Кочующего скотовода уже самый род его занятий воспитывает и достаточно вооружает для его методов ведения войны. Оба, поэтому, не теряют на приготовления к войне много времени, которое они с большею пользою могут употребить на приобретение пищевых припасов. Результаты их войн часто заключаются в нескольких раненых, иногда и убитых, да в уводе скота, может быть, еще в присвоении нескольких шкур и ковров. При этом не так много уничтожается человеческих жизней и продуктов. Хуже, конечно, дело обстоит там, где большие полчища кочевников объединяются и сообща отправляются грабить земледельческие области или даже большие города. Но здесь идет речь не об этой, «более усовершенствованной» стадии кочевнического ведения войны. Где воюют охотник против охотника или кочевники против кочевников, там дело носит более невинный характер.

Современный культурный человек вынужден годами готовиться к войне, оставаясь совершенно в стороне от всякого участия в производстве средств существования, многочисленные командиры должны посвящать этому всю свою жизнь, а сотни тысяч, миллионы рабочих заняты только тем, что производят орудия разрушения,— орудия, которые, при их применении в современной войне, уничтожат сотни тысяч человеческих жизней, еще большее количество людей изувечат и целые цветущие государства превратят в безотрадные пустыни. Это составляет один из современных методов «расширения пределов средств существования», чему, как известно, должна служить и колониальная политика, плодовитейшая мать войн.

На стадии кочевого скотоводства, войны еще не так сильно мешают расширению пределов средств существования. По существу это расширение приводит к тем же последствиям, что и развитие охоты: к ограничению количества и пределов средств существования определенных видов животных. Но теперь вытесняются уже не только хищные звери, но и травоядная дичь, которая должна отступать пред домашними животными во всех местностях, пригодных для пастбища.

Дальнейшей формой расширения пределов средств существования было возделывание *пищевых растений*, постепенно развивавшееся на-ряду с охотой и скотоводством. В тропическом первобытном лесу в нем не было надобности: самый лес доставлял достаточно пищи. Да там, на первой стадии человеческой жизни, возделывание растений было бы и невозможно: культурные растения заглушались бы пышно распускающейся дикой растительностью. Необходимым оно сделалось на стадиях охотничьей и скотоводческой жизни в дополнение к мясной пище, которая одна не может удовлетворить человека. Человеческий желудок—не желудок хищного животного; при всей своей приспособленности к самым разнообразным видам пищи, он все же всегда требует и растительной. Даже и эскимос не живет исключительно мясной пищей, а разыскивает в дополнение к ней еще ягоды и коренья.

У охотника никогда нет заранее полной уверенности в удаче, и это обстоятельство было новым поводом, побуждавшим искать дополнения в растительной пище. И чем меньше питательных растений оставалось в степи, тем сильнее должна была ощущаться потребность искусственным путем уве-

личивать количество редких растений. На первых порах, может быть, все дело сводилось к истреблению несъедобных растений, к истреблению «сорных трав», которые в местах, наиболее богатых съедобными травами, грозили заглушить последние. В степях могло затем и прочно привиться искусственное возделывание растений, невозможное в первобытном лесу.

Возделывание растений требует продолжительного пребывания на одном и том же месте. Оно, следовательно, могло развиваться только в местах, более богатых рыбой, дичью и хорошими пастбищами. С другой стороны, охота и скотоводство могли утрачивать свое значение по мере того, как увеличивалась производительность земледелия. Выслеживание дичи могло уже отнимать меньше времени и труда, можно было уже держать и меньше скота в стаде, что, в свою очередь, давало возможность долее оставаться на одном месте. Так, благодаря земледелию, человек из бродячего существа постепенно становится все более и более оседлым. Его жилище делалось все более тяжеловесным, менее удобным для передвижений, а вместе с тем и более просторным; в конце концов, оно совершенно приковало человека к его клочку земли.

Не все люди должны были предварительно пройти стадию скотоводства, чтобы перейти от нее к земледелию. Мы уже видели, что в известных размерах возделывание растений начало развиваться еще на охотничьей стадии. Не везде были на-лицо условия, необходимые для скотоводства. Америка, например, только в отдельных местах и лишь в очень скудных размерах дает такие условия. Но только в тех местах, где разведение быков и лошадей дает достаточно тягловой силы, могла развиться плуговая культура, приносящая более обильные сборы.

Возделывание растений в огромной степени повысило уровень средств существования человека. И в такой же форме, как скотоводство: та же самая площадь земли начала давать более средств пропитания, чем давала прежде. В мясной пище человек получает те же элементы, что и в растении. Правда, в мясе они более концентрированы, чем в растении. Но далеко не все, что съедает животное, перерабатывается в мускулы, жир и молоко. Самая большая часть пищи, съедаемой животным, служит для поддержания жизненных процессов в нем самом. Это все идет в пользу самого животного, а не человека. Эту, с точки зрения человека, бесполезно растраченную часть пищи животного человек может превратить в пищу для себя, если начнет возделывать растения в тех местах, где он охотится за дичью или пасет скот.

Один автор, цитируемый Рошером, Фуассак, высчитывает, что на одной и той же площади земли земледелие может прокормить в 20—30 раз более людей, чем скотоводство, а скотоводство в 20 раз более, чем охота. Это, конечно, лишь очень неточные вычисления, так как, при различных условиях, может совершенно меняться значение охоты, скотоводства и земледелия как источников пищи.

По Фридриху Ратцелю 1 тысяча квадратных километров земли может прокормить:

	Человек.
У народов, занимающихся охотой и рыбной ловлей в бедных областях Севера	от 2 до 5
У охотничьих народов в степных областях, например, у бушменов и австралийцев	2—9
У охотничьих народов, занимающихся немного земледелием, например, у индийцев и даяков	170—700
У рыболовов в Северной Америке и Полинезии	700—1.770
У кочующих пастухов	1.770
У земледельцев, занимающихся немного и ремеслами, во внутренней Африке и юго-восточной Азии	1.700—5.300
У северных индо-германских земледельцев и скотоводов до Рождества Христова	5.000—12.000
У полукочевников, занимающихся и земледелием, под тропиками	3.400—8.900
У рыболовов, занимающихся и земледелием, под тропиками	8.900
При европейском земледелии в молодых странах или в климатически неблагоприятной части Европы	8.900
В средне- и южно-европейских странах с трехпольным хозяйством, начатками городской жизни и значительным лесовладением, как в Греции от 400 до 300 г.г. до Р. Хр. или в средней Европе от 1200 до 1500 г.г.	17.700—26.600
В средне-европейских земледельческих областях от 1600 до 1850 г.г.	26 000—35.000
В чисто земледельческих областях южной Европы	70.000
В современных лучших земледельческих областях Индии, Явы и Китая	177.000

Этих цифр достаточно, чтобы видеть, в какой огромной степени поднимает уровень средств существования человека земледелие.

Отсюда видно также, что следует понимать под необитаемыми странами. Таких, в сущности, нет, за исключением только тех местностей, как, например, оба полюса, которые абсолютно не могут быть обитаемы. Человек проник всюду, куда он только мог проникнуть. То, что кажется необитаемым,—свободная земля, которой может воспользоваться всякий,—представляет местность, в которой сохранились первобытные приемы добывания пищевых средств и густота населения которой приспособлена к этим методам. Когда мы забираем куски якобы «необитаемой» земли, не прививая туземному населению высших методов добывания пищи, мы

понижаем уровень средств существования туземцев, который до того был достаточен, и таким образом обрекаем часть туземного населения на голодную смерть.

Экспроприация коренного населения и переход от охоты или скотоводства к земледелию,—без сомнения, не равнозначущие понятия. Напротив, снабжение примитивных народов знаниями средствами, необходимыми для интенсивного земледелия, можно считать—с точки зрения не только гуманности, но и целесообразности—одной из более выгодных форм поднятия уровня средств существования человечества.

Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что переход к земледелию представляет самое колоссальное расширение пределов средств существования, на какое до настоящего времени способно было человечество. Но этот переход создал возможность не только для значительного увеличения числа людей: значительно увеличился также излишек того, что производит в земледелии работник, над тем, что необходимо для поддержания его существования.

Благодаря этому, у земледельца оказывалось больше, чем у кочевника, свободного времени, которое он мог посвящать каким-нибудь занятиям, не направленным на добывание пищевых продуктов: играм, украшению своей одежды и своего жилища, улучшению своих рабочих инструментов и домашней утвари. Все эти работы он мог производить сам, мог поручать и другим, отдавая им за это свой излишек в пищевых припасах и сырье. Таким образом мог возникнуть класс людей, освобожденных от необходимости производить пищевые продукты и сырье, они посвящали себя исключительно изготовлению орудий производства, жилищ, домашней утвари и мебели, материй для одежды и самой одежды, украшений и приобрели большую умелость и ловкость в этих работах. Разделение труда, которое до того имело место только между различными полами и возрастами, распространилось и на различные занятия. Одно ремесло за другим отрывается от земледелия, по мере того, как растут излишки продуктов земледелия, и по мере того, как в одной и той же местности увеличивается число людей, производящих такие излишки, т.-е. по мере того, как возрастает также общая сумма излишков в одной и той же местности.

Ремесленники могут жить вместе с крестьянами. Так, в Индии каждая деревенская община содержит в качестве своих служащих: одного кузнеца, одного плотника и одного горшечника. Но в тесных пределах одной деревни ремесленники не всегда могут находить достаточно работы. Целесообразнее для них было селиться в одном каком-нибудь центре и оттуда

обслуживать по несколько деревень сразу. Чем гуще становилось население земледельческих областей, благодаря улучшениям в методах обработки земли, тем большее количество ремесленников могло сосредоточиваться в одном центре. Такой центр превращался постепенно в торговое село с ярмаркой, на которую собирались земледельцы со всех окрестностей, чтобы обменивать свои излишки в пищевых припасах и сырья на ремесленные изделия. И излишки продуктов земледелия, и ремесленные изделия превратились, благодаря этому, в товары.

Торговое село, расположенное при каком-нибудь удобном пути сообщения, например, при судоходной реке, могло, в свою очередь, сделаться центром обмена продуктов для многочисленных других торговых сел и целых областей. Оно постепенно вырастало в торговое городское поселение, а затем превращалось в большой город.

Если при этих меновых сношениях земледелец и ремесленник встречались как свободные и равные между собой люди, из которых ни один не вынужден был даром работать на другого, то возникала тенденция обменивать, как эквиваленты, продукты, на которые затрачено одинаковое количество труда, оплачивать каждый товар по его действительной стоимости. При таких отношениях не могло быть ни эксплоатирующих, ни эксплоатируемых. У обеих сторон, у земледельца и у ремесленника, возрастало благосостояние. Такие отношения составляют идеал мелко-буржуазной демократии; это—идиллия, правда, мелкого калибра, но спокойная и милая. Но этот идеал разделяет роковую судьбу многих других идеалов: он очень редко осуществляется.

Земледелец приобретает благосостояние. Но в такой же мере теряет свои боевые способности. Для охотника и кочевника оружие составляет главнейшее орудие производства; употреблять оружие в дело он вынужден постоянно. Не только охотник, но и кочующий скотовод,—последний даже в большей степени, чем первый,—вынужден постоянно вести борьбу с хищными зверями, подстерегающими пасущиеся стада. Кочевник должен также проявлять большую смелость и силу, подчиняя своей воле упрямого быка и жеребца, в особенности, когда их нужно впрягать попарно.

Работа крестьянина,—по мере того, как земледелие все более вытесняет охоту и скотоводство,—все более превращается в борьбу с пассивной землей и беззащитными растениями. Скот, который крестьянин еще содержит в небольшом количестве, вступает с ним в тесное, личное, можно сказать, дружеское общение, становится частью его семьи. Хищные

звери перестают быть его конкурентами. Они даже иногда оказываются его помощниками, производя опустошения среди угрожающей его посевам в открытом поле дичи, среди кабанов, оленей, диких коз, зайцев. Сам крестьянин и его скот,—днем в открытом поле и ночью в хорошо запертом доме и стойле,—могут не особенно бояться крупных хищных зверей. А в лесу крестьянину уже нечего искать. То, что служило обычным местопребыванием, надежным убежищем для первобытного человека, отчасти и для охотника, у крестьянина начинает вызывать жуткое чувство, начинает казаться обиталищем самых страшных сказочных существ. Да и самый лес, область хищных зверей, все более отдаляется, по мере расширения земледельческой культуры. У крестьянина все меньше времени и необходимости изготовлять оружие и упражняться в его употреблении. И оружие становится для него предметом роскоши, от которого ему мало проку.

Эта возраставшая беззащитность крестьянина, шедшая рука об руку с его возраставшим благосостоянием, сделалась пагубной для него. Когда он наталкивался на соседа, более способного к войне, чем он сам, крестьянина всегда побивали грабили, обращали в рабство. Такие столкновения могли иметь место при самых различных условиях. Представим себе две граничащие между собою области: гористую область, в которой земледелие не так легко могло развиться, а охота и скотоводство играли большую роль, и житель остался более воинственным, а рядом с нею долину реки, плодоносную, но не имеющую пастбищ, а вследствие усиленной вырубки леса, лишенную также мест для охоты,—область, где крестьянин живет исключительно земледелием. Жителям суровой и бедной местности легко могло прийти в голову предпринять поход в плодоносную область, ограбить ее, а также и вывести оттуда рабочие руки, рабов, которые облегчили бы домашний труд семей горцев. Если рабов оказывалось много и излишки продуктов достигали тоже значительных размеров, то семья господина могла совершенно освободиться от земледельческой работы и посвятить себя исключительно войне, которая представляла такие выгоды, что в конце концов, превращалась в главнейшую основу производства, когда все рабочие состояли исключительно из рабов.

Могло случаться и так, что жители более суровой местности предпочитали переселяться в плодоносную и жить там на излишки, доставляемые земледелием, при чем земледельцы плодоносной местности оставлялись в их жилищах. Их превращали не в рабов, работавших на чужом хозяйстве, а в крепостных, обязанных отдавать излишек собственного хозяйства, как дань, тому господину, к которому их причислили.

Случалось также, что крестьяне, желая иметь защиту от враждебных соседей, поручали более воинственным из собственной среды вооружаться и всегда быть готовыми к войне, за что отдавали им часть своих излишков. Через долгое или короткое время эти крестьяне-воины приобретали достаточно силы, чтобы закрепощать или эксплоатировать своих собственных товарищей.

В таких же формах совершалась эволюция и в тех местах, где сталкивались не крестьяне с крестьянами, а кочевники с земледельцами. Первое имело больше места в Африке, второе—в Азии.

Бывали, наконец, случаи, когда и город приобретал достаточно силы, чтобы поработить земледельческую область. Такое господствующее положение большого торгового города было, в особенности, обычным на побережьи Средиземного моря.

Иногда один вид порабощения земледельцев вытеснялся или дополнялся и осложнялся другими. В Египте, например, дружески встречались и уживались африканские, азиатские и греческие методы эксплоатации и порабощения.

Какие бы формы ни принимал процесс возникновения эксплоатирующей аристократии, результатом его везде было то, что поднятие уровня средств существования путем земледелия превращалось в расширение арены для эксплоатации и порабощения.

Меньше всего это имело место в тех областях, где, благодаря суровой природе, земледельческий труд давал лишь скудные излишки, где условия жизни заставляли крестьян быть более воинственными, а географические условия затрудняли вторжение чужих. Если население такой области оставалось на месте, если оно само не превращалось в эксплоатирующую аристократию, если соседи были достаточно сильны, чтобы защитить себя от этого населения, но недостаточно сильны, чтобы поработить его, то в такой суровой области у рабочего населения оставался весь излишек производства, который не нужно было ни с кем делить.

И, наоборот, чем высшего развития достигала земледельческая культура в плодоносных местностях, тем большей эксплоатации подпадали крестьяне.

Лучше всего еще жилось крестьянам там, где их господа оставались грубыми деревенскими помещиками, жили в деревне среди своих подданных и вместе со своими бандами пожирали продукты крестьян in natura. Охота, пьянство, право первой ночи, иногда даже и нескольких следующих ночей, составляли главные развлечения таких властителей. Крестья-

нин мог при этом подвергаться физическим и нравственным истязаниям, но экономически он не особенно страдал, так как количество продуктов и рабочих рук, которые он должен был доставлять для указанных развлечений, было ограничено. Охота господина могла вредно отзываться на хозяйстве крестьянина, если господин, из желания иметь к своим услугам возможно больше дичи, запрещал крестьянину истреблять или изгонять дичь. Но на стадии, на которой еще сохранились эти грубые нравы, в дичи большею частью еще не было недостатка, и охота барина даже была полезна для хозяйства крестьянина.

Не так обстояло дело, если барину начинают нравиться городские продукты, если он вступает с городом в торговые сношения или даже переселяется в город. В деревне барин все равно был лишним. Он мог совершенно спокойно жить в городе, если только была возможность получать там поборы с крестьян in natura или деньгами. Там он мог обменивать получаемое с крестьян на изделия городских ремесленников и художников или на ввозимые купцами иноземные товары. Это положило начало аристократической и придворной роскоши, которая не хотела знать никаких границ и возрастала при каждом новом успехе техники или средств сообщения. Ремесленники часто видят в этой роскоши благословение: она «доставляет народу заработок». В действительности, однако, роскошь означает не *увеличение* доходов ремесленника, а лишь *изменение их формы*. Ремесленники по-прежнему обменивают свои продукты на излишки продуктов крестьян. Но теперь уже продукты ремесленников приобретают не сами крестьяне, а эксплоататоры крестьян. Ремесленники, следовательно, производят уже не на крестьян, а на их эксплоататоров. Правда, по отношению к последним ремесленники являются свободными, но они не являются равными им. Аристократы приобретают достаточно силы, чтобы высасывать ремесленников так же, как и крестьян,—именно, путем государственных налогов. Таким образом, и ремесленники должны производить неоплаченный труд в пользу класса, господствующего в обществе. К эксплоатации крестьян присоединяется эксплоатация ремесленников.

Вот каким образом возрастающая роскошь эксплоататоров «доставляет народу заработок». Она ухудшает положение отдельного ремесленника, уменьшая участие каждого в пользовании доходами с его труда. При этом, правда, роскошь изменяет форму ремесленного труда и может поднять уровень средств существования ремесленников постольку, поскольку она вынуждает аристократов отнимать у крестьян не

только излишки, которые те и сами обменяли бы у ремесленников, но и необходимое крестьянам для их собственного потребления. Теперь и это необходимое уходит в обмен на ремесленные изделия.

Чем более возрастает эксплоатация крестьян, тем менее у крестьянина остается возможности покупать у ремесленников новые орудия производства: он лишается возможности делать улучшения в своем хозяйстве, и хозяйство приходит в упадок. Но поборы с него не уменьшаются, а еще возрастают по мере того, как увеличивается ремесленное производство предметов роскоши, по мере того, как развивается торговля предметами роскоши и возрастают «потребности» аристократов. Крестьянину приходится тогда ограничивать себя в самом необходимом. Он сам и его домашние животные голодают. Вскоре оказывается уже и недостаток в скоте, необходимом крестьянину для обработки поля, дающем его детям молоко, его полю удобрение. Дети вымирают или вырождаются, на неунавоженном, плохо вспаханном поле учащаются неурожаи. Деревня лишается населения, беднеет, превращается в пустыню,—ее уровень средств существования падает до минимума.

Таким образом, мы видим, что с развитием культуры со времени перехода к земледелию возникает новый фактор: он часто еще сильнее мешает поднятию уровня средств существования, чем война, и даже часто вместо поднятия вызывает его понижение. Этот фактор: *эксплоатация рабочей массы населения*.

Под влиянием только что описанного процесса временами погибали целые большие государства. Величественнейшим примером может служить мировое римское государство эпохи императоров. Но этот процесс мог иметь место не только в древности. Ту же картину представляла и Франция в восемнадцатом веке, пока Великая Революция не освободила ее от бича придворной и поповской аристократии, и таким образом одним взмахом вызвала мощное поднятие ее уровня средств существования. В настоящее время тот же процесс возрастающего разорения сельского хозяйства путем чрезмерной эксплоатации происходит в Испании, Индии. И здесь только изгнание эксплоататоров может прекратить голодовки, расширить пределы средств существования и положить конец тому состоянию, которое кажется «перенаселением».

Но и в подобные периоды упадка сельского хозяйства изучение природы и техника могут, по крайней мере, временами, делать успехи в городах. Сельское хозяйство само оказывается неразрушимым. Если оно где-нибудь терпит кру-

нение, то на освободившееся место со всех сторон устремляются новые народы, лишившиеся земли землевладельцы или полукочевники, и вновь воскрешают там земледелие. Но еще быстрее, чем путем подобного переселения народов, совершается лечение там, где порабощенным удастся сбросить с себя ярмо эксплоатации и самим, как свободным крестьянам, взяться за дело восстановления земледелия.

Чем бы ни было вызвано возрождение сельского хозяйства после его упадка,—переселением народов или социальным переворотом,—оно всегда совершается на более высокой научной и технической основе, чем та, на которой возникли первые начала земледелия в предшествовавший период. Возрождающееся земледелие пользуется успехами, которые за это время оказали наука и техника в городах. Таким образом земледелие обнаруживает постоянную эволюцию вперед. Конечно, не прямолинейную эволюцию, а волнообразную, волны которой иногда падают очень низко, но, в конце концов, неизменно подымаются на уровень, лежащий над прежним кульминационным ее пунктом.

При этих скачках вверх и вниз пределы средств существования могут временами сильно сокращаться. Но впоследствии одним взмахом,—например, благодаря социальному перевороту,—страна может очутиться в условиях, облегчающих или вызывающих самое быстрое расширение этих пределов. Но арифметическую прогрессию или убывающую производительность почвы по отношению к затраченному труду мы в земледелии встречаем так же мало, как и при охоте или скотоводстве.

Зато при земледелии, как и при охоте и скотоводстве, расширение пределов средств существования человека означает, по существу, не что иное, как сокращение пределов средств существования других организмов. Исключение представляют только такие улучшения,—например, новая система орошения,—которые дают возможность возделывать растения в таких местах, где раньше ничего не росло.

Земледелие означает вытеснение пастбища, на котором кормился скот, пахотным полем, на самой большой части которого производится только пища для человека. А, между тем, свободное пастбище кормило не только домашний скот. Когда стада домашних животных перекочевывали на новый луг, то ничем невозможно было помешать дичи занять место на оставленном лугу. Дичью, в свою очередь, жили хищные звери, которым иной раз удавалось, несмотря на всю бдительность человека, раздобыть и лакомый кусок из стада прирученных животных, какого-нибудь ягненка или теленка.

Когда пахотное поле вытесняет пастбище, то исчезают средства существования для всех этих животных, за исключением лишь известного количества домашнего скота, которое оставляет для своих нужд земледелие.

Далее, земледелие, как мы уже видели, создает условия, благоприятные для дальнейшего развития ремесла. Ремесленники снабжают крестьянина инструментами не только для расчистки леса,—что можно также сделать посредством огня,—но и для того, чтобы сделать лесную почву более пригодной для интенсивной обработки.

Земледельцу удается таким путем оттеснить лес и создать себе на его месте новое поле для обработки. Создается новое могучее средство для расширения пределов средств существования. Но в то же время этот процесс понижает сумму средств существования для лесных деревьев и всех животных, которые жили на них, под ними и их плодами.

Такое же значение имела и деятельность человека, когда он научился осушать болота путем отведения вод. Все, что в болоте растет, ползает и летает по его поверхности, все это обречено было на гибель, или, по меньшей мере, вынуждено было бежать.

Расширение пределов средств существования человека, таким образом почти всегда означает сокращение их для других организмов: для животных, растений, а нередко и для людей, как показывает колониальная политика.

Но это означает вместе с тем, что человек беспрестанно колеблет равновесие, господствующее в природе, и нарушает его.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нарушение равновесия в природе.

Мы видели, что в природе существует тенденция к восстановлению и сохранению равновесия между факторами уничтожения и размножения индивидуумов. В это равновесие вмешивается человек: одни виды животных он подвергает более сильному уничтожению, чем то, к которому приспособлено их размножение, а для других суживает естественный круг действия уничтожающих моментов. Размножение последних, приспособившееся к более сильному уничтожению, дает теперь ежегодный избыток сверх того количества, которое нужно для покрытия ежегодной потери. На этом основано распространение скотоводства и земледелия.

Но в природе отдельные особи и виды организмов не изолированы друг от друга. Между ними существует самая разнообразная и тесная связь. Человек не может способствовать размножению одних и истреблению других, не затрагивая этим другие организмы, и часто, таким образом, что это совершенно противоречит его намерениям.

При этом мы имеем в виду только отношения между человеком и природой, а не общественные, отношения между человеком и человеком. Следовательно, мы не рассматриваем здесь влияний, вызываемых общественным воздействием, как, например, вызываемое погоней за прибылью уничтожение полезных для человека животных, в поддержании которых он должен быть заинтересован, например, истребление слонов в Африке или пушных зверей в полярных странах. Это не общее явление культурного прогресса, но особенность, хотя и ничем не «оправдываемая», особенность капиталистического способа производства. В обществах первобытного коммунизма, так же как и в феодальном, забота о будущем была развита сильнее; если там иногда и велось хищническое хозяйство, то это происходило от незнания последствий, а не из потребности забрать поскорее все, что можно, не заботясь о будущих поколениях.

Точно так же, как об этом корыстном истреблении, мы не говорим здесь об истреблении полезных или, по крайней мере, безвредных животных, например, серн, буйволов, антилоп, зебр, жираффов, бегемотов; их истребление служит не целям добывания пищи, а удовольствию скучающих тунеядцев, чтобы доставить им новую сенсацию и редкие трофеи для их пустого хвастовства. Такие элементы характерны не только для капиталистического общества. Они встречаются всюду, где высокая степень эксплоатации создает толпы бездельников. Капиталистическое общество отличается от прежних, основанных на эксплоатации, обществ только тем, что оно снабжает своих знатных тунеядцев совершеннейшими орудиями истребления самой высокой техники, так что они ведут свое занятие живодеров в форме колоссальных предприятий и в течение немногих лет в какой-нибудь части света могут уничтожить целиком многочисленные виды животных, как, например, американского бизона.

Обо всех этих истребительных факторах я здесь не говорю; я говорю только о таком истреблении, которое непосредственно связано со стремлением к поднятию уровня средств существования или с еще более могущественным стремлением к сбережению труда.

Но и там, где не участвует бессмысленная свирепость

беспощадных спортсменов или жадных до прибыли капиталистов, и там прогресс культуры может оттеснить или совершенно истребить отдельные виды животных и растений, которые человек охотно сохранил бы для себя.

Так, например, сильно уменьшается число певчих птиц даже в тех местностях, где их щадят. Успехи земледелия уничтожают живую защиту терновника и дуплистые деревья, лучшее место для их гнезд и тем препятствуют их размножению. Но уничтожение на одной стороне ведет за собой тенденцию к перенаселению на другой—у тех видов животных и растений, которые до сих пор служили пищей уничтоженным или уменьшившимся в числе животным. Известно, что уменьшение певчих птиц вызывает увеличение количества насекомых, притом часто самых вредных.

Истреблением мелких хищников человек вызывает размножение грызунов, у которых огромная способность к размножению рассчитана на целый мир врагов. Если их истребляют, то вызывают перенаселение животных, служащих им пищей.

Если в природе господствует тенденция к равновесию, то человек все более вносит в нее тенденцию, с одной стороны, к вымиранию, с другой—к перенаселению. Где только ни появляется человек с его культурой, там естественное равновесие сохраняется лишь случайно, если только он еще его терпит.

Дарвин дает прекрасный пример тесной зависимости организмов друг от друга. Он показывает, как размножение или вымирание одних вызывает размножение или вымирание других. Пример этот показывает также, что культура заменяет состояние равновесия вымиранием или перенаселением. Дарвин пишет:

«Приводят много примеров из которых видно, какими сложными и неожиданными оказываются взаимные ограничения между органическими существами, борющимися в одной области. Я хочу привести один такой пример, который заинтересовал меня, несмотря на свою простоту. В Стаффордшире, в имении одного родственника, где я имел много случаев производить наблюдения, было большое, совершенно бесплодное поле, которого никогда раньше не касалась человеческая рука. Но несколько сот акров, совершенно такого же свойства, как и все остальное поле, были за 25 лет перед этим огорожены и засажены соснами. Изменение в первоначальной растительности на засаженном куске было в высшей степени замечательным, оно было гораздо большим, чем между двумя кусками совершенно различной земли. Совер-

менно изменилось не только количественное отношение между луговыми растениями, но в засаженной части прибавилось еще 12 видов растений, не говоря уже о болотных и других травах, которых в поле нельзя было найти. Влияние на насекомых должно было быть еще бо́льшим, так как в засаженной части были очень распространены шесть видов насекомоядных птиц, которых нельзя было встретить на лугу; луг, наоборот, посещался 2—3 другими видами таких птиц. Мы видим здесь, к каким значительным последствиям приводит посадка одной древесной породы, так как тут никаких других перемен не было, кроме того, что в лес не пускали скот.

Каким важным элементом было огораживание, я ясно наблюдал вблизи Фарнгама в Серрее. Здесь были обширные луга с несколькими группами старых сосен на склонах более отдаленных холмов; в последние десять лет значительные участки были огорожены и внутри этих ограждений, вследствие самозасевания, выросла масса молодых сосен, так тесно, что не все могли развиваться. После того, как я удостоверился, что молодая заросль не была ни посеяна, ни посажена, я так был изумлен этим количеством молодых деревьев, что тотчас же вернулся и осмотрел с различных пунктов сотни акров неогороженной земли, где я, однако, кроме групп старых сосен, не мог найти буквально ни одной сосенки. Но когда я основательнее всмотрелся в растения свободных лугов, то нашел массу побегов и молодых деревьев, которые потом уничтожались пасущимися стадами. На одном куске площадью в квадратный ярд (ярд почти равен метру), на расстоянии нескольких сот ярдов от групп старых деревьев, я насчитал 32 сорванных деревца, из которых одно с 26 слоями в разрезе в течение многих лет пыталось подняться над лугом, но напрасно. Нет поэтому ничего удивительного в том что как только земля была огорожена, она густо заросла соснами. И, однако, луг был до такой степени неплодородным и широким, что никто не поверил бы, чтобы скот мог здесь так тщательно отыскивать корм» [1]).

Мы видим здесь, как простое луговое хозяйство ведет к тому, что истребляется ряд растений, и вместе с ними ряд насекомых. Этим самым понижается уровень средств существования для насекомоядных птиц, число организмов на определенной площади уменьшается, и она принимает более монотонный вид. Земледелие имеет то же самое влияние еще в более сильной степени.

[1]) *Darwin*, Entstehung der Arten. S. 92, 93.

Второй из приведенных Дарвином случаев показывает нам, как вмешательство человека нарушает равновесие в природе, и вместо него создает тенденцию или к вымиранию, или к перенаселению.

В естественном состоянии, размножение сосен и живущих на их счет животных держится в равновесии. Они должны держаться в равновесии. Если сосны будут размножаться быстрее, чем питающиеся ими животные, то последние будут съедать больше молодых сосен, чем прежде, будут питаться обильнее, будут делать меньше движений в поисках за пищей, сохранять больше сил для размножения, для воспитания и вскармливания молодого поколения. Наоборот, если сосны размножаются медленнее, чем питающиеся ими животные, то они будут попросту истреблены. Выживут только те виды сосен, которые размножаются достаточно быстро.

Иначе обстоит дело там, где появляется человек. Он хочет в разнообразие природы внести монотонность. Каждый кусок земли он предназначает для особенной цели, и только для ней одной: в нашем случае только для выращивания сосен или кормления скота. В первом случае устраняются все элементы, которые могли бы вредить молодым соснам. Их способность к размножению, приспособленная к наличности этих элементов, не уменьшается вследствие их устранения. Сосна по-прежнему бросает столько же семян на землю, но теперь они все прорастают, поднимаются побегами и создается такое состояние перенаселения, когда одно дерево может вырасти, только заглушив много других. Этот пример нам часто приводят как доказательство действия в природе закона народонаселения Мальтуса. В действительности, это доказывает только нарушение естественного равновесия человеком.

Другая альтернатива приведенного Дарвином случая—та, что человек заботится не о соснах, а о скоте. Он устраняет всех хищных животных, которые могли бы ограничить размножение скота, и достигает этим того, что скот размножается настолько, насколько это допускает пища на лугу, т.-е. до границ своего уровня средств существования. Еще гораздо раньше, чем дело, согласно традиционному рецепту, дойдет до борьбы за существование в среде скота и браковки неприспособленных, состояние это приведет к полному истреблению всех растений, которые размножаются недостаточно быстро, или у которых органы воспроизведения не защищены от скота.

Нарушения равновесия, создаваемые в природе техникой человека, можно поставить в параллель с теми, которые происходят на земной поверхности вследствие значительных

изменений ее вида или климата,—ледниковый период, поднятие и опускание континентов и т. д. Изменения как одного, так и другого рода ведут к вымиранию одних организмов и к перенаселению других. Но тут есть и значительные различия. Естественные изменения земной поверхности, охватывающие значительную область, совершаются всегда медленно и оканчиваются продолжительным периодом спокойного состояния, когда особи, разновидности, виды, системы видов организмов приспособляются друг к другу, пока колебания между вымиранием и перенаселением не закончатся состоянием равновесия, в котором все свойства видов, в том числе и их способность к размножению, приспособлены к поддержанию этого равновесия, приобретают постоянный характер и становятся наследственными качествами в тем большей степени, чем дольше остается неизменным новое состояние земной поверхности.

Техника человека, наоборот, не знает покоя. Хотя прогресс и кажется иногда слишком медленным, но здесь мы имеем дело не с человеческими поколениями, а с геологическими периодами, и уже столетиями приходится мерить время, в которое земная поверхность там, где человек подверг ее своей культуре, находится в состоянии постоянного изменения. Приспособление всех животных и растений к новым условиям в такой короткий период времени невозможно. Где человек изменяет природу, там ее равновесие постоянно нарушается, хотя не всегда в одинаковой степени и одинаковых отношениях. С ростом господства человека над природой растет и тенденция к нарушению ее равновесия.

Однако, органическая жизнь не может существовать продолжительное время без такого равновесия. Эта невозможность, а вовсе не какая-нибудь мистическая тайна, является причиной, почему равновесие, после нарушения его, снова восстановляется в природе. Так как человек не оставляет природе для этого достаточно времени, то он, в погоне за увеличением жизненных средств, сделал бы, в конце концов, самую жизнь совершенно невозможной, если бы он сам не позаботился о восстановлении равновесия. Большая и постоянно растущая часть той работы, которая кажется ему борьбой с природой за повышение уровня средств существования, есть только следствие его насилия над природой. Так, например, старания искусственно воспрепятствовать столь опустошительному перенаселению гусениц, мышей, крыс. Подчас причиненные человеком нарушения равновесия бывают так велики, что он сам становится втупик перед ними; они угрожают его существованию, как, например, размножение кроликов, которых англичане привезли в Австралию, где совершенно не было элементов их уничтожения, о создании которых только теперь должен позаботиться человек.

Еще важнее другое различие между нарушениями равновесия в природе, вызываемыми человеком, и теми, которые наступают сами собой, вследствие изменения земной поверхности в результате ее охлаждения или других сильных космических перемен.

До сих пор, по крайней мере, подобные изменения земной поверхности шли рука об руку с растущим разнообразием ее жизни, в том числе с растущим разнообразием видов организмов. Пусть отдельные виды в периоды таких перемен вырождались и вымирали; много других более разнообразных, следовательно, высших занимали их место.

Вмешательство человека в природу с целью повышения уровня средств своего существования означает, наоборот, как мы видели, только истребление существующих видов, а не замещение их новыми, следовательно, постоянное уменьшение разнородности в природе. При известных обстоятельствах число существующих особей может при этом возрасти, например, при орошении пустынь, где до сих пор невозможна была органическая жизнь; но увеличение числа существующих видов при этом ни в коем случае не достигается. В большинстве случаев число видов уменьшается в результате прогресса техники.

Мы уже показали, что так бывает при пастбищном хозяйстве и еще более при земледелии. Сравните только дикий лес, где самые разнообразные породы растут вперемежку друг с другом, с тем лесом, который состоит из одной породы деревьев, посаженных правильными рядами, точно солдаты на параде,—все одного возраста, одинаковой высоты. И этот лес, в котором все же, кроме деревьев, есть кусты и трава всякого рода, сравните с засеянным полем, откуда выброшен каждый камень, каждая сорная трава, и где рядом растут только стебли одного вида.

Конечно, само земледелие увеличивает число растительных видов, культивируемых в данной местности. Технический прогресс привел к тому, что, наряду с кормовыми растениями, культивируются и другие полезные растения, например, такие, которые дают нити для пряжи или красящее вещество. Число существующих, вообще, на земле растительных видов от этого не увеличилось. Эти растения существовали и раньше. Увеличилось только число культивируемых сельским хозяйством растительных видов и число особей этих видов.

Но теперь техника все более стремится к изготовлению продуктов таких растений искусственным путем на фабрике или в лаборатории с гораздо меньшей затратой труда, ибо фабричное производство дает только тот продукт, который нужен человеку, употребляет всю свою силу только на это, тогда как процесс производства в природе затрачивает массу сил на жизненный процесс растений, на создание таких частей растений, которые для технических целей человека не имеют никакого значения.

Так были вытеснены химическим производством марена, вайда и индиго. Точно так же делаются попытки заменить для некоторых целей искусственными продуктами растительный или животный материал для пряжи—шелк, хлопок, лен.

С другой стороны, лошадь встречает все более сильную конкуренцию в двигательной силе пара, электричества, наконец, бензина. Еще немного времени, и лошадь будет такой же редкостью в сельском хозяйстве, как марена и вайда.

Чем более техника преобразует культуру земли, тем больше заменяют простота и монотонность прежнее бесконечное разнообразие организмов свободной природы.

Правда, человек стремится изменить виды животных и растений, которые он приручает и культивирует, стремится приспособить их к своим целям путем искусственного подбора. Он может сделать это тем легче, чем большее число особей одного вида он соединяет на определенной площади. Тем легче может он предназначить отдельных животных для особых целей, ввести разделение труда между ними. Это облегчается также тем, что разнообразие многих растительных и животных видов заменяется массой особей одного и того же вида. Самый искусственный подбор происходит таким образом, что человек уменьшает разносторонность отдельного организма или нарушает естественное равновесие органов и их функций: некоторые из них он заставляет погибнуть, если они для него бесполезны, а другие, если он их ценит,—усиленно развиваться, как, например, он увеличивает количество мяса или молока у животных за счет их ног или головы.

Самый сложный орган высших животных есть мозг: более высокое развитие прежде всего выражается в большей сложности строения и функций мозга. Но если мясо, молоко, сало способны еще производить дух, то один дух никогда не произведет мяса, молока и сала. Для их образования он является совершенно излишним, даже вредным, так как его деятельность поглощает в интересах животного мясо, молоко и сало, а их для человека нужно произвести возможно больше.

Поэтому в разведении животных, служащих пищей, не обращают никакого внимания на интеллигентность и даже, по возможности, уничтожают ее. Никакая опасность домашнему животному не грозит и не побуждает его к наблюдательности и соображению. Ему не надо напрягать ума, чтобы отыскать корм. У многих домашних животных могущественный источник умственного напряжения радикально устраняется путем кастрации. Животные эти становятся таким образом все более тупыми.

Только те животные, которые служат человеку не для пищи, а для помощи в работе, где нужен ум, повидимому, не теряют своих духовных сил от соприкосновения с цивилизацией, может быть, даже их интеллигентность повышается, что, впрочем, мало вероятно.

В общем разнообразные породы домашних животных обнаруживают не развитие к более высшему типу организма, обладающего более разносторонним гармоническим строением, а за немногими исключениями—вырождение.

Регресс живой природы должен наступить на земле с того момента, когда на ее поверхности начинает уменьшаться разнообразие отношений. Этот регресс начинается уже теперь благодаря человеку, раз только благодаря успехам техники, он достигает господства над природой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Эпидемии и истребление лесов.

Человек непрерывно стремился сделать свой труд более продуктивным, а это обозначает не что иное, как внесение большего однообразия в природу. При этом, время от времени, он наталкивается на границы, которые он не может перейти.

Так, например, человек стремится сделать животных и растения более продуктивными. Путем искусственного подбора он заставляет размножаться те экземпляры растений и животных, у которых наиболее ярко выражены полезные человеку качества.

Но, подобно тому, как между отдельными особями и видами организмов существует необходимое равновесие, так существует оно между отдельными частями и функциями каждого организма. Безнаказанно нарушить его нельзя. Правда, этот фактор не твердого, а эластического свойства, но все

же не настолько, чтобы его можно было растягивать как угодно.

Мы приведем только один пример, сообщенный Дарвином, который показывает, к чему может привести односторонний подбор.

«В одной части Йоркшира фермеры постоянно выбирали на племя рогатый скот с сильно развитым крупом, пока они не получили породы, названной ими «Dutchbuttocked» (с голландским крупом); чудовищная величина задней части тела теленка была часто гибельна для коровы: много коров погибало ежегодно при родах» [1]).

В растениях человеку часто важен только колос, а не стебель. Чем тяжелее колос, чем слабее стебель, тем больше пищи приносит поле человеку. Но если колос слишком тяжел для тонкого стебля, то он сгибает его, хлеба ложатся, гниют, и жатва потеряна для человека. Увеличение колоса за счет стебля имеет свои границы.

В естественном состоянии организм служит самому себе, он—самоцель. К этому и приспособлены все его органы; это всегда наиболее способные к сопротивлению экземпляры, которые лучше выживают и размножаются. В культурном состоянии организм растений и животных служит не самому себе, а человеку; человек же позволяет размножаться не наиболее выносливым, а наиболее соответствующим его целям. Да и жизнь их протекает не при тех условиях, к которым организм приспособлялся тысячелетиями, а при иных особых условиях, благоприятствующих развитию полезных для человека качеств. Чем больше это имеет место, тем легче организм погибает от вредных влияний. От крупных врагов человек защитит его, но армию микроскопических врагов человек отразить не может. он открывает ей широкую дорогу искусственным подбором и неестественными условиями жизни культивируемых им растений и животных. Чем более они облагорожены, тем более они подвержены различным болезням, тем скорее они от них погибают. И здесь, в процессе культурного развития, человек снова должен затрачивать все больше труда для устранения и предотвращения последствий вызванного им самим нарушения в равновесии природы.

Иначе мстит за себя нарушенное равновесие еще теми последствиями, которые вызываются широко практикуемой расчисткой лесов. Расчистка леса под пашню необходима для повышения уровня средств существования, она при извест-

[1]) *Darwin*, Das Variieren der Tiere, II, 9.

ных обстоятельствах может иметь и другие благоприятные для человека последствия, например, осушение почвы, улучшение климата. Но есть местности, где лес необходим. В горах он необходим для укрепления почвы на скалах и предотвращения сползания ее, для защиты долины от лавин, для задерживания воды при слишком сильных дождях: это нужно, чтобы защитить возделанную почву у подножия гор от потопления и засорения мелкими камнями, или, по крайней мере, чтобы ограничить эти вредные явления. На морском берегу лес нужен, чтобы помешать проникнуть песку с берега вглубь страны. Здесь и там истребление лесов приводит рано или поздно не к увеличению, а к сокращению возделанной поверхности, следовательно, и к понижению уровня средств существования. На пустынном немецком берегу Балтийского моря когда-то возвышались могучие леса, и под их защитой выросли многочисленные деревни. Где леса исчезли, место их заняли песчаные дюны, которые с каждым годом все больше проникают вглубь страны и засыпают возделанную почву.

«По многочисленным измерениям подвижные дюны на морском берегу ежегодно подвигаются в среднем на 10 метров вперед... На косе в Куришгафе перед этой силой природы должны были отступить следующие деревни: Латтенвальде, Альткунцен, Фреден, Нойпиллькоппен, Альтнидден, Карвахен, Нойнегельн и Альтнегельн; эти деревни значатся пропавшими» [1]).

Что профессор Шваппах называет здесь «силою природы», есть в действительности нарушение равновесия в природе, вызванное близоруким истреблением лесов человеком.

Столь же, как и на песчаном берегу для задержки песков, лес необходим в областях, подверженных снежным бурям. Он задерживает ураганы и образует защищенные места, которые представляют более благоприятные условия для человеческой культуры.

Наконец, лес необходим в жарких, сухих областях с ежегодными продолжительными периодами засухи. Там он противодействует высыханию и чрезмерному нагреванию земной поверхности, равномернее распределяет осадки и образует резервуары влаги, препятствующие высыханию источников.

В таких местностях нужно быть очень осторожным с вырубкой лесов, чтобы уменьшением лесной площади не причинить вместо пользы вреда для сельской культуры, который

[1]) Prof. *A. Schwappach*, Wald und Forstwirtschaft. Der Mensch und die Erde III 278

иногда непоправим или поправим только с громадной затратой труда. Ибо молодое поколение деревьев нуждается для того, чтобы прорасти и окрепнуть, в защите старых деревьев. Это—естественные условия, к которым приспособлено молодое дерево. Отнимите у него эту защиту, и оно часто вовсе не будет в состоянии подняться. Так, Исландия имела когда-то большие леса. Их вырубили, и теперь жестокие бури не дают вырасти там ни одному деревцу. Точно также в сухих жарких странах и по склонам скал облесение является весьма трудным, часто невозможным без больших земляных работ, как загораживание водопадов, устройство запруд и т. п. Большое препятствие встречает вторичное облесение в сельском хозяйстве, которое все же хочет поднять его на достаточную высоту. Совершенно опустевшая местность может служить лишь пастбищем для какой-нибудь пары овец или коз, а эта пастьба означает не что иное, как безжалостное уничтожение всех молодых побегов, которые прорастают кругом сохранившегося кое-где старого пня и стараются укрепиться на его корнях. Хуже всего дело вторичного облесения стоит там, где одновременно встречается несколько затруднений: гористая местность, холодные бури зимой, жаркое, сухое лето, и при этом пастбищное хозяйство.

Несмотря на предостерегающие примеры многих областей у Средиземного и Балтийского морей, вырубка лесов быстро идет вперед в Исландии, на севере Швеции и Норвегии, в северной России и Сибири, а также в жарких, сухих областях: в южной России, в Боснии и Румынии, в Соединенных Штатах.

Я написал уже эти строки, как нашел в только что вышедшей книжке «Космоса» в реферате д-ра Квелле, прочитанном в Берлинском географическом обществе, следующее сообщение о Сиерре-Неваде в Испании:

«Во времена арабов, которые сажали много дубов и тиссов, горы блистали прекрасным летним украшением. С тех пор лес в значительной степени вырубили, а посадить ничего не посадили, и уничтожение остатков лесов быстро идет дальше. Курильщики угля и стада коз соперничают в уничтожении леса, пастухи и угольщики—это единственные люди, которых можно встретить в горах. Даже склоны гор заселены очень редко» [1]).

Что лес не менее необходим для поддержания человеческой жизни, чем пашня, и что некоторый minimum леса должен быть сохранен, это начали понимать в Германии уже в

[1]) „Kosmos", Heft II, Stuttgart 1909.

последние столетия средних веков. В странах Средиземного моря этот взгляд не нашел признания римской и греческой культуры. Климат не требовал там отопления, а для построек пользовались камнем.

В Германии деревянные дома деревень, а долгое время и городов, а также потребность в горючем материале для долгих зим заставили подумать о сохранении лесов, которым особенно большие опасности грозили в горных округах, где для плавления руды употреблялась масса дерева. Уже в XIII и XIV столетиях стали издавать правила для охранения леса, в XV и XVI столетиях они были распространены повсеместно.

Потребность в больших запасах дерева для отопления и построек исчезла с началом применения для топки каменного угля, с применением камня и кирпича для постройки даже простых домов и заменой дерева железом во многих областях, например, в кораблестроении.

С другой стороны, как раз эпоха капитализма убийственно отзывается на лесах. Если капитализм и стремится всегда заменить дерево другим материалом, то для дерева он находит новые, до сих пор неизвестные способы применения. Железные дороги употребляют в виде шпал громадную массу дерева, и газеты с их древесной бумагой стали могилой многих лесов. При этом капитализм своим дешевым транспортом устраняет то препятствие, которое раньше мешало применению дерева не для местных нужд, и которое не существовало только для тех мест, где это позволяли водные пути сообщения—реки и моря. По этим путям и началось прежде всего истребление лесов. Далмация обязана своим запустением венецианцам, истребившим ее прекрасные дубовые леса на материал для своих кораблей. Внутренность страны была пощажена от этого опустошения, если не было рек, по которым можно было бы сплавлять дерево. Теперь никакие горы не застрахованы от спекулянтов лесом.

Даже дрова все более становятся объектом спекуляции. Правильное выращивание леса стоит в противоречии с условиями капиталистического хозяйства и не примиряется с ним. Маркс об этом говорит:

«Продолжительность времени производства (которое включает относительно только небольшое количество рабочего времени), а отсюда продолжительность времени оборота капитала делает лесное хозяйство невыгодной отраслью для частного и, следовательно, капиталистического производства, которое, по самому существу своему, является частным, даже если, вместо отдельного капиталиста, выступает ассоциация

капиталистов. Развитие культуры и индустрии, вообще, издавна показало себя столь деятельным в истреблении лесов, что все, что было сделано в противоположном направлении для сохранения их, есть величина совершенно ничтожная» [1]).

Кто разводит лес, тот не может иметь ни малейшего представления о том, каковы будут отношения к тому времени, когда лес вырастет, принесет ли он прибыль и кому принесет. На такие длинные сроки наше беспокойное время векселей не выдает. Дело капиталистического предприятия купить и продать лес, а не выращивать его. Рациональное лесное хозяйство все более становится роскошью, которую позволяют себе только самые крупные богачи, именно те, которые смотрят на свои земельные владения не как на личную собственность, способную к переменам, а как на неотчуждаемое владение фамилии, как, например, это бывает в фидеикомиссах. На-ряду с этим лесное хозяйство, при развитом капитализме, становится все более делом государства. Раз государство не охраняет лесов, капитал опустошает их беспощадно. Если государство должно охранять леса, то оно должно иметь возможность позволить себе роскошь, должно быть состоятельным. А государство, которое свое положение в настоящем поддерживает за счет будущих поколений, увеличивая свою задолженность, как, например, Италия. Австрия, такое государство не может охранять лесов. Чем ближе оно к банкротству, тем больше оно подвергает опасности свои леса, а вместе с ними и сельское хозяйство, если, по условиям почвы и климата, лес является необходимым условием для его процветания.

Каким быстрым темпом подвигается в наше время истребление лесов, видно из следующих сообщений, сделанных в комиссии по облесению в Англии.

Маргерисон заявляет: «Говорить об острой нужде в древесном материале значило бы впасть в преувеличение, но не подлежит сомнению, что наша планета скоро будет испытывать недостаток в дровах... Цивилизованный мир потребляет больше дерева, чем производит... Профессор Шлихт констатировал, что в Швеции, в течение последних лет, порубки превысили прирост на 103 миллиона кубических футов. В 1907 г. министерство сельского хозяйства в Соединенных Штатах опубликовало работу «Запасы дров в Соединенных Штатах», в которой мы читаем: «Не подлежит сомнению, что наше годичное потребление дерева в различных формах в три или четыре раза превышает годичный прирост наших лесов. В то время, как население Соединенных Штатов с 1880 до 1900 возросло на 52 процента, потребление строевого леса увеличилось на 94 процента». В том же 1907 г. правительство Соединенных Штатов издало другую работу «Истощение запасов твердых древесных материалов», в которой заявляется, что не пройдет и шестнадцати лет, как все запасы этих сортов будут совершенно истощены.

[1]) *K. Marx*, Das Kapital, II, 237.

В 1905 г. немецкий генеральный консул в Монреале, Шек, исследовал состояние лесных насаждений в Канаде. В опубликованном им отчете он указывает, что лучшие сорта белой сосны, до последнего времени доставлявшей лучший материал для построек, исчезли, и что твердые сорта почти совершенно истреблены. Канада теперь уже не вывозит такой лес, а, наоборот, ввозит миллионы кубических футов—вишневые, каштановые, кленовые, дубовые и ореховые бревна и доски [1]).

Какое значение могут иметь ввиду этого безумного истребления лесов в самых богатых лесных местностях немногие клочки, на которых ведется рациональное лесное хозяйство!

Если рост культуры так часто ведет, вместо повышения, к понижению уровня средств существования, то возрастающее истребление лесов принимает в этом немаловажное участие, чем рост налогов и разорение вследствие расходов на милитаризм и войн, или рост эксплоатации рабочих классов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Наука и труд.

Сохранение лесов необходимо для человека по физическим основаниям. Но не только по этой причине. Человек имеет не только физические, но и духовные потребности, при чем слово «духовный», следует, конечно, понимать не в мистическом смысле.

Способность развивать силы воли и познания образовалась в животных организмах, как необходимое дополнение к способности вырабатывать силы свободного передвижения тела. Мы уже видели, как растущая разнородность высших животных достигает своего кульминационного пункта в органах, производящих названные духовные силы, в нервах с

[1]) Second report on Afforestation of the royal Commission on Coast erosion and Afforestation, London 1909, p. 10, 11

их центром. Человеческий дух представляет наиболее разнородное явление во всем известном нам мире. Но для его развития нужна, в свою очередь, максимальная разнородность окружающей среды. Для органов, выполняющих духовные функции, такая разнородность представляет такую же жизненную потребность, как для легких—свежий воздух, для желудка—приток питательных веществ, для мускулов ног—хождение, бегание, прыгание. Человеческий дух родился из разнородности природы, и задачей его в борьбе за существование стала необходимость разобраться в этой разнородности и удержаться в ней. Однородность среды, однообразие чувственных впечатлений, задач—равносильны для него смерти.

На первых ступенях культуры экономическое развитие увеличивает разнородность человеческого существования и, таким образом, доставляет человеческому духу удовлетворение и возможность высшего развития. Правда, одним из первых следствий технического прогресса является упрощение природы в том смысле, что некоторые виды живых существ вытесняются и, в конце концов, совершенно исчезают. Но при слабых силах первобытного человека это обстоятельство имеет еще очень мало значения, и действие его на человеческий дух более, чем уравновешивается тем, что область, которая доступна человеку, становится все более обширной и вместе с тем все более разнородной.

Первобытный человек знал только тропический дикий лес, в котором круглый год созревают плоды, и различие между временами года, а также между температурой дня и ночи незначительно. Как охотник, он распространяется по всему земному шару до самого полярного круга и даже в странах, в которых лето и зима, день и ночь представляют резкие противоположности, где приходится с каждой сменой года менять образ жизни и род пищи. Как охотник, он не может уже ограничиваться для своего прокормления только сбором плодов, т.-е. средств пропитания, которые не прячутся и не убегают. Он должен теперь уметь перехитрить очень понятливых зверей, изучить их привычки, познать и использовать их духовные движения. Он вынужден теперь справляться с сильными животными, закалять свою волю против опасностей. А вместе с оружием охотника возникает война за добычу или площадь охоты, борьба с ему подобными, вооруженными, как и он, волей и умом. И чтобы победить этих противников, он должен напрягать свои силы до самой крайней степени.

Еще больше растет разнородность проявлений деятельности у номада. Правда, животный мир, с которым он, главным образом, имеет дело, гораздо более однороден и подчинен его воле, чем животный мир, окружающий охотника. Зато первый увеличивает и ускоряет силу его ног, отдавая ему в распоряжение свои ноги. Лошадь и верблюд дают номаду возможность быстро совершать большие переходы, бык, как вьючное животное, перевозит ему весь его домашний скарб во всякую местность, где только имеется пастбище. Именно господство над животными делает номада более независимым от отдельной местности, чем охотника, который должен быть знаком со всеми путями и тропинками, по которым ходят дикие животные, со всеми их привычками, с их убежищами и водопоями. Иначе он не будет иметь никакого успеха в охоте за ними, и он лишает себя всех этих необходимых предпосылок удачной охоты, если он меняет знакомую ему местность на другую. Правда, он постоянно переходит из одного угла ее в другой, посещает самые отдаленные закоулки этой местности, никогда не остается долго на одном месте. И все же он привязан к хорошо знакомой ему области и очень неохотно оставляет ее. Наоборот, номад гораздо свободнее в выборе своего местопребывания и может поэтому скорее познакомиться с самыми различными географическими условиями, с самыми разнообразными племенами и народностями, с наиболее разнородными культурами. Все это дает могучий стимул развитию его умственных способностей.

В таком же положении находятся жители приморских стран, если только техника судостроения у них настолько развита, что они могут отдаляться от берега на большое пространство. Особенно благоприятствует этому, на первых порах, обилие островов, рассеянных на море, вблизи которого живут эти люди. Смена явлений на находящемся в постоянном движении, вечно изменчивом море еще более усиливает впечатление от смены картин, которые ждут моряка на далеких берегах.

Но дальше этого не идет возрастание разнородности среды путем развития техники, путем прогресса средств на поддержание жизни,—по крайней мере, для народных масс. Начиная с этого момента, дальнейший прогресс изобретений означает для трудящихся масс увеличение однородности жизни, которая все больше оказывает на них свое действие. Крестьянин не может уже больше странствовать, как номад или судоходец, он привязан к своей земле. Ему не приходится теперь иметь дело ни с неукротимым морем, ни с разнообразными дикими зверями, ни с массой различных полудиких животных, а только с немногими домашними животными, выполняющими простые функции. Работа его состоит, глав-

ным образом, в обработке беззащитной земли, в уходе за растениями и, наконец, в сохранении их плодов,—работа, которая совершается из года в год с одинаковой регулярностью, хотя не всегда с одинаковым успехом. Война против зверей, а также против людей перестает для него быть особым промыслом, доставляющим средства к жизни. То, что для охотника, номада, морского пирата,—судоходец и пират в начале были нераздельны,—является насущным элементом всей их жизни, для крестьянина представляет только нежелательную помеху.

Еще более простой становится работа ремесленника. Крестьянин все же имеет различные занятия, ему приходится иметь дело с разнообразными организмами, которые имеют свои собственные сложные законы. Каждая смена времени года, каждый месяц, каждая перемена погоды ставит ему новые задачи. Ничего этого не знает ремесленник. Он возится с мертвыми материалами и работает в одной и той же мастерской одинаковым образом,—хороша ли погода, идет ли дождь или нет,—и зимой, и летом.

И все-таки, даже ремесленник должен, при изготовлении своих продуктов, совершать различные манипуляции. Он производит часто различные изделия, а для каждого из них, от начала работы до окончания ее, требуются самые различные операции.

У фабричного рабочего нет уже и такой смены. Из года в год он делает одну и ту же вещь или даже выполняет только одну манипуляцию при производстве все того же продукта.

Таким образом, вызываемое прогрессом техники однообразие достигает своего кульминационного пункта. Поскольку труд человека действует воспитательным образом на его дух, последний, начиная с кочевого периода, все более парализуется и убивается, и от крестьянина до фабричного рабочего спускается по нисходящей линии.

Наибольшего развития в борьбе за существование достигает интеллект *народных масс* в эпоху номадной жизни на суше и на море. Из этого, конечно, не следует, что его достигают все кочевые и мореходные племена. Эта стадия создает лишь условия, при которых такой максимум развития достигается при наиболее благоприятных условиях. Бедуины Аравии считались и теперь еще считаются на Востоке наиболее компетентными судьями в вопросах поэзии и наилучшими знатоками грамматических тонкостей языка. «Арабский язык является одним из наиболее богатых, гибких и изящных, хотя и не особенно благозвучных языков в мире... он сделался совершеннейшим орудием поэтического творчества у арабов... Поэзия и язык не только срослись с сердцем араба, они составляют часть его сердца. Нет на свете народа, который бы придавал столько значения чистоте и изяществу выражения, и нигде, за исключением разве Афин в пору расцвета, поэзия не является в такой мере предметом всеобщего интереса, делом всего народа, как у арабов. Каждое событие, маломальски значительное, находит свое отражение в этой поэзии; происшествия повседневной жизни каждую минуту дают ей повод для выражения самочувствия свободного человека, повод для высказывания его наблюдений, его размышлений, его страстей; и там, где каждый является поэтом и каждый умеет понимать и ценить поэтическое творчество другого, там в песне не только красота, там в ней до известной степени вся сущность народной жизни» [1]). Гомеровские поэмы представляют апогей народного искусства, которое с тех пор знает только движение по нисходящей линии.

Но деградирующие влияния технического прогресса на человеческий дух сохраняют свое значение только в условиях труда народных масс. Мы видели, что именно тогда, когда начинается эпоха крестьянской оседлости, а вместе с ней и период растущего однообразия труда, производительность труда увеличивается в такой степени, что он может доставлять крупный излишек и дает, таким образом, возможность содержать большее количество людей как эксплоататоров труда.

Поскольку эти эксплоататоры остаются «дикими помещиками» они вряд ли чем-нибудь способствуют подъему духовной жизни, увеличению разнородности отношений и впечатлений. Если они и борются против растущего однообразия, то разве только при посредстве охоты и войны, но они не вносят этим путем ни одного нового, неизвестного до тех пор момента. Охота для них теперь уже не является больше необходимостью в борьбе за существование, а только роскошью. Она уже больше не изощряет духовные силы, а превращается в игру, в которой успех теряет свое значение, и которая может вестись без особенного напряжения ума.

Чем больше такие помещики освобождаются от труда, тем монотоннее складывается их существование, которое сводится исключительно к наслаждениям, да и то не представляющим особенного разнообразия. Война зачастую становится для них потребностью,—не только потому, что они путем войны могут получить рабов и добычу, но еще и потому,

[1]) *August Müller*, „Der Islam", 1885, I, стр. 37.

что она дает им возможность спастись от гнетущего однообразия своего существования.

Совершенно иначе складываются дела в *городах*.

В них скапливается значительное население, чтобы производить промышленные продукты не только для собственного потребления, но и для многочисленного сельского населения. В городах может развиться широкое разделение труда, которое, правда, делает труд внутри отдельной профессии более монотонным, но зато увеличивает число отдельных профессий и их разнообразие. К разнородности профессий присоединяется разнородность классов; эксплоататоры охотнее всего собираются в городах, которые, благодаря промышленности, могут представить им более разнообразные наслаждения. Развитие роскоши еще более способствует усложнению профессий в городе. Она же дает сильный толчок развитию внешней торговли. Купец продолжает вести жизнь номадов и первых моряков, которые были наполовину рыбаками, наполовину морскими пиратами. Он становится еще более независимым от своей родины, чем они, он может годами оставаться вдали от нее, странствовать по морю и по суше, получать свои средства к жизни как от земледельцев, так и от скотоводов, рыбаков, охотников. Перед купцом открыт весь мир, его горизонт шире и разнороднее, чем горизонт людей до него и других классов. Кругозор крестьянина остается таким же узким, как и прежде; но кругозор горожан, не только эксплоататоров, но и ремесленников, все же расширяется вследствие рассказов о путешествиях купцов. Они знакомятся также с новыми продуктами, привозимыми из других стран. Все это до некоторой степени противодействует монотонности ремесла. И ум ремесленника в большом городе получает больше стимулов, чем в деревне.

Все-таки ремесленник имеет мало времени и случаев, чтобы на него могло оказать сильное воздействие то разнообразие впечатлений, которые купцы приносят из своих путешествий. Да и самих купцов во всем разнообразии открывающегося пред ними мира больше всего интересует прибыль, которую можно получить путем эксплоатации его. В другом положении находятся аристократы города, которых уже самый способ эксплоатации все больше избавляет от труда добывания средств к жизни, и которые все в большей степени располагают свободным временем для всякого рода удовольствий и наслаждений. Сначала они прибавляют к удовольствиям сельской жизни, а именно, к охоте, ряд городских удовольствий, которые доставляются ремеслом и торговлей. Но если последние все-таки более разнообразны,

чем сельские, они также имеют определенные границы и, с течением времени, становятся все более монотонными. Более живые натуры стремятся к большему разнообразию даже в области наслаждений. Но им нужно не только разнообразие: в борьбе за существование человеческий дух ищет не только постоянной перемены, пестрого разнообразия впечатлений; он хочет также внести известное единство в это разнообразие. В противном случае оно бы только вызывало путаницу и затрудняло бы для организма целесообразную, т.-е. проникнутую единством, деятельность. Только дух, который действует таким образом, помогает организму в борьбе за существование и воспитывается последней.

По мере того, как разделение на профессии и классы все больше усложняет отношения в городе, и, с другой стороны, купцы доставляют все более разнообразные сведения, а также продукты природы и человеческого труда отдаленных стран, в городской аристократии появляются элементы, свободные от всякого промыслового труда, но переставшие находит удовлетворение в традиционных наслаждениях; именно, они теперь ищут новое наслаждение в собирании этих многообразных элементов, в пополнении различных новых сведений собственными исследованиями, а также в группировке их в целостную картину. Если дух животных и первобытного человека старается внести единство в многообразие различных впечатлений, которые получаются различными *чувствами* в ограниченных пределах их круга деятельности, то теперь речь уже идет о создании картины, которая все больше расширяется за пределы,—как в пространстве, так и во времени,—*личного* опыта, и, таким образом, все больше превращается в определенную *картину мира*.

Так создается источник наслаждения и труда, разнообразие которого неисчерпаемо. Становясь все богаче, он всегда удовлетворяет человеческий дух. Разнообразие картины, которую дают нам наши чувства, всегда ограничено. В борьбе за существование разнообразность впечатлений, как только техника достигла известной высоты, становится все меньше. Напротив, картина мира не знает никаких границ, она расширяется все больше и больше, она дает новые стимулы технике и экономии, а последние, делая материальный труд все более монотонным и притупляющим, в то же время доставляют все новые средства, чтобы еще более расширить картину мира, увеличить разнообразность наших впечатлений и вместе с этим способствовать развитию нашего духа.

Изобретение *письма* представляет при этом колоссальный шаг вперед. Устная передача всяких необычных собы-

тий уже в течение охотничьего и еще более в течение кочевого периода общественной жизни человека служила средством увеличить разнообразие впечатлений, доставлявшихся обыденной жизнью. Передача из уст в уста могла сообщить события и явления, которые случались за тысячи километров или сотни лет назад. Верность таких сообщений зачастую прямо поразительна. Но при этом всегда к сообщению примешивается субъективный элемент, который растет тем больше путем накопления незначительных изменений, чем большее количество уст и голов прошло это сообщение, чем дальше оно удаляется от своего источника. Воспоминание о событии становится все слабее и, наконец, совершенно исчезает.

Наоборот, в письменном сообщении может проявиться субъективный характер только первого рассказчика. Что написано, то остается в неизменном виде и сохраняется так же долго, как и материал, на котором и при помощи которого оно написано. Вместе с письменностью расширяется из года в год круг переданных нам сообщений, а вместе с этим и картина мира,—как в пространстве, так и во времени.

Чем больше развивается техника и быстрее изменяется экономия, тем сильнее расширяется также картина мира. В течение последних десятилетий, революционизировавших всю экономическую жизнь, сделавших промышленный труд более простым и монотонным, чем когда-либо прежде, разнообразие фактов, из которых составляется картина мира, растет в таких размерах и с такой быстротой, что едва еще возможно внести единство в этот хаос. Телескоп, спектральный анализ, фотография все больше приближают к нам *самые отдаленнейшие* миры, микроскоп открывает нам новые миры в области *мельчайшего;* копи, каналы и железные дороги, врезываясь в недра земли, дают возможность геологии воспроизвести пред нами *самое далекое прошлое* нашей планеты; лаборатории физиков и химиков открыли нам в радии окно в совершенно новый мир по ту сторону *атома.*

Если прогресс науки является следствием технического и экономического развития, то он, в свою очередь, воздействует на последнее и все больше обусловливает это развитие. Временно такой прогресс может прервать увеличивающуюся монотонность труда и всего экономического механизма, но только для того, чтобы подготовить распространение этой монотонности на еще большую область. По мере того, как железные дороги делают доступными обширные страны в других частях света, многочисленные путешественники получают возможность с удобством расширить свой кругозор

и познакомиться с чужими странами и народами.—в Африке, например, от северных берегов до Хартума, от юга до Замбези. Но это расширение нашего горизонта скоро приводит к тому, что в Хартуме и на Замбези мы находим все те же фабрики, железные дороги, отели и все тех же кельнеров, что и в Европе. Туземцы начинают одеваться, как европейцы. И заключительным словом прогрессирующей техники является все большая нивелировка и монотонность.

С другой стороны, ход экономического развития может действовать неблагоприятно и на развитие науки. Для последней требуется класс людей, которые настолько избавлены от материального труда, что могут посвятить свои склонности и силы самому великому и самому прочному из всех наслаждений, научному исследованию. Но если такое избавление ведет к постоянной свободе от всякого материального труда и всякой борьбы, к жизни, ограничивающейся только удовольствиями и наслаждениями, то такая паразитическая аристократия, в конце концов, теряет всякую физическую и духовную силу, а вместе с этим и способность к наслаждению, стремление к новым впечатлениям и даже к духовному наслаждению. Жертва апатии и скептицизма, она отказывается от всех наслаждений, начинает сомневаться во всем земном и запускает науку. В такую именно эпоху возникло христианство.

И в этом случае мы видим, что развитие совершается не по прямой линии, а диалектически, то по восходящей, то по нисходящей линии.

Наконец, следует еще заметить, что картина мира, набрасываемая исследователями, принадлежащими к определенному классу, в сильнейшей степени испытывает на себе влияние того положения, которое они занимали в обществе и, в свою очередь, оказывает воздействие на это положение. Она обязана своим происхождением стремлению внести единство и связь в те впечатления, которые мы получаем. К ним принадлежат не только те впечатления, которые мы получаем от природы, но и те, которые даются нам обществом, а последние отличаются для различных классов в зависимости от их отношения к прошлому, которое также должно найти себе место в общей картине мира, и от их отношения к другим классам в настоящем. Природа и общество должны слиться в одну проникнутую единством картину; законы, которые мы открываем в одной из этих областей, влияют на наши впечатления и исследования в другой, и наоборот. Но именно горожанину общество гораздо ближе, чем природа; свои первые, самые сильные и прочные впечатления он получает от общества, и он приступает к исследованию приро-

ды уже после того, как у него под влиянием общества сложилась известная картина мира.

Следовательно, каждый класс разовьет свойственное ему миропонимание, которое определяется не только состоянием естественно-научных знаний его времени, но—и еще в большей степени—его положением в обществе. В этом смысле можно говорить о буржуазной или пролетарской науке. Существуют мудрецы, которые иронизируют по этому поводу и выдвигают абсурдность пролетарской химии или физики. Но вся их мудрость свидетельствует лишь об их ограниченности, с которой они *часть* науки принимают за *всю* науку, за совокупность проникнутой общим единством картины мира, в которой каждая часть находится в необходимой связи с другой.

Отдельные *части* могут, конечно, быть одинаковы, как одинаковы отдельные кирпичи, из которых строится дом пролетария и княжеский дворец. Но общее построение в одном случае резко отличается от построения в другом, и как часть общей постройки один и тот же кирпич, из которого построен дом пролетария, выглядит совершенно иначе, чем кирпич, употребленный на постройку княжеского дворца.

Точно так же, как знание служит дикарю и животному средством не только ориентироваться в окружающем мире, но и завоевать себе в нем определенное место, так служит таким средством данному классу и развившаяся в его среде наука, т.-е. картина мира, составленная не только путем суммирования чувственных впечатлений отдельной личности, но и путем синтеза наблюдений и опытов многочисленных лиц.

Там, где борьба происходит между двумя классами, из которых каждый развил особенное миросозерцание, там эта борьба превращается в борьбу двух миросозерцаний. С другой стороны, эта борьба становится для нового, только выступающего на общественную арену, класса стимулом к развитию нового миросозерцания, для создания которого он использует все вновь открытые факты. Наоборот, класс, прочно осевший на своей унаследованной позиции, черпает в той же самой борьбе только склонность сохранять и укреплять традиционное миросозерцание, вопреки всем новым фактам и наблюдениям.

К этому присоединяется также и то обстоятельство, что в поднимающемся, агрессивном, наступающем классе уже сами условия жизни и борьбы развивают склонность к беспощадной критике и смелость в стремлении ко всему новому. Не только в области политической и экономической *практики*, но и в области *мышления*. И в последней новый класс выступает революционно еще раньше, чем в социальной, так как он может достигнуть в ней положительных результатов раньше, чем он завоюет себе власть и силу.

Консервативный класс, который должен охранять свое существующее положение, развивает, вместе с антипатией ко всем радикальным новшествам, ко всем глубоким изменениям, все более возрастающую неспособность к смелому, всеобъемлющему мышлению. Наука становится в его глазах мелочной и бесплодной даже в таких областях, где прогресс науки нисколько не угрожает положению этого класса. И как бы сильно ни говорили о необходимости нового миросозерцания новые факты, господствующий класс, которому грозит пробуждающийся соперник, будет упорно отворачиваться от прогресса. Все свое остроумие он растратит на такое перетолкование новых фактов, чтобы они вошли в старое миросозерцание, или он усомнится в возможности науки и будет проповедывать невозможность познания, скептицизм.

Но как ни изменялось в ходе исторического развития отношение отдельных эксплоатирующих классов к науке, она всегда оставалась привилегией эксплоататоров,—их наиболее драгоценной привилегией, которая лучше всего обеспечивала их господство и предлагала им самые высокие наслаждения, и в то же самое время—привилегией, которую они менее всего ценили, которую они редко использовали и которая меньше всего вызывала к ним вражду и зависть. Ни крестьяне, ни ремесленники не старались обладать наукой. Последняя представляется им, или как нечто недосягаемое для обыкновенного человека, как нечто божественное, доступное только свыше одаренным умам, или как ненужное книгоедство, совершенно бесполезное для практической жизни, даже вредное, потому что оно воспитывает чуждых миру фантазеров,—взгляд грубого невежества, господствующий среди антисемитов, но вместе с другими мелко-буржуазными взглядами, встречающийся также в форме презрения к теории и среди социал-демократов.

Крестьяне и ремесленники правы постольку, поскольку при свойственных им условиях производства, они не в состоянии использовать науку. На свою работу они смотрят как на тягость,—в отличие от охотников, номадов и первобытных морских пиратов, как они изображены в Одиссее, или норманских викингов, для которых добывание средств к жизни являлось в то же время высшим удовольствием; не только охота, но также приручение и объезжание лоша-

дей, борьба корабля с волнами. Легенду о рае, из которого человек был выгнан за непослушание, чтобы в наказание за это добывать себе хлеб в поте лица своего,—такую легенду иудеи не могли сотворить, пока они были кочевниками. Такое представление о труде, как о тягчайшем наказании, могло зародиться только в крестьянском мозгу. И точно так же представление о труде, как наказании божьем, от которого нет никакой возможности избавиться. Крестьяне и ремесленники стараются сократить лежащие на них подати, но не количество труда, которое они выполняют в собственном хозяйстве. Это происходит потому, что продукт их хозяйства попадает сначала к ним в руки, и они, таким образом, заинтересованы в продолжительности работы в принадлежащем им хозяйстве. Чем больше потрачено труда, тем больше количество продуктов. Последний прикрепляет их таким путем к труду.

Иначе обстоит дело с пролетарием. Продукт его труда достается сначала его господину. Ему оплачивается только его рабочий день. Чем короче рабочее время, тем лучше для него, но тем хуже для капиталиста. Всеми силами старается поэтому последний по возможности удлинить рабочий день далеко за пределы того дня, который представлял обычное явление в эпоху господства ремесла. Ибо ремесленник работает для себя, и как бы сильно ни был он заинтересован в продукте своего труда, он не имеет никакой охоты погубить все свои силы. Напротив, капиталиста мало заботит гибель его рабочих.

Это удлинение рабочего дня действует тем убийственнее, чувствуется тем тяжелее, чем больше оно идет рядом с растущей монотонностью труда. Если работа крестьянина и ремесленника, в сравнении с работой охотника и номада, является тягостью, то, в сравнении с трудом фабричного человека, она составляет наслаждение—если только сравнивать сильное крестьянство и ремесло с фабричной работой, где последняя еще не подверглась никаким ограничениям, вследствие возмущения пролетариата.

А такое возмущение, поздно или рано, развивается всюду и иногда встречает поддержку даже в сознании некоторых слоев имущих классов, понимающих, что безграничная эксплоатация рабочих промышленным капиталом означает физическое вырождение рабочего класса, а вместе с ним и всей нации.

Шаг за шагом рабочий класс отвоевывает себе сокращение рабочего дня и получает в свое распоряжение несколько часов. Чем более монотонной и притупляющей является его

работа, тем сильнее потребность во время отдыха в более разнородных впечатлениях. Иногда она влечет к бессмысленным удовольствиям, на которые тратятся силы, время и деньги. Но эти удовольствия, при скудных средствах рабочего, чересчур монотонны, чтобы удовлетворить хотя бы до некоторой степени живой дух.

Навстречу внутреннему стремлению рабочего идет и то обстоятельство,—оно также стоит в тесной связи с развитием промышленного капитализма,—что в значительной степени увеличились средства популяризации науки. С одной стороны, обмен товаров является теперь господствующим фактором всего экономического механизма. Поэтому умение читать и писать, которое прежде требовалось только для купцов и ученых, теперь стало необходимостью для каждого. С другой стороны, вместе с грамотностью масс, развивается и массовое производство материала для чтения, а вместе с крупным производством все больше растет его дешевизна.

Так, пролетарию становятся, хотя бы отчасти, доступны результаты науки, которая, до возникновения промышленного капитализма, представляла своего рода святилище, к которому не смел приближаться ни один рабочий.

Наконец, только теперь наука впервые втянула в круг своих исследований все общество. Если общественные отношения и прежде оказывали свое влияние на людей и определяли их миросозерцание, то до возникновения капиталистического способа производства не удавалось открыть определенные законы общественного развития.

В наше время положение изменилось: научное исследование общества дает блестящие результаты. Но, как и всегда, новая наука приносит больше пользы тому классу, вместе с которым она развивается, чем тому, который обладает унаследованным богатством и застывшими взглядами, так и теперь новая наука об обществе превратилась в богатый арсенал, из которого получает оружие пролетарская классовая борьба.

Так образовался тот союз, которому Лассаль дал имя: наука (а это не значит профессора) и рабочие.

В противоположность крестьянам и ремесленникам пролетариат стремится овладеть наукой—прежде всего, как средством борьбы против своих противников, но в то же время и как средством противодействовать монотонности труда, внести в бедную, скудную впечатлениями жизнь прелесть разнообразия и дать парализованному и искалеченному утомительной работой духу новую силу и удовлетворение.

До сих пор эксплоатируемые и трудящиеся классы больше боролись за кусок хлеба, за материальные блага. Современный пролетариат представляет во всемирной истории первый трудящийся класс, который в привилегии эксплоатирующих классов на обладание наукой видит тяжелый гнет и употребляет все усилия, чтобы сломить и эту привилегию.

По своему содержанию классовая борьба, которую ведет современный пролетариат, далеко не является только, как обыкновенно говорят, *вопросом желудка*. В несравненно большей степени, чем какая-нибудь классовая борьба до нее, она является борьбой против привилегий *науки*.

Для борющегося пролетариата речь идет не только об увеличении суммы средств существования, как думают мальтузианцы, но также—и даже еще в большей степени—об увеличении *досуга* для умственного труда.

Вот почему он так заинтересован в том, чтобы довести до максимума производительность труда, что, при условиях мелко-крестьянского и ремесленного хозяйства, является невозможностью. Он должен стремиться к возможно большему расширению крупного производства, а так как оно увеличивает монотонность труда, то и возможно большему сокращению рабочего времени, чтобы приобрести досуг для свободной деятельности бесконечно-разнообразных проявлений человеческого духа.

Это стремление заложено в пролетариате так глубоко и так сильно, что совершенно немыслимо, чтобы в будущем общество посвятило все свои рабочие силы на производство одних только средств существования.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Искусство и природа.

Но наука не представляет единственное средство, при помощи которого можно противодействовать растущему однообразию материального труда и дать человеческому духу ту разнообразность в области деятельности, которой требуют прирожденные наклонности человека. Другим таким средством и гораздо более старым является искусство, которое искони было более доступно широким кругам, чем наука.

Чем больше растет производительность труда, и чем больше она оставляет человеку времени для производства

излишка или для увеличенного досуга, тем больше он употребляет свою производительную силу не только на изготовление необходимых средств потребления, но и на производство средств наслаждения, которые приносят ему более сильные и разнообразные возбуждения. Самые примитивные из них—это алкоголь и никотин. Другие, более тонкие и разнообразные, это те, что действуют не на вкус и обоняние, а на дух,—звуки, краски, формы, ощущения, выходящие за рамки обыденности. Уже животный мир выказывает склонность к наслаждениям этого рода. В своих статьях под общим названием «Искусство и культура» [1]), я еще в 1885 году, между прочим, указывал на следующие явления:

«Различные виды обезьян обладают сильными голосами и устраивают для собственного удовольствия продолжительные концерты. Так, различные разновидности гиббонов, ревуны, быть может, также горилла и оранг-утанг, у которых самец снабжен шейным мешком и обладает страшным голосом. Сын Дарвина, Фрэнсис Дарвин, наблюдал в лондонском зоологическом саду гиббона, который пел очень ясным музыкальным голосом... Савадж сообщает, что очень часто стада черных шимпанзе собираются и устраивают нечто вроде концерта, ударяя палками по дуплистым деревьям с хорошим резонансом. Таким образом, барабан является первым музыкальным инструментом. Он распространен у очень многих диких племен—в наиболее простой форме у австралийцев, где женщина барабанит по шкуре кенгуру, которую она растягивает на своих коленях. Наслаждение музыкой уже очень рано побудило человека приступить к изготовлению искусственных музыкальных инструментов. Лартэ описал две флейты, изготовленные из костей и рогов северного оленя; они были найдены в пещерах вместе с кремнями для высекания огня и остатками вымерших теперь животных».

От этого времени сохранились также резные украшения, изображения на костях и рисунки на стенах пещер. И точно так же не подлежит сомнению, что тогда уже были известны рассказы о приключениях, саги, сказки. Правда, от них не сохранилось никаких следов, так как они передавались только устно. Но мы и теперь находим их у народов, стоящих на очень низкой ступени развития. Так, у готтентотов мы находим богатую поэзию, прелестные басни и сказки.

Эстетическое чувство не есть продукт культуры. Оно прирождено человеку. Но оно не заключается исключительно в наслаждении, доставляемом всяким разнообразием. Музы-

[1]) „Zeitschrift fur Plastik", Wien 1885.

ка, как известно, связана с шумом, но разнообразие шумов еще далеко не является музыкой. И так же мало представляет собою художественное произведение лавка какого-нибудь антиквария.

Но человеческому духу, как мы уже видели, прирождено не только чувство наслаждения разнообразием, но и стремление к единству картины, в которой синтезируется это разнообразие. В самой природе, от которой человек получает свои сильнейшие эстетические впечатления, он всюду находит равновесие сил, или, скорее, тенденцию к постоянному восстановлению все вновь нарушаемого равновесия. Как в отдельном организме, так и в системе организмов каждая часть необходима для восстановления равновесия целого, каждая часть играет определенную роль в общем процессе. Поэтому на нас производит эстетическое впечатление только такое разнообразие, в котором все детали представляют единое целое, и каждая приносит свою долю в общий результат, который представляет состояние равновесия, или движение к восстановлению нарушенного равновесия.

В разнообразии и необходимой связи частей, действующих друг на друга для сохранения или установления равновесия, художественное произведение копирует природу. Впрочем, оно отличается от нее тем, что оно служит определенной цели, как и все, что является результатом сознательного действия, тогда как природа не знает никаких целей. Сохранение или постоянное восстановление равновесия в организме и в системе организмов есть не цель природы, а результат, без которого было бы немыслимо их существование. Но организмы, одаренные сознанием, существуют не только потому, что они существуют; они *хотят* существовать, хотят развить и развернуть все свои силы и для достижения этой главной цели ставят себе различные побочные цели. И это делает также художник; он тоже стремится достичь известного эффекта. Даже искусство для искусства не есть бесцельное искусство; оно ставит себе целью не только произвести эффект на публику, но и на самого художника. И первые художники, которые практиковали такое искусство для искусства, это, быть может, те черные шимпанзе, которые барабанили по дуплистым деревьям, не для того, чтобы забавлять публику, а самих себя.

Но уже в животном мире большинство проявлений художественного творчества, напр., любовные песни певчих птиц, рассчитано на то, чтобы оказать действие на *других*. У общественного человека мы встречаем то же самое явление. Чем разнообразнее общественная жизнь, тем разнороднее и

те впечатления, которые художник старается произвести и в действительности производит на других, а следовательно, и их общественные эффекты. Если, прежде всего, конечно, от него зависит, какие впечатления он старается вызвать, то он все же является сам продуктом общества. И эффект, которого он действительно достигает, зависит, в свою очередь, от социальных условий.

Если, таким образом, художник в выборе своих целей находится в зависимости от общества, в котором он живет, то, с другой стороны, он может свободно выбирать ту или другую из тех целей, которые стимулируют его общество. Вряд ли имеется какая-нибудь человеческая цель, которая не поддавалась бы художественному изображению. Художник может одинаково служить сладострастию и религии, политике и любви, борьбе и эпикуреизму, победе и поражению и т. д.

Но не только по отношению к *целям* художник находится в зависимости от общества. Его *техника* также определяется социальными условиями. Но мы ошиблись бы, если бы думали, что разнообразие, которое составляет сущность искусства, следует искать в разнообразии *средств*, которое оно применяет. Оно лежит только в разнообразии *эффектов*, которых оно достигает. Четыре строки какой-нибудь гейневской песни могут включать в себе больше художественности и оказать более глубокое и разнообразное впечатление, чем четыре тома какого-нибудь романа Феликса Дана. Несколько штрихов какого-нибудь эскиза, скажем, Беклина, могут произвести самое сильное впечатление на нашу фантазию, тогда как заботливо исполненное исполинское полотно Антона фон-Вернера вряд ли прикует наше внимание даже на одну минуту.

Искусство старается достигнуть при помощи более простых средств того впечатления разнообразия, которое дается природой. Упрощение средств и постановка целей роднят его с техникой и экономией. И все же искусство составляет их прямую противоположность. Часто говорят об антагонизме между природой и искусством, и, однако, оба они неразрывно связаны. Только из недр природы искусство может каждый раз черпать новые силы. Конечно, под природой нужно понимать всю ее совокупность, следовательно, и человеческий дух, который, как наиболее разнообразный продукт природы, представляет для нас ее кульминационный пункт, точно так же, как он составляет самый высокий и благородный объект нашего искусства. И при изображении духовной жизни искусство должно стремиться к природе, учиться у природы. Если общество накладывает на проявления человеческого духа не-

чать условности и делает их таким путем монотонными и неестественными, то задача художника состоит в том, чтобы открыть естественные свойства этого духа и создать такие положения, при которых они достигают свободного развития.

Всюду мы наталкиваемся на природу, как на первичный источник искусства. Напротив, область последнего кончается там, где техника и экономия начинают развивать свое стремление к упрощению и нивелировке. Где господствует экономия и доводит технику до наивысшей степени, там прекращается искусство.

Мы, например, высоко ценим колоссальную производительность современных машин в текстильной промышленности. Но последняя может развиваться только при условии, что все национальные костюмы заменяются одной и той же однообразной одеждой масс. Во время оно дикарь сам готовил себе свое платье, сам дубил кожу зверей, которых он убивал, сам кроил ее. Он любил украшать ее медвежьими когтями и кабаньими клыками, пестрыми перьями и всякого рода мехами. Каждый делал это на свой лад; конечно, это стоило много труда, но создавало бесконечное разнообразие в одежде. Несравненно меньше труда стоят брюки и пиджак, производимые конфекционной промышленностью и вытесняющие национальные костюмы различных дикарей и варваров. Но художественный эффект при этом совершенно пропадает.

Даже настоящие произведения искусства страдают от развития современной экономики и средств, при помощи которых она увеличивает производительность труда. Одна из наиболее привлекательных сторон старого готического искусства состоит в индивидуализации каждой из отдельных частей постройки. Каждый капитель колонны, каждый желобок представлял художественное произведение сам по себе, он был создан художником вполне свободно, но в подчинении общему плану всей постройки. В большинстве готических церквей, которые считают еще теперь необходимым строить, все эти части изготовляются по одному или другому шаблону. Такие новые церкви так же бесцветны и скучны, как, наоборот, привлекательны старые церкви богатством их мотивов— не всегда, правда, благочестивых и часто даже весьма юмористических и саркастических.

Но, несмотря на этот антагонизм между искусством и экономикой, эстетическая потребность растет вместе с экономическим прогрессом и даже непосредственно развивается им.

Когда материалистическое понимание истории говорит, что экономическое развитие представляет собою определяющую силу всего общественного развития, что им обусловли-

ваются, в конечном счете, все перемены в духовной жизни, то это далеко не следует понимать в том смысле, что деятельность человеческого духа состоит только в пассивном отражении всех впечатлений, даваемых экономикой, которая является, таким образом, единственной причиной всей духовной жизни. Она представляет только единственную причину всех ее *изменений*, а последние не заключаются только в том, что дух механически следует за всеми изменениями, которые совершаются в экономике. Если духовную жизнь назвали *рефлексом*, отражением экономической, то это название выбрано не особенно счастливо. Конечно, человек должен иметь на что жить, чтобы заниматься поэзией и философией. Забота о жизненных потребностях, нужды производства пробиваются каждый раз вперед и определяют нашу волю и мышление. Но этим еще не сказано, что дух всегда охотно покоряется нуждам материальной жизни, что он не пытается восстать против них, ибо его потребности, прирожденные потребности, стоят, как мы уже видели, в антагонизме с потребностями производства. Если последние ведут к однообразию, то его потребности требуют разнообразия. Поэтому дух художника и мыслителя или человека с эстетическими или научными интересами так легко отвечать на подробности экономики—противоречием, бунтом. Но этот бунт сам определяется в не меньшей степени экономикой, чем и подчинение ее велениям, и от потребности экономики, в конечном счете, зависит, в какой степени этот бунт окончится успехом. Не только приспособление к экономике, но и борьба с нею определяются экономическими условиями.

Если говорить, что Ибсена можно понять, только исследуя мелко-буржуазную среду, в которой он развился, то это еще не значит, что он без всякой борьбы приспособился к кругу идей, вырастающих из мелко-буржуазных условий. Наоборот, он самым энергичным образом стремился к тому, чтобы перейти за пределы мелко-буржуазных ограниченности и однообразия.

Но эта борьба и форма ее определялись именно теми экономическими условиями, против следствий которых он восставал. Своим литературным успехом он обязан тому обстоятельству, что вместе с ним страдали от этой мелко-буржуазной ограниченности и монотонности многие тысячи. Но литературный успех не означает еще практический успех. Последнего он достиг бы только в том случае, если бы он помог заменить мелко-буржуазный способ производства другим более высоким. А так как Ибсен не понимал этого высшего способа производства, его потребностей и задач, то, несмотря на всю

свою оппозицию, он идейно оставался в рамках мелкобуржуазности и мог ей противопоставить только отрицание, а не положительный противовес.

Чем больше развивается экономика, со времени начала оседлости, тем больше растет антагонизм между ее потребностями и потребностями искусства, между экономически настроенным и эстетически чувствующим человеком. Тем больше растет монотонность экономического труда, и тем сильнее становится потребность человека противодействовать этой растущей монотонности посредством разнообразия в искусстве.

Рост эксплоатации крестьянского сельского хозяйства и ремесла отнял у крестьянина и ремесленника досуг и средства для художественного творчества, которые доставили им развитие производительности их труда. Несмотря на это, крестьяне и ремесленники не были в такой степени изолированы от участия в искусстве, как в науке. Существуют очень простые формы искусства, не требующего большого аппарата, и крестьянам зима все еще давала достаточный досуг, как бы ни была велика их летняя страда. Передача сказок и былин сокращала им длинные зимние вечера; песни помогали им даже при работе; и они находили время, чтобы украшать свою одежду и жилище всякого рода вышивками и резьбой.

В неменьшей степени умел себе создавать досуг и ремесленник. Конечно, во время многочисленных праздников, среди любивших вышить мастеров и подмастерьев, большую роль играло наслаждение алкоголем. Но не малую роль играли также украшение одежды, пение и танцы. Иного ремесленника уже сама работа его делала художником. Наконец, роскошь богатых носила публичный характер; ее гордо выставляли напоказ, как признак могущества; она также очень охотно применялась при постройке общественных зданий: эксплоататоры не могли еще найти лучшего употребления для богатств, притекавших к ним, чем простое потребление с целью наслаждения. Только немногие, избранные умы находили наслаждение в научной работе. Украшение собственной особы, жилища, а затем и города художественными изображениями стало общей задачей городской аристократии. Чем публичнее была в то время общественная жизнь, тем больше была полнота эстетических наслаждений, которые в торжественные дни были доступны всему городскому населению, тем больше могло, несмотря на разделение на классы, утвердиться известное, общее и единое, эстетическое чувство, проникавшее всю массу населения и находившее себе выражение в определенном стиле.

Вместе с капитализмом для искусства наступает новая

эра. Капитал, который до этого времени в лице купца и ростовщика представлял только привесок к обществу и эксплоатировал в свою пользу потребность в роскоши и расточительность богатых, а также нужду всякого рода,—этот капитал теперь овладевает всем процессом производства, становится основой и властелином общества. Свойственная капиталу страсть к накоплению—прежде проявлявшаяся в форме возбуждавшей презрение жадности, крупным эксплоататорам казавшаяся смешной, а у маленьких жертв ее вызывавшая проклятия—эта страсть становится теперь главным двигателем всей общественной жизни. Так как накопление служит теперь не только торговле и ростовщичеству, но и производству, то оно самым могущественным образом воздействует на технику. Задачей эксплоататора является теперь уже больше не наслаждение, а накопление, т.-е. сбережение, «воздержание», как говорят буржуазные экономисты. В начале капиталистического способа производства можно было, действительно, говорить о бережливости у капиталистов-промышленников. Роскошь тогда осуждается, на искусство смотрят, как на греховное легкомыслие. Но с ростом эксплоатации зарождается и среди промышленных капиталистов стремление к роскоши, которую сначала еще скрывают, как нарушение заповедей накопления. Но, в конце концов, эксплоатация классом капиталистов достигает колоссальных размеров, развивается безумная роскошь, с которой может сравниться разве только роскошь первой эпохи Римской империи. Но одновременно с этим развивается и укрепляется революционный пролетариат. Его боятся и не желают раздражать, выставляя напоказ эту роскошь.

Она старается теперь укрыться от глаз всего общества, а вместе с ней скрывается и искусство, составляющее часть этой роскоши. То самое накопление, которое таким путем ведет к исчезновению общественного искусства, в то же время делает, посредством переворотов в технике, труд невероятно монотонным и удлиняет до бесконечности рабочее время, между прочим, и путем сокращения праздников до минимума.

Католическая церковь с ее богослужением представляла в то же время всеобщий, доступный всему населению, храм искусства и до некоторой степени остается им и теперь. Протестанское богослужение, развившееся вместе с новым капитализмом, потеряло все следы художественного разнообразия и дышит той же скукой, что и фабрика.

А вместе с тем в огромных размерах растут большие города, и пролетариату все больше запирается доступ к при-

роде, этому вечному первоисточнику всякой красоты и эстетического наслаждения, и ему все больше приходится довольствоваться своими мрачными и голыми кварталами.

Неудивительно, что масса населения утрачивает эстетическое понимание, что исчезает чувство единого стиля. Но капиталистические эксплоататоры не в состоянии даже развить его в своем кругу. Ибо они не составляют, как прежние аристократии, замкнутый слой, в котором столетиями передается наследственным путем способность к наслаждению, которые, от поколения к поколению, становятся все более утонченными. Находясь в процессе вечного изменения, капиталистический способ производства не допускает развития устойчивых родов экономических властителей, выбрасывает сыновей и внуков увенчанных успехами денежных князей и выдвигает на их место новых выскочек. Такая долговечная династия, как дом Ротшильдов, представляет исключение. Эта вечная смена в персонале эксплоататоров должна, якобы, примирить пролетариат с его положением. Как будто последний хочет устранить *личности* эксплоататоров, а не самый *факт* эксплоатации.

При таких условиях не может быть и речи об эстетическом понимании у выскочек капитализма. На них производят впечатление только знаменитости. Всякий художник и поэт, который еще не стал знаменитым, может обратить на себя внимание только чем-нибудь неслыханным, сенсационным. Отсюда быстрая смена различных направлений, постоянные поиски за экстравагантным, отсутствие определенного стиля эпохи.

И в то же время в пролетарской массе, которой закрыт доступ к эстетическим наслаждениям, пробуждается тем более горячее стремление к искусству, чем более скудны и монотонны материальные наслаждения, которые им доступны.

Практически это стремление может проявиться только с большим трудом. Борьба за улучшение самых примитивных условий жизни, пищи, одежды, жилища, а также борьба за ограничение трудового бремени поглощает все силы рабочего. Именно в этой борьбе пробуждается в них интерес к науке, которая помогает сделать ее более целесообразной и успешной, следовательно, к тем отделам науки, в которых антагонизм между пролетарской и буржуазной точкой зрения выражается наиболее резко и непосредственно. Но чем больше закаляется дух пролетариата в этой борьбе, чем больше расширяется его горизонт, тем больше он стремится к науке, как таковой, даже если она выходит за пределы практических интересов его классовой борьбы. И в той же самой степени в нем растут и развиваются эстетические потребности и требования, а также способность найти для них известное выражение.

Но это еще не равносильно развитию особенного пролетарского искусства, которое должно превзойти буржуазное. Те определенные условия, которые убивают или, скорее, все больше заглушают в буржуазии эстетическое чувство, мешают его развитию также и в пролетариате.

Вот почему вряд ли можно ожидать, что разовьется новое пролетарское искусство, которое будет выше буржуазного. Не пролетариат создаст новую эпоху в искусстве. Наоборот, она будет создана только с исчезновением пролетариата.

Если поэтому пролетарское стремление к искусству сначала вовсе не приведет к тому, что разовьется новое, высшее искусство, если он на первых порах примет только более обширное участие в наслаждении искусством, которое теперь монополизировано буржуазией, то оно, во всяком случае, будет, по мере того, как пролетариат приобретает большее влияние, все больше способствовать тому, чтобы из имеющихся в наличности производительных сил все большая часть была предоставлена в распоряжение художественного творчества, и все больше был увеличен досуг, который будет оставаться у каждого члена общества для художественной деятельности или эстетических наслаждений.

Точно так же, как и стремление к науке, так и стремление к искусству побуждает современного пролетария, в противоположность ремесленнику и крестьянину, ограничивать время и силы, которые остаются в распоряжении общества для поднятия уровня средств существования. Это еще не означает абсолютного уменьшения общественных производительных сил, затрачиваемых на производство средств потребления, так как указанное развитие самым тесным образом связано с техническим прогрессом, который все больше увеличивает производительность человеческого труда. Именно прогресс техники рождает растущее стремление к популяризации науки и искусства, а также к более продолжительному досугу. Техника делает не только возможным, но и необходимым удовлетворение этого стремления, ибо сама по себе она увеличивает монотонность труда и его мертвящее влияние на человеческий дух.

Наслаждение искусством не только не исключает наслаждения природой, но даже является необходимым его условием. Искусство не в состоянии исчерпать все многообразие природы. Оно может изобразить ее только в упрощенном ви-

де, дать вместо нее суррогат. Свои лучшие творения искусство может создавать только там, где оно всегда может снова черпать из природы. Искусство, которое учится только у искусства, хотя бы оно стояло так высоко, как античное, теряет свое разнообразие, становится манерным, условным и — для художественного произведения самый худший исход — скучным.

К величайшим наслаждениям, доставляемым нам искусством, относится не только то наслаждение, которое помогает нам бороться с монотонностью материального труда, но и то, которое искусство приносит нам, давая нам возможность лучше понять все разнообразие природы. Ведь тем и отличается художник от обыкновенного человека, что он больше видит и слышит, тоньше чувствует, чем последний, лучше находит многообразие в природе, а вместе с тем и единство в этом разнообразии, и умеет выразить его так, что мы вместе с ним чувствуем и находим это разнообразие в природе. И таким же образом молодой художник должен изучать старых мастеров: не для того, чтобы их копировать, а чтобы с их помощью научиться лучше понимать природу.

Без постоянного соприкосновения с природой искусство чахнет и умирает, точно так же, как и наука черпает новые силы не из себя самой, а из наблюдения внешнего мира и постоянного расширения доступной нашим чувствам сферы.

А в природе, среди доступных всем объектов, самым разнообразным после человеческого духа является *лес*. Не рационально разведенный лес для производства дерева, а первобытный лес с его пестрой сменой различных животных и растительных организмов, которые, в борьбе за существование, воюют между собою, теснят друг друга и все же взаимно обусловливают друг друга.

Конечно, достаточное разнообразие представляют и море с его вечно подвижной поверхностью, и ледники высоких гор и полярных местностей. Но они не всем и не всегда доступны. Зато лес можно сделать доступным для всякого человека, и каждый может черпать в нем силу и охоту к жизни.

Для крестьянина лес представляет враждебную силу. Во-первых, лес уменьшает культурную площадь, из которой он добывает свои продукты; во-вторых, лес доставляет убежище всем вредным животным, которые истребляют его посевы. В лучшем случае, лес защищает его против снежных лавин и песков. Ремесленник, в большинстве случаев ведущий свое происхождение от крестьянина, еще долго сохраняет антипатию или, по крайней мере, равнодушие к лесу.

Только большой город и крупная промышленность с их монотонностью пробуждают в рабочем классе тоску по лесу, тоску, которая становится тем интенсивнее, чем быстрее идет истребление лесов.

Напротив, эксплоатирующие классы не нуждались в развитии больших городов и крупной промышленности, чтобы научиться восторгаться лесом. Его разнообразие всегда их привлекало, как средство против однообразия их существования — гораздо больше и раньше, чем искусство. Конечно, охота для забавы, как всякое бесцельное убийство, представляет нечто противное современному культурному человеку, который давно вырос из условий существования охоты и кочевничества. Но существуют формы охоты, которые имеют большее значение, чем дикая бойня при охотничьих облавах, формы, требующие самого интенсивного изучения всего разнообразия природы, которым занимается разве только художник, а не простой фланер или турист.

Сохранение леса или подражание ему при помощи более доступных парков вблизи замков искони было любимой страстью крупных эксплоататоров и является такой еще и в настоящее время. Если в старых культурных странах леса еще не совсем истреблены, то мы этим в значительной степени обязаны растущей эксплоатации и растущей вместе с нею роскоши, для которой законы политической экономии не обязательны, хотя ее размеры и характер зависят от них.

Более того. Как раз в эпоху господства капиталистического способа производства, который, по самой сущности своей, в сильнейшей степени способствует истреблению леса, последний, в качестве предмета роскоши, может завоевать себе новые области. Все то, что некогда происходило в Шотландии, мы можем теперь наблюдать в некоторых местностях австрийских Альп: охотничьи парки вытесняют человеческую культуру. А так как они предназначены для удовлетворения стремления к роскоши отдельных лиц, которые при этом совершенно не считаются с потребностями всего общества, то такое разведение леса производится в высшей степени нецелесообразно. В то время, как, с одной стороны, беспощадно истребляются леса, безусловно необходимые для процветания определенной местности, с другой, пахотная земля обращается под лес — без малейшей пользы для климата, земельной культуры или для эстетических потребностей населения. Ибо процесс этот зачастую совершается вдали от всех центров населения, нуждающихся в лесе; скорее, он увеличивает уже имеющуюся огромную лесную площадь и изгоняет из ее пределов всех людей, которые могли бы там наслаждаться

ждаться,—за исключением одного знатного тунеядца и его паразитов, которые в течение нескольких дней в году стараются убить там время.

И, конечно, если умножение лесов совершается в такой форме, оно нисколько не соответствует пролетарским потребностям. Но было бы ошибочно высказываться по этой причине против расширения лесных насаждений, не диктуемого экономическими соображениями, и в вопросе о сохранении леса руководиться только экономическим критерием.

Кроме экономических и физических соображений, приобретают все большее значение и силу также эстетические, и всюду, где живут культурные люди, развивается все сильнее, на-ряду с искусством и экономией, тяга к природе и, прежде всего, потребность в здоровом лесе.

Все это составляет новый момент, который, на-ряду со многими другими, упомянутыми выше, способствуют тому, что уровень средств существования далеко не повышается в такой же самой степени, в какой растут население и производительная сила труда. Чем больше увеличиваются последние два фактора, и вместе с тем расширяют пределы средств существования, тем больше возникают также многочисленные и сильные тенденции к их суживанию, тенденции, в различные эпохи сильно отличающиеся друг от друга и действующие различным образом. Еще меньше, чем технический прогресс, развиваются они равномерно и в одном и том же направлении. Чем разнообразнее они становятся, тем больше они скрещиваются и то усиливают друг друга, то ослабляют. И нет ничего удивительного, что то воздействие на уровень средств существования, которое является результатом этого сложного исторического процесса, в конце концов, гораздо больше определяется взаимными отношениями людей, чем техникой, т.-е. отношением человека к природе, что, другими словами, уровень средств существования все больше становится исторической и все меньше естественной величиной.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Геометрическая прогрессия в первобытном обществе.

Несравненно более простым процессом, чем расширение пределов средств существования, является, повидимому, размножение человека. Ведь техника не вмешивается в этот процесс. Различные методы искусственного выхаживания яиц

также не применяются еще в мире млекопитающих. Правда, Энгельс раз высказался в том смысле, что «производство людей, продолжение человеческого рода» составляет часть производства всех предметов, необходимых для жизни, которое в конечном счете, определяет историю. (В предисловии к первому немецкому изданию его «Происхождения семьи, частной собственности и государства».) Но он нигде не повторил этого выражения, не делал из него никаких дальнейших выводов. Да оно и в действительности совершенно несостоятельно; это простая игра словом «производство». Производство средств существования и производство людей—процессы, совершенно различные по существу. Первый беспрерывно изменяется с развитием техники и, таким образом, составляет основу развития общественной жизни. «Производство» же «людей» представляет чисто естественно-исторический процесс, в котором техника,—по крайней мере, до настоящего времени,—не произвела еще ни малейшего изменения, и поэтому, он не в состоянии вызывать какие бы то ни было исторические изменения. Несмотря на громадную роль, которую играет процесс размножения, как в жизни человека, так и в жизни всякого другого организма, *характер* этого процесса, от оплодотворения до рождения, нисколько не изменился на протяжении всей эволюции общественной жизни. Он остается поэтому и без всякого влияния на изменение форм общества. То, что Энгельс называет изменениями естественного процесса размножения—изменение форм семьи и брака—есть не что иное, как изменение в общественных отношениях, и представляет результаты, а не движущие силы общественной эволюции. Все это вызвано изменениями не в технике размножения, а в технике производства средств существования. Если мы возьмем выражение «средства существования» в его самом широком значении, то изменения в этой области производства, в конечном счете, одни только и вызывают все изменения общественных форм и предопределяют историю.

Этим, однако, отнюдь не сказано, что количественный прирост человечества составляет постоянную величину, которая всегда остается равной себе. Если и не меняется характер оплодотворения, беременности, рождения,—какие бы формы ни принимали семья и брак,—то очень большое влияние на быстроту размножения человечества оказывают изменения в экономических отношениях. Производство людей—фактор, не равносильный производству средств существования, а зависящий от него. Но не в таком простом виде как представляют себе мальтузианцы.

Об обезьяночеловеке и его плодовитости мы до настоящего времени ничего не знаем. Но, если верно мое предположение, что во всем органическом мире существует тенденция к установлению равновесия между силами, сохраняющими и разрушающими виды, то мы можем допустить, что такая тенденция существовала и у обезьяночеловека. Мы можем допустить, что, подобно всякому другому организму, и предок человека развился от какого-нибудь низшего организма везде, где существовали необходимые для этого условия, что он, следовательно, с самого начала появился в значительном количестве. Возможно, что в революционный период земли, когда создался новый животный мир, число людей подвергалось большим колебаниям. Но, в конце концов, должно было установиться равновесие между силами размножения и разрушения; приспособление нового вида к новым жизненным условиям должно было привести и к наиболее благоприятной норме плодовитости. С этого момента у обезьяночеловеческого вида господствовала тенденция сохраниться в одном и том же количестве.

Равновесие должно было исчезнуть, когда обезьяночеловек превратился в человека, начавшего изготовлять орудия производства и оружие. Мы видели, что человек, благодаря этому, нарушил равновесие во всем органическом мире. Было бы чудом, если б осталось незатронутым равновесие в его собственном размножении.

Мы можем предположить прежде всего, что быстрота его размножения проявила тенденцию остаться неизменной.

Все приобретенные свойства, сделавшиеся наследственными, не изменяются тотчас же по изменении внешних условий, а проявляют некоторую—иногда очень упорную—неподатливость.

Раз быстрота размножения не изменилась, то технический прогресс должен был повести к тому, что размножение вида шло сильнее, чем его уничтожение, и количество людей на земле в течение тысячелетий беспрерывно росло. В особенности должен был действовать в этом направлении прогресс в технике производства оружия, так как, благодаря ему, приняли меньшие размеры опустошения, которые до того производили среди людей хищные звери.

Тот же прогресс в производстве оружия понизил смертность среди людей, расширил пределы их средств существования, дал возможность отыскивать и заселять новые места, которые были необитаемы для обезьяночеловека.

Так у человека явилась возможность постепенно захватить в свои руки всю землю. Одно только расширение пределов средств существования, путем технического прогресса, без одновременного усиленного размножения людей, не привело бы к этому. Оба фактора, усиленное размножение людей и расширение пределов их средств существования, имели один и тот же источник—технический прогресс. Но последний мог оказывать неодинаковое влияние на каждый из них. Оба фактора не должны были развиваться в одинаковых размерах и одинаковым темпом; один мог опережать другой. Возможно, таким образом, что уже на этой стадии местами обнаруживалось перенаселение в том смысле, в каком Мальтус представляет себе перенаселение, т.-е. как общее постоянное явление для всех организмов; перенаселение, которому приходится бороться с постоянным недостатком средств существования. Возможно, что уже на этой стадии какие-нибудь отдельные роды, вследствие усиленного размножения и вызванного им недостатка средств существования, вынуждены были переселяться, занимать менее удобные места, чем занятые их предками, и что переселения привели, в конце концов, к тому, что заселены были и самые неплодородные, пустынные местности в районе полярного круга, как и в районе тропических песчаных пустынь. Расселение могло, но не безусловно должно было произойти таким образом. Вероятно даже, что оно произошло иначе. Если бы в каких-нибудь отдельных местах дошло до перенаселения и недостатка в пищевых средствах, то это привело бы не к переселениям, а к ожесточенным войнам из-за охотничьих участков, при чем погибла бы масса населения. На переселение люди решаются только в том случае, когда рассчитывают переселением улучшить свое положение. Переселяются из неплодородных местностей в более плодородные. Обратно люди поступают только тогда, когда их вынуждает к этому какая-нибудь непреодолимая сила. Но мы не имеем ни малейшего основания предполагать такое громадное различие в силах у рас первобытной эпохи.

Если мы в настоящее время в безотрадных, неплодородных пустынях находим людей, которые не поселены там принудительным путем, а составляют коренное, совершенно сжившееся с местностью население, то мы имеем все основания думать, что в момент заселения этих мест их климатические условия были лучше, а потом изменились к худшему. Относительно Гренландии и Сибири мы знаем достоверно, что они когда-то отличались значительно более теплым климатом; знаем мы также, что песчаные пустыни Африки некогда были более богаты лесами. Можно непосредственно наблюдать, как в настоящее время в Судане пустыня Саха-

ра расширяется с каждым годом. Увеличение населения на земле не могло бы загнать в такие пустыни их нынешних жителей. Оно могло только помешать им бежать из этих мест, когда условия жизни там начали ухудшаться. Когда начались эти ухудшения, жителей пустыни уж нашли во всех более благоприятных местах население, достаточно многочисленное для данных условий производства и достаточно сильное, чтобы помешать вторжению соседей.

Как бы там, однако, ни было,—создал ли рост населения необходимость или только возможность заселения всего земного шара людьми,—во всяком случае, оно возможно было только при том условии, что человек размножался быстрее, чем его обезьяноподобный предок.

Тем не менее, размножаться человечество могло лишь очень медленно. Заселение всей земли требует такой приспособляемости человека ко всевозможнейшим условиям, такой массы открытий и изобретений,—прежде всего, изобретения огня,—каких первобытный человек не мог дать в короткое время. Темп человеческого прогресса мог быть лишь очень медленным. Каждая новая историческая находка последних лет отодвигает все дальше от нас ту эпоху, которую мы должны считать эпохой формирования человеческого рода.

Если размножение человечества задерживалось после того, как изобретение оружия в такой сильной степени ускорило его, то это вовсе не объясняется недостатком средств существования. По мере того, как совершенствовалось и оказывало свое действие оружие, по мере того, как оно выводило человека из первобытных лесов с их растительной пищей и направляло его в места для охоты, где он должен был искать пищу, главным образом, в животном мире,—должен был меняться и образ жизни человека. В оружии человек приобрел органы хищного животного, теперь ему необходимо было усвоить себе также образ жизни и форму питания хищного животного, тогда как его организм приспособлен был сначала только к добыванию и переработке растительной пищи. Этим человеческому организму ставились неимоверные требования. Если в первобытном лесу человек на растительной пище жил,—судя по нынешней жизни обезьяны,—в сытости и довольстве, то теперь ему приходилось гоняться за живой, подвижной добычей. Целыми днями ему приходилось напрягать до последней степени все мускулы, все чувства и мысли, если он хотел добыть что-нибудь для утоления своего голода. А как мучителен должен был быть его голод! Хищные животные, благодаря частому отсутствию необходимой для них пищи, приобрели способность изумительно

долго голодать. Травоядные, которые обыкновенно имеют в своем распоряжении обильную пищу, этой способностью не обладают. И вот дикарю с его желудком травоядного пришлось учиться у хищных животных их умению временами подолгу голодать. В конце концов, он усвоил себе эту привычку, но не в такой степени как хищные животные. Поэтому-то на описываемый период и падает наибольшая часть случаев каннибализма, известных в истории.

Такое непомерное напряжение сил и такие лишения не могли не оказывать влияния на систему размножения. Чем более сил дикарь вынужден был тратить на борьбу за существование, тем менее оставалось их на продолжение рода.

У травоядных обезьян, которые тратят мало сил на добывание пищи, наблюдатели обыкновенно констатируют чувственность, как особенно бросающуюся в глаза черту. Так же часто наблюдатели отмечают половую холодность охотничьих народов.

Так, Робертсон говорит: «Американцам в изумительной степени чужды и неизвестны сильные порывы элементарной естественной потребности. Во всей Америке туземцы очень холодны и равнодушно встречают своих женщин» [1]).

Что причина этому лежит не в особенностях расы, а в образе жизни, отмечает и сам Робертсон.

«Замечено, что в тех странах Америки, где, благодаря плодородию почвы, более теплому климату или большему прогрессу культуры, имеется более пищи, и дикарь не терпит особенной нужды, что там животное влечение между полами отличается большею горячностью» [2]).

Цезарь, как и Тацит, указывают на строгое целомудрие германских юношей.

Конечно, половая холодность мужчин не должна обязательно сокращать силы размножения. То, что самец привносит для продолжения рода у млекопитающих, само по себе далеко еще недостаточно. Вступает ли он с самкой в половое отношение два раза в году или двести раз,—это может не оказать никакого влияния на число детей, которых самка производит в течение своей жизни. У животных, кладущих яйца, которые оплодотворяются уже вне организма матери, как, например, у рыб, участие мужского организма в продолжении рода может быть такое же большое, как и женского организма. При некоторых условиях оно может

[1]) W. *Robertson*, Geschichte von Amerika, deutsch von J. J. Schiller, I, S. 335, 1801.
[2]) Ibid, S. 334.

быть даже и больше. Отношение меняется, и женский организм получает перевес у животных, у которых яйцо оплодотворяется в организме матери, там развивается до известных размеров, а потом только выбрасывается и высиживается. У млекопитающих самка должна затратить неизмеримо больше сил на продолжение рода, тогда как трата самца ничтожна. У человека, наконец, женщина тратит в сравнении с мужчиной значительно больше сил на продолжение рода, чем у всех животных. Лишь у очень немногих крупных животных беременность самки длится более времени, чем у женщины. Если взять относительные физические размеры женщины и самок животных, то беременность женщины относительно этих величин более продолжительна, чем у всех животных. Ни одно животное также не кормит детенышей так долго, как женщина своих детей. Другие животные с продолжительною беременностью, как лошади и слоны, приносят детенышей, которые, тотчас же после рождения, уже способны передвигаться на собственных ногах. Ребенку человека требуется год, чтобы приобрести способность передвигаться, но и тогда еще эти передвижения не могут иметь большого значения. Еще долгое время после этого мать должна носить его на руках, когда требуется пройти более значительное расстояние. До девяти лет ребенок даже у самых примитивных народов не настолько развит, чтобы быть в состоянии самому поддерживать свое существование. Вся огромная затрата сил, которые необходимы, чтобы вырастить самый высший организм, падает исключительно на мать. От состояния матери зависит, поэтому, и степень плодовитости, которую допускают данные условия производства. История плодовитости человека есть история женского труда.

Ясно, что крайне изнурительная охотничья жизнь оставляет женщине не много сил для функций продолжения рода. Она бы совершенно погибла, если б ей приходилось сопровождать мужчину во всех его охотничьих походах, как львица сопровождает льва. Такая задача была бы непосильна для ее организма и системы продолжения рода, приспособленных к растительной пище. Временами ей приходилось разлучаться с мужчиной; разделение труда сделалось насущной необходимостью. Охота отошла всецело к мужчине, точно так же, как и рыболовство, где только представлялась для этого возможность, а вместе с тем, и изготовление оружия и орудий для такой работы,—изготовление, следовательно, не только копья, лука и т. п., но и лодки. Женщины оставались в лагере, куда мужчины приносили свою добычу. Женщинам достались те работы, которые можно было произво-

дить в самом лагере или по близости от него: уход за детьми, собирание семян, злаков, ягод, кореньев, шитье из кож палаток и одежды, обязанность поддерживать огонь, когда научились его добывать, и т. д.

О шингу, индейском племени в Бразилии, Штейнен рассказывает следующее:

«То обстоятельство, что у наших индейцев кровавая охота существует рядом с мирной обработкой земли, объясняется очень просто, выражаясь кратко: муж занимался охотой, а жена в это время изобрела земледелие... Мужчина более смел и ловок, его дело—охота и употребление оружия. Где охота и рыбная ловля играют еще важную роль, там, поскольку вообще уже существует разделение труда, на женщине лежит забота о добывании остальных пищевых припасов, об их переноске и приготовлении. В этом разделении труда нет ничего произвольного. Это результат естественных отношений. Последствием их, недостаточно еще оцененным, является то, что женщина, в области *своего* труда, точно так же приобретает *собственные* знания, как мужчина в своей области» [1]).

Без сомнения, разделение труда между мужчиной и женщиной не представляет ничего произвольного. Но тому ли именно обстоятельству оно обязано своим происхождением, что мужчина более смел и ловок? Если бы в этом отношении действительно существовало различие между полами, то его скорее следовало бы рассматривать, как *следствие*, а не как *причину* разделения труда. Женщины могут быть так же смелы и ловки, как и мужчины, если имеются для этого подходящие условия. Что действительно отличает женщин от мужчин, так это—их функции в продолжении рода. Но об этом важном факторе фон-ден Штейнен, странным образом, совершенно забывает.

Несомненно, не случайность, что все *амазонки*, о которых рассказывают легенды и история,—девушки. Беременной или кормящей амазонке приходилось бы слишком плохо.

Разделение труда было насущно необходимым в интересах сохранения рода. Только оно сделало возможным, что женщина, при условиях охотничьей жизни, вообще в состоянии была сохраниться в периоды беременности, кормления и ухода за маленькими детьми. Впрочем, разделение труда не принесло женщине большого облегчения труда. Если она была освобождена от участия в отдельных охотничьих походах, то она не могла же оставаться на месте, когда исчерпы-

[1]) *Karl v.-d.-Steinen*, Unter den Naturvölkern Brasiliens, S. 206, 1897.

вался один охотничий район и приходилось перекочевывать всем лагерем, чтобы где-нибудь подальше найти новый район дичи. А в самом лагере работы постоянно возрастали: технический прогресс расширил, прежде всего, область женского, а не мужского труда. Он принес с собой возделывание злаков, изготовление посуды из глины, улучшение палатки, копчение припасов. Он принес «капитал»,—сказали бы буржуазные экономисты. К сожалению, женщина не могла положить этот капитал в банк на проценты. Она должна была во всех своих странствованиях тащить его с собой, вместе с детьми, которые еще не в состоянии были пройти более значительное расстояние. С ее «капиталом» росло и бремя, которое она должна была тащить на себе. Превратившись в человека, женщина сделалась на первых порах рабочим животным, а мужчина—охотником, воином и господином. Правда, господство, которое давало ему оружие, ему временами приходилось оплачивать голодом. Но никогда непосильной работой, под которой он изнемогал бы. Охота и война в то же время составляли для него наслаждение.

Тяжелая работа вместе с изнуряющей беременностью и кормлением рано старит женщину у дикарей. В 25 лет она часто старуха, а в 30 не всегда уже способна рожать здоровых жизнеспособных детей.

Но и в короткое время юности ее способность к деторождению ограничена. Куски сырого или полусваренного мяса и коренья—не совсем подходящая пища для маленьких детей. Впрочем, и это пища не всегда имелась на-лицо. Маленькие дети еще менее, чем взрослые люди, могут, подобно хищным животным, без вреда долго переносить голод. Единственный источник регулярного питания, который они всегда имели под рукой, представляла грудь матери. Период кормления грудью поэтому затягивался на возможно долгое время. У дикарей он обыкновенно продолжался три—четыре года. В течение этого периода, однако, оплодотворение происходит очень редко. Благодаря этому, число детей у охотничьих народов очень незначительно. Малейшего неблагоприятного изменения в условиях жизни достаточно, чтобы вызвать у такого народа вымирание.

Причиной возрастающей неплодовитости может быть и систематическое кровосмешение.

Уже Дарвин в своей книге об «Изменчивости у животных и растений» указывает на убеждение скотоводов во вреде кровосмешения. «Его печальными последствиями являются более слабое телосложение, уменьшение размеров животного и его плодовитости» (II, стр. 164).

Хорошо иллюстрируется уменьшение плодовитости, как следствие кровосмешения, экспериментами, которые Вейсман и вслед за ним Гуайта производили над мышами. На протяжении 36-ти поколений животных практиковалось самое тесное кровосмешение. В 1-м—10-м поколениях число детенышей в одном помете составляло в среднем 6,1. Начиная с 10-го поколения, число это заметно падает. В 35-м и 36-м поколениях оно составляет уже едва 2,9.

Другой исследователь, Рицема Бос, спаривал 30 поколений крыс. Он нашел:

	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Среднее число детенышей в одном помете	$7^1/_2$	$7^1/_7$	$7^{12}/_{17}$	$6^{21}/_{36}$	$4^7/_{12}$	$3^1/_7$
Число случек, оставшихся бесплодными	0	2,53	5.55	17.39	50	41,18
Процент смертности у детенышей	3,9	4.4	5,0	36,7	36.4	45,5

Отсюда видно, что у целого ряда поколений последствия едва заметны, но затем они проявляются быстрыми скачками [1]).

Маленькие общества первобытных людей должны были сильно страдать от кровосмешения.

На стадии животной жизни его опасности были еще не так велики. Стадо и стая часто представляют не совершенно замкнутый круг. У травоядных, при обыкновенных условиях, избыток пищи так велик, что нет надобности бороться из-за пастбища. Каждый новый представитель того же вида, даже каждый новый товарищ по пастбищу является у социальных животных желанным гостем. Американские бизоны, например, живут, смотря по времени года и окружающим условиям, то небольшими стадами в 10—50 голов, то громадными стадами в тысячи голов. В степях южной Африки мирно пасутся рядом страусы, гну, зебры и т. д. в громадных количествах.

Некоторые социальные копытные животные отличаются большою замкнутостью, как, например, слоны и серны. Они образуют замкнутые общества. Но их членами обыкновенно

[1]) Ср. *Th. H. Morgan*, Experimentelle Zoologie, глава 12. О кровосмешении.

являются только самки и молодые самцы. Общественными существами являются только самки. Самцы исключаются из общества, как только подрастут, и живут в одиночку, или небольшими группами, а к самкам присоединяются только в период течки. Точно так же и у оленей самки живут изолировано только с молодыми самцами под предводительством старой самки, слабосильные взрослые олени-самцы тоже живут отдельными небольшими табунами; наиболее сильные самцы, напротив, живут в одиночестве до наступления периода течки, когда между ними начинаются бои из-за обладания самкой.

Все это противодействует практике кровосмешения.

В какой-нибудь из этих форм, вероятно, протекала и общественная жизнь обезьяночеловека. Вероятно, и он жил не замкнутыми обществами, а свободными небольшими стадами, которые временами объединялись в большие стада, а затем вновь расходились, смотря по обстоятельствам. Социальные привычки человекоподобных обезьян теперь трудно проследить, так как человек прибавляет здесь много фантастического. Преследуемые животные обыкновенно быстро утрачивают свои социальные привычки и делаются одинцами, если им, таким путем, легче укрыться от преследователей. Это можно видеть на примере бобра.

Может быть, то, что рассказывает Савадж, соответствует социальным привычкам старых видов антропоморфной обезьяны, а отчасти и обезьяночеловека:

«Нельзя сказать, что шимпанзе ведут общественную жизнь, так как редко можно встретить вместе более пяти, самое большее—десяти шимпанзе. Опираясь на достоверные сообщения, я могу утверждать, что они, при случае, собираются и в большом количестве,— для игр. Один из сообщавших мне эти сведения уверяет, что раз, при таком случае, видел вместе не менее пятидесяти шимпанзе, которые, сидя на толстых сучьях старых деревьев, радостными криками, ревом и стуком выражали свое хорошее настроение. Шимпанзе стараются, по возможности, обходить места, где живут люди» [1]).

Заключительные слова указывают на преследования, которым шимпанзе подвергаются со стороны человека, и объясняют, почему шимпанзе теперь живут еще только небольшими группами. Но то, что они, от времени до времени, собираются в большом числе, показывает, что их общественные потребности не ограничены жизнью в маленьких группах, и что чужой не является для них врагом. При таких условиях легко может временами происходить спаривание между членами различных групп.

[1]) Цит. у *Brehm*, Tierleben. I, S. 70.

Во всяком случае, мы не имеем ни малейшего указания на то, чтобы какому бы то ни было из видов социальных животных грозила опасность сократиться численно вследствие практики кровосмешения. Исключение составляют только те случаи, когда человек своими преследованиями до крайности сузил круг, внутри которого может происходить спаривание между животными. Так, уже много времени в Беловежской пуще живут еще несколько сот штук зубров,— живут, следовательно, в тесном кровосмешении. Благодаря этому, они становятся бесплодными.

В настоящее время их насчитывают 758 голов; несмотря на старательнейшую охрану, число их не умножилось за последние сорок лет, как сообщил Кулагин в своем докладе о биологии зубров (на двенадцатом съезде русских естествоиспытателей в январе 1910 г.).

Их плодовитость до такой степени ничтожна, что Брем ожидал их вымирания уже несколько десятков лет назад.

«В 1829 году из 258 самок детенышей имели только 93. Из остальных 165 громадная часть была бесплодна, небольшая часть еще слишком молода. В этом надо искать одну из причин вымирания зубра» [1]).

Здесь мы имеем новое доказательство того факта, о котором уже говорилось выше: что человек своим вторжением нарушает равновесие, вызывает в одном месте недостаток населения, в другом перенаселение,—вызывает часто совершенно против собственной воли. За зубрами ухаживают самым заботливым образом. И, тем не менее, они вымрут, если не удастся ввести в них свежую кровь с Кавказа, где еще водятся зубры.

То, что вызвало сокращение числа зубров, должно было произойти и у человека, когда он сделался охотником и соединил социальные привычки травоядного животного с образом жизни хищного. Он сузил круг, внутри которого могло происходить у него спаривание.

Правда, благодаря разделению труда между мужчиной и женщиной, женщинам приходилось временами подолгу жить отдельно от мужчин. Но *экономически* оба пола, благодаря тому же разделению труда, были еще теснее скованы между собою. Разделение труда означает работу друг для

[1]) *Brehm*, III, 393.

друга, означает взаимную зависимость одного фактора от второго.

До разделения труда ни один из взрослых индивидуумов в своем пропитании не был зависим от других, их могла удерживать вместе необходимость в защите от хищных зверей, а не добывание пищи. Каждый сам добывал необходимые ему плоды и другие виды пищи. С разделением труда все изменилось. Исчезли уже регулярные источники пищи; пищевые средства должны были доставлять то мужчины то женщины. В особенности женщины не могли,—в моменты, когда иссякала растительная пища,—жить, не получая части битой дичи; мужчины могли довольствоваться одной мясной пищей. И чем более развивалась техника женского труда, тем больше приходилось женщинам работать над изготовлением одежды и палаток, над собиранием запасов. чем бо́льшую роль начинал играть огонь, тем в бо́льшую зависимость от женского труда должны были становиться мужчины. Рабочее время женщины возрастало, но в такой же мере возрастало и ее общественное значение. Возрастающее бремя работы не превратило женщину ни в рабыню, ни в пролетария. Она была госпожей в своей области труда и самостоятельно распоряжалась своими орудиями производства. И мужчина относился к ней с уважением, как к равноправной. Только высшая стадия культуры низвела женщину на роль орудия, товара и, наконец, предмета роскоши.

В то время, как внутри одного и того же рода, с развитием техники и разделения труда, мужчины и женщины сковывались все более и более тесными узами, увеличивался антагонизм между каждым отдельным родом и остальными. Травоядные животные могут прекрасно уживаться на своем пастбище: там достаточно для всех. Между хищными животными легче возникают раздоры и грызня из-за добычи. Точное знакомство с местностью—одно из наиболее необходимых условий для успешности охоты. Утвердиться на раз занятом месте, держать остальных охотников на значительном расстоянии становится теперь одной из важнейших задач. Всякий чужой становится врагом. Если племя внутри сплачивается все теснее. то оно в то же время все более изолируется от всего остального мира. Племя становится, наконец, замкнутым обществом, и спаривания ограничиваются только его кругом.

Если этот круг становился тесным, а влияние кровосмешения не парализовалось какими-нибудь противодействующими факторами, что вполне возможно, то, с течением времени, все сильнее и сильнее должны были давать себя чувствовать последствия кровосмешения—в упадке плодовитости и вымирании целых племен. Это уже не перенаселение, а обезлюдение.

Противодействие этому, вероятно, и было главной задачей начавшихся ограничений брака.

О брачной жизни, если можно так выразиться, обезьяночеловека мы знаем так же мало, как и об остальных его общественных отношениях. В этом отношении никаких исходных пунктов для предположений не дает и знакомство с жизнью обезьян, так как у обезьян мы находим самые различные виды отношений между полами; полигамию, заключающуюся в том, что один сильный самец присваивает себе право половых сношений со всеми самками группы и держит всех конкурентов на почтительном расстоянии; моногамию в форме тесного сожительства отдельных пар в течение более или менее продолжительного времени; беспорядочное половое сожительство всех самцов группы со всеми ее самками.

Мало может нам быть также полезен и второй метод, к которому мы прибегаем на-ряду с наблюдениями над обезьянами, чтобы составить себе представление об общественных отношениях у первобытного человека начальной стадии его развития. Это—различные гипотезы, для которых основанием служат условия жизни первобытного человека. Но каждая из трех вышеупомянутых форм полового сожительства в одинаковой степени совместима с теми условиями жизни, существование которых мы можем предположить у первобытного человека. Возможно, что именно поэтому ни одна из этих форм не сделалась всеобщей и постоянной, а все три существовали одновременно, при чем, смотря по обстоятельствам, верх брала то одна, то другая из них.

Мы могли бы, пожалуй, назвать эти отношения свободной любовью—в том смысле, что ни интересы, ни воззрения общества не предписывали определенной формы половых отношений. Но это не было свободной любовью в том смысле, чтобы каждый мог в области половых отношений руководствоваться своими собственными склонностями, не встречая сопротивления. Различие в силах определенных самцов и исход борьбы у них имели, вероятно, решающее значение в их отношениях к нежному полу. По крайней мере, у обезьян случаются такие бои из-за одной самки или из-за всех самок группы.

Положение дел изменилось, когда человек развился до охотничьей стадии, когда человеческие группы превратились в замкнутые общества, и кровосмешение начало оказывать свое влияние. Форма половых отношений перестает быть

частным, безразличным для всего общества делом. Бесплодие и вырождение, как последствия определенной формы половых отношений, начинают угрожать всем таким обществам. И каждое из них имеет достаточно оснований принимать меры против грозящего зла.

Каким образом человек пришел к сознанию вреда кровосмешения, а также к сознанию вреда половых отношений между людьми в расцвете сил с представителями младших и старших поколений, вообще, пришел ли человек к такому сознанию, или у него выработалось инстиктивное отвращение к половым сношениям с близкими родственниками.— обо всем этом, понятно, можно только высказывать предположения [1]). Связь между кровосмешением и бесплодием или вырождением, без сомнения, очень трудно открыть; но очень легко заметить благотворное влияние скрещивании на расу, пришедшую в упадок вследствие половых союзов между близкими родственниками.

Дарвин говорит:

«Вредное влияние кровосмешения, хотя бы оно и практиковалось в течение долгого времени, не так легко доказать, как хорошее влияние скрещиваний: ухудшение проявляется лишь о сень медленно» [2]).

Прошло, может быть, много тысяч лет, и многие тысячи отдельных племен, может быть, успели погибнуть вследствие кровосмешения, прежде чем где-нибудь в одном месте открыли эту связь и начали принимать предупредительные меры. Но, когда удалось побороть зло, те племена, которые боролись против кровосмешения, должны были постепенно получить перевес над остальными.

Это могло случиться довольно поздно, но люди тогда должны были еще стоять на более низкой ступени развития, чем та, на которой стоят самые низшие из некультурных народов в настоящее время. Всем уже знакомы ограничения при вступлении в брак и определенные общественные организации внутри племени для предупреждения браков между кровными родственниками. Все общество относится к этому с величайшим интересом. Все ограничения при вступлении в брак предъявляются каждому отдельному члену как нравственное требование и проводятся с непреклонной строгостью. Нравственное чувство, ранее чисто инстинктивное, кажется, впервые формулировалось, как определенное требование, именно на почве половых отношений. С того времени

[1]) Подробно я говорил об этом в моей статье „Kannibalische Ethik“, „Neue Zeit“, XXV, I, 316.

[2]) *Darwin*, Variation der Tiere und Pflanzen, II, 164.

и до настоящей минуты половой вопрос занимает главное место в определении нравственного, а следовательно, и безнравственного. Если упоминают о безнравственном, то прежде всего в голову приходит мысль о нарушении заветов половой морали.

Таким образом, в области размножения человечества появляется новый могучий фактор, которого нет в мире животных: нравственный завет—исполнять функции, ведущие к размножению, только при условиях, которые благоприятны для воспитания потомства, и при которых можно ожидать здорового потомства, полезного для общества.

Приспособление и подчинение размножения—или, выражаясь языком Энгельса, «производства людей»—интересам общества составляют, в сущности, содержание всех нравственных понятий о половой жизни. Больше всего проникнуты этими требованиями женщины. Во-первых, потому, что у них, вообще, более развиты социальные чувства (мы уже видели, что у животных образуют общества и подчиняются им прежде всего самки, в то время, как самцы более склонны к изоляции, к «индивидуализму», к «полному развитию личности»). Во-вторых, и потому, что функция размножения поглощает женщину в неизмеримо большей степени, чем мужчину, и забота о потомстве лежит больше на ней, чем на мужчине. Оба мотива, впрочем, находятся в теснейшей связи между собою. Общество животных, несомненно, в гораздо большей степени обязано своим происхождением заботе индивидуума о потомстве, чем заботе его о собственной личности.

Без сомнения, интересы общества изменяются и вместе с тем меняются также и требования, предъявляемые обществом в области половой жизни. Но уже по самой сущности своей каждое нравственное требование имеет тенденцию делаться «вечным» и сохраняться даже и после того, как исчезли условия, вызвавшие его. То, что первоначально было в интересах общества, с развитием общества может сделаться бесцельным, даже вредным не только для отдельных особей, но и для самого общества. Ни к какой области это неприменимо в такой степени, как в области половой жизни.

Во всяком случае, целесообразно ли или нецелесообразно, но нравственность оказывает влияние на размножение человечества, мешая или содействуя ему.

Первоначально запрещением половой связи между кровными родственниками нравственность безусловно содействовала процессу размножения человечества.

Точно так же, начиная с известной стадии, содействует этому процессу и развитие техники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Геометрическая прогрессия в период цивилизации.

С развитием скотоводства женщина освобождается от части своей работы и попадает в условия, при которых в значительной степени облегчается дальнейшее размножение. В вьючном животном она находит себе помощника, на которого она сваливает часть тяжести. Ей не приходится более при переселениях таскать на себе домашнюю утварь и детей, напротив, она сама может ездить теперь на лошади или верблюде, а после и в телеге. Доставка пищи становится более регулярной. Животные доставляют молоко, и становится, таким образом, возможным сократить периоды кормления грудью.

А когда, вместо тяжелой ручной обработки поля, вводится плуг, труд женщины облегчается еще больше. Приручение животных и уход за ними и лошадьми составляют теперь занятие мужчин, и они уже начинают обрабатывать землю. Полевые работы перестают быть женским занятием.

Не менее выгоды приносит женщине оседлость, которая освобождает ее от всех трудностей передвижений и от работы устройства временного шатра, который приходится после опять разбирать. Раз построенный дом уже не требует дальнейшей работы. А постройка дома все более становится работой мужчин, вероятно потому, что работа в лесу является их занятием: чем более охота отодвигается на задний план, тем более становится важным получение дерева для постройки и топлива.

Домашний очаг, скотный двор, сады и, поскольку дети не бегают на свободе, детская—вот что является теперь главной ареной деятельности женщины. Работы этой вполне достаточно, чтобы дать приложение всем силам женщины, но не так много, чтобы поглотить их целиком. У женщины остается теперь больше сил для выполнения функций размножения. А вместе с тем увеличивается производительность труда, увеличиваются избытки производства, которые доставляют обильную пищу детям. Благодаря производительности труда, становится выгодным применение рабов в домашнем

хозяйстве, потому что рабы производят теперь избыток в сравнении с издержками на их содержание. И всюду, где развивается домашнее рабство, женщина освобождается от тяжелого труда, и самой главной работой ее является теперь рождение и воспитание детей. На это уходят все ее силы.

На этой стадии мы встречаем огромную плодовитость. Поразительный пример представляет Южная Африка в то время когда, на-ряду с кафрами и бурами, хозяйство которых находилось на переходной стадии от кочевого скотоводства к земледельческому оседлому хозяйству и приносило богатые избытки, жили готтентоты-охотники, бывшие в то же время в рабстве у буров. В такой же степени, в какой плодовитость была ничтожна у готтентотов, в такой же она велика была у буров и кафров.

Путешественник Барроу, посетивший Южную Африку в конце восемнадцатого столетия, пишет:

«У готтентотов редко бывает более трех детей, а многие женщины у них совсем бездетны». Напротив, о бурах он сообщает: «Шесть или семь человек детей в семье считается очень небольшим числом; семья с 12—20 детьми не является редкостью». И о кафрах: «Говорят, что они очень плодовиты; что у них двойни встречаются почти так же часто, как и одиночки, и что далеко не редкость, чтобы женщина имела тройню» [1]).

Герберт Спенсер, цитируя в своей «Биологии» это место, указывает еще на жителей французской Канады, у которых крестьянская семья имеет обыкновенно от восьми до шестнадцати детей, и у которых некоторые женщины имеют до 25 детей. Примеры эти показывают, что высокая плодовитость связана с определенным способом производства, а не с определенной расой. Кафры отличаются такой же плодовитостью, как и буры, с которыми они находятся на одинаковой ступени хозяйственного развития. Так, в Канаде у французских крестьян мы встречаем совершенно иную норму рождаемости, чем во Франции.

Только высокой плодовитостью объясняется тот факт, что Германия, в эпоху переселения народов, могла, без всяких следов истощения, посылать в Римскую империю одну армию за другой. Область от Рейна до Эльбы была занята в то время едва ли одним миллионом жителей, и, однакоже, она господствовала над Римскою мировою империей с ее по меньшей мере 50 миллионами жителей [2]). Дельбрюк определяет

[1]) *Herbert Spencer*, Principles of Biology, II, 533

[2]) Ср. *Delbrück*, Geschichte der Kriegskunst II стр. 35

население Римской империи в эпоху императоров даже в 90 милл. (стр. 223). Но эта оценка кажется мне преувеличенной.

Столь же удивительной была и плодовитость арабов: в течение столетия, после основания ислама, в распоряжении их была огромная масса народа, которая могла занять область от Испании до Индии.

Но недолго продолжалось благосостояние крестьянской семьи и освобождение женщины от чрезмерного труда. Оно развилось внутри кочевого скотоводного хозяйства и сохранилось еще на первых порах крестьянской оседлости. Но мы знаем уже, что наряду с развитием оседлости развивались классовое общество и эксплоатация трудящихся классов, прежде всего сельских рабочих. Крестьянин превращался в господина над многочисленными рабами или же опускался до положения крепостного крупного землевладельца, на которого он должен был работать. Как первый, так и второй случай означает для действительного земледельца тяжелый труд и уменьшение его благосостояния потому, что избыток над скудными издержками на содержание его собственной семьи он должен был отдавать эксплоататору.

При этих условиях плодовитость крестьянской семьи снова начинает обнаруживать тенденцию к понижению. Но крестьянская семья все же обладала средствами для достаточного и регулярного питания. Вследствие этого исключены были факторы, которые в охотничьем периоде часто приводили к понижению плодовитости. Все более уменьшались опасности, которым подвергалась человеческая жизнь от диких зверей. Кроме того, господа часто с привилегией вооружения брали на себя тягости и радости войны.

Таким образом, крестьянская семья в этот период все еще производила излишек не только пищевых средств, но и людей. Совсем иное мы видели в хозяйстве, основанном на рабском труде. Раб работал плохо и неохотно, и утилизация его—не как средства роскоши, а как средства производства—выгодна была только при условиях, которые исключали возможность его правильного размножения. Чтобы рабыня производила излишки, ей необходимо было так много работать, ей так мало времени оставалось для себя и ребенка, что ей почти невозможно было вырастить последнего. Господин считал беременность рабыни покушением на принадлежащую ему рабочую силу и преступлением; исключение составляли только рабыни, служившие для его удовольствия, оплодотворение которых он считал своей привилегией. Разведение рабов, предназначенных для труда, почти не окупалось. Рабство, как способ производства, возможно было только на основе постоянного похищения рабов, а это предполагает крестьянское хозяйство у соседних народов, прирост народонаселения которых доставлял бы излишек рабочих сил, похищаемых для обращения в рабство. Там, где рабское хозяйство уничтожает свободное крестьянство также и в соседних странах или где наталкивается на воинственных свободных крестьян, которые могут оказать сопротивление насилию,—а это вполне возможно, когда земледелие едва только сменило прежнее номадное скотоводство,—там продолжение производства на старой основе становится невозможным, и если обществу не удастся изменить свой способ производства, оно идет навстречу полному обезлюдению.

Где крестьянское хозяйство дает излишек людей, которых не отнимает у него только что упомянутая охота на рабов, там пускаются в ход различные методы, чтобы так или иначе пристроить это «перенаселение». Во-первых, *путем основания новых крестьянских хозяйственных поселков*, увеличения культурной площади за счет леса, лугов, болот. Если этот процесс из национального делается интернациональным, мы получаем крестьянскую *эмиграцию*, основание новых крестьянских хозяйств и расширение пахотной площади за счет леса, лугов и болот в чужой, еще не заселенной земледельцами области. Наконец, существует еще один отводный канал для излишков крестьянского населения, который играет огромную роль в процессе исторического развития: *города*, существование и процветание которых было бы немыслимо без постоянного притока новых элементов из деревни.

Но не всегда имеются на-лицо такие условия, которые позволяют пристроить излишек населения, доставляемый крестьянской плодовитостью. И тогда для последней образуется новый предел в *частной собственности*.

Только средства, которыми располагает крестьянское хозяйство, дают женщине возможность прокормить и воспитать детей в деревне. Если число крестьянских домохозяйств ограничено, если оно не может быть увеличено, и излишек людей не может быть пристроен другим путем, то крестьянская девушка вынуждена ждать со вступлением в брак, пока заключение брака не вводит ее во владение хозяйством. Без такого владения брак становится нежелательным, а вместе с тем и рождение детей. И, действительно, детям бесхозяйственных крестьян приходится очень плохо. Именно при этих условиях нравственное возмущение направляется особенно энергично против внебрачных половых отношений, по край-

ней мере, у женщин, а между тем, как раз тогда возникают условия, которые толкают к таким отношениям путем повышения брачного возраста или осуждения многих девушек на безбрачие.

Судьба, которая ждет при таких условиях излишек населения, далеко незавидна. Предусмотрительные родители стараются избавить своих детей от такой судьбы. Они заботятся о том, чтобы не произвести больше детей, чем они в состоянии позднее сделать самостоятельными хозяевами. Число детей ограничивается искусственным путем. Только в очень редких случаях это достигается тем путем, что муж и жена воздерживаются от всяких половых отношений. При совместной жизни это было бы слишком тяжелым испытанием. Обыкновенно же такое ограничение достигается тем, что пускаются в ход различные способы, мешающие зачатию, или там, где оно совершилось, уничтожающие его последствия искусственно вызванными преждевременными родами. Такие способы применяются также очень охотно девушками, которые дозволяют себе внебрачное половое наслаждение и стараются избавить себя и своих будущих детей от неблагоприятных последствий, неизбежных при указанных условиях.

Применение различных средств с целью вызвать преждевременные роды известно еще с очень давних времен. Мы встречали это явление уже у охотничьих народов. Маленькие дети представляли тогда такое большое бремя для матери, что она не в состоянии была вырастить одновременно несколько детей. Если она чувствовала себя снова беременной, в то время, как она кормила грудью одного ребенка и, быть может, таскала на спине другого трех или четырехлетнего, то ей грозило безвыходное положение. Чтобы избавиться от него, новорожденный часто умерщвлялся, практика, которая, при незначительной средней плодовитости женщины на указанной стадии развития, должна была еще больше ограничивать размножение охотничьих народов. Но она была менее жестока и более щадила женскую силу, чем искусственные преждевременные роды.

Эти способы выходят, однако, из употребления по мере того, как женщина освобождается от бремени излишнего труда и получает возможность воспитывать несколько детей. Но как только крестьянское хозяйство не находит больше свободных мест, чтобы пристроить излишек населения, возникает противоположность между имущими и обездоленными, и заключение брака становится монополией имущих, опять возобновляется практика абортов, к которой присо-

единяются различные предупредительные средства против зачатия.

Крестьянская мораль этой стадии развития и составляет прообраз той морали, которую усвоило себе мальтузианство и которую оно проповедует: только имущие должны вступать в брак, только они могут иметь детей, и не больше, чем они в состоянии наделить имуществом. Тогда не будет больше обездоленных людей и исчезнет нужда, связанная с обездоленностью. Эту мораль проповедуют не только аристократически настроенные мальтузианцы, как сам Мальтус, но и демократы, как Джон Стюарт Милль. Вот почему крестьянин этой стадии развития—для них идеальный человек, а крестьянское хозяйство представляет идеальное хозяйство, ибо только оно воспитывает те «разумные привычки» в брачных отношениях, при отсутствии которых перенаселение и нищета безусловно неизбежны.

В своих «Основаниях политической экономии» Джон Стюарт Милль исследует влияние крестьянского хозяйства на увеличение народонаселения и приходит к заключению, что оно задерживает рост населения и действует, поэтому, очень благодетельным образом. Результаты своего исследования о влиянии мелкой частной поземельной собственности он резюмирует в следующих словах: «никакая другая форма сельского хозяйства не оказывает такого благотворного влияния на хозяйственную деятельность, умственное развитие, умеренность и предусмотрительность населения, и не препятствует в такой степени его неосторожному увеличению; поэтому, при современном уровне воспитания, ни одна не благоприятствует в такой степени как моральному, так и физическому процветанию, как именно эта форма» [1]).

Мальтузианство представляет в сущности не что иное, как возведение всей этой, вытекающей из условий крестьянского хозяйства, технической, интеллектуальной и моральной ограниченности на степень закона природы. И все же эта ограниченность свойственна крестьянскому хозяйству не при всяких, а только при определенных условиях. Поэтому и Миллю приходится, в только что упомянутой главе, полемизировать с наблюдателями, которые думают, что крестьянское хозяйство благоприятствует сильному приросту населения. Одно мнение так же правильно, как и другое. Крестьянское хозяйство не представляет нечто изолированное, а, наоборот, составляет часть целого, общества, которое становится все сложнее, а вместе с изменением этого общества.

[1]) *Милль*. Основания политической экономии, вторая книга, 7 гл., § 5.

изменяется и характер крестьянского хозяйства даже там, где технически оно остается на том же уровне. Мы не должны забывать, что технические и общественные отношения, правда, тесно связаны, но далеко не тождественны.

Мы уже указали выше, какую важную роль в развитии общества играет излишек людей, доставляемый крестьянским хозяйством, что в особенности большое значение для этого развития имеет тот излишек, который направляется в города, чтобы производить там предметы промышленности, обмениваемые на избытки припасов и сырых материалов, доставляемых на городской рынок крестьянами. Разделение труда в городах дает возможность ремеслу производить орудия и инструменты, в которых нуждается крестьянское хозяйство, в более совершенном виде, чем это в состоянии делать сам крестьянин. Ремесло, таким образом, повышает производительность крестьянского труда. С другой стороны, оно, благодаря разделению труда, может производить более дешево продукты промышленности, предназначенные для личного потребления, как, например, платья, в которых нуждается крестьянин. И если он получает эти предметы в обмен на продукты, которые он добывает своим трудом, по их настоящей стоимости, т.-е. соответственно затраченному на них рабочему времени, то он сберегает свой труд. Когда он перестает сам производить продукты промышленности и покупает их в городе, он сберегает рабочую силу, которую он может обратить на добывание земледельческих продуктов.

Следовательно, развитие городской промышленности доставляет крестьянину возможность применять более производительно свой труд и затрачивать больше труда, чем прежде, на производство жизненных припасов и сырых материалов. Начиная с этого времени, именно, дальнейшее развитие городской индустрии обусловливает прогресс сельско-хозяйственной техники и вместе с тем поднятие уровня средств существования в стране, уже деликом заселенной крестьянами. Будущее сельского хозяйства определяется теперь развитием городской индустрии.

Но возможности, которые доставляются развитию сельского хозяйства этим положением, только в очень малой степени превращаются в действительность. Мы видели уже, как хищническая аристократия с ее различными прихвостнями все больше забирала в свою пользу излишки крестьянского хозяйства, как последние все меньше шли на покупку средств производства и потребления для крестьян и все больше служили для покупки предметов роскоши для крупных эксплоататоров и их паразитов. Эксплоатация может

увеличиться до такой степени, что она может не только замедлить технический прогресс сельского хозяйства, но и совершенно приостановить его и превратить даже в регресс.

Когда французское сельское хозяйство в восемнадцатом столетии пришло в упадок под гнетом феодализма, то французские экономисты того времени, физиократы, признавали производительным только сельское хозяйство, а не ремесло, и, если принять во внимание тогдашнее положение, не без основания. Промышленность служила тогда, в конечном счете, только для удовлетворения потребности в роскоши феодальных эксплоататоров. Трудящимся массам в деревнях она приносила очень мало. Весь излишек, производимый ими, направлялся в города, не давая им почти ничего взамен. Физиократия стала господствующей теорией во всей Европе, за исключением Англии, где капиталистическое сельское хозяйство пользовалось в значительной степени услугами индустрии.

Если прогресс сельского хозяйства обусловливается высотой развития и формой городской индустрии, то прогресс последней, в свою очередь, зависит от размеров и формы излишков, производимых почвой. Если в сельском округе, излишками которого живет население данного города, прекратилось дальнейшее развитие, если число крестьянских хозяйств и размеры доставляемых ими излишков не могут быть более увеличены, то не может увеличиваться и население, которое живет на эти излишки. Стационарному состоянию крестьянского населения соответствует тогда застой в городском населении. Цехи становятся при этих условиях замкнутыми, затрудняет доступ новым членам в свою среду, и крестьянская брачная мораль, и без того близкая переселившемуся из деревни ремесленнику, начинает доминировать и в городе; как и дочери крестьян, дочь ремесленного мастера может выйти замуж только за человека имущего, за мастера. Подмастерьям брак запрещается, и достижение звания мастера обставляется большими затруднениями. Но в рамках ремесленного брака «система двух детей» не достигает особенного распространения. Этому мешала уже огромная детская смертность в городах, в которых тогда гигиена была еще совершенно неизвестна, и тесно скученное население жило в убийственной обстановке. Без свежего притока из деревень в города в средних веках вымирали бы очень быстро. Постоянная необходимость в таком притоке с своей стороны делала излишним ограничение числа потомства в селах.

Ядро населения составляли крестьянство и ремесленни-

ки. Над ними возвышалась маленькая кучка эксплоататоров—военных и духовных—земельное дворянство и церковь. А под ними группировались всякие бобыли—сначала в числе, не имевшем особенного значения для производства, но временами скоплявшиеся в большом количестве,—которые продавались крупным эксплоататорам в качестве наемных солдат, слуг, проституток, кормились милостыней, или жили случайной работой, как люмпенпролетарии.

И верхний, и нижний слои делятся каждый на различные группы, и каждая из этих подгрупп развивает, в зависимости от своих социальных условий, особый способ приращения населения. Если, например, забота о сохранении церковного землевладения заставила католическое духовенство выдвинуть требование безбрачия, то протестантизм с конфискацией церковных имуществ делает это требование ненужным, и протестантское духовенство занимается продолжением своего рода самым интенсивным образом.

Мы вышли бы за рамки нашей работы, если бы хотели подробно исследовать все различные тенденции размножения, которые в ходе исторического процесса развивает каждый отдельный слой населения. Мы скажем лишь несколько слов о тех двух общественных слоях, которые нас особенно интересуют, о капиталистах и о пролетариате.

Капитал развивает в своих носителях стремление к накоплению и концентрации. В той ожесточенной конкуренции, которая характеризует капиталистический способ производства, более крупный капитал всегда побеждает более мелкий капитал; поэтому задачей каждого капиталиста является увеличение своего капитала. Одним из средств для этого служит брак,—конечно, брак между двумя лицами, обладающими капиталом: он дает возможность соединить на продолжительное время два капитала и произвести наследника, которому они оба могут быть оставлены. Но горе им, если брак их дает слишком много наследников! Он превращается тогда из средства концентрации капитала в средство раздробления капитала. Тогда вновь развивается стремление по возможности ограничить число детей, соблюдать в браке «разумные привычки».

В большинстве случаев такое стремление соответствует также личным желаниям жены капиталиста. Она в этих кругах освобождена от всякой работы, она воспитывается только для наслаждения. Недостаток физического движения делает ее слабой; недостаток дисциплины и серьезного умственного труда развивает в ней при том изобилии средств, которыми она располагает, неумеренную страсть к наслаждениям, истощающим ее в гораздо большей степени, чем крестьянку ее непомерный труд. Все это уменьшает ее способность к деторождению. Она боится слишком рано постареть, если она даст жизнь нескольким детям. Если она отличается большой плодовитостью, то она очень охотно применяет предупредительные средства против зачатия, а современная наука и техника идут ей в этом отношении навстречу.

В среде высшей аристократии, дорожащей чистотой крови, к этим препятствиям размножению присоединяется еще опасность бесплодия вследствии кровосмешения. Явление это замечается также и в династиях капиталистов, когда они пытаются, путем браков с родственниками, сохранить свои фамильные капиталы.

В силу всех этих оснований, браки богатых людей не отличаются особой плодовитостью, и многие остаются даже совершенно бесплодными.

Совершенно иными чертами отличаются браки пролетариев.

Огромная часть обездоленных осуждена на безбрачие или на отречение от своих внебрачных детей. Так, например, все те, кто принужден жить в чужой семье, как мужская и женская прислуга. Другим, как, например, наемным солдатам, мешает обзавестись семьей уже самое занятие.

Несравненно меньше обращали на себя внимание брачные отношения у люмпенпролетариев и бедного люда, тесно примыкающего к люмпенпролетариату. Эти слои населения, вследствие отсутствия крова и необеспеченности существования, походят, повидимому, на дикарей охотничьего периода. Этого взгляда придерживаются многие буржуазные экономисты. Профессор Бюхер изображает первобытного человека жалким пролетарием. Его предшественник в Лейпциге, профессор Вильгельм Рошер, приравнял обоих и говорил о «болезненном пролетарии первобытных лесов». Этот «милый рошеровский фантом» был уже *осмеян* Марксом [1]). В действительности же у дикаря не может быть и речи о болезненности. Способ, каким он добывает себе средства к жизни и ловит свою добычу, требует от него напряжения всех его сил. Ему приходится вести такую интенсивную борьбу за существование, которую вряд ли мог бы долго выдержать какой-нибудь болезненный индивидуум.

Напротив, люмпенпролетарию не приходится бороться, чтобы добыть себе необходимое для жизни. Он не должен для этого напрягать свои силы. Чтобы просить милостыню,

[1]) *Marx*, Das Kapital, I, S 638, Note 71.

сила не нужна. Сострадание вызывается болезнью или увечностью. И, поощряя к подаче милостыни, они становятся источниками существования люмпенпролетариата.

И так же мало, как о болезненности охотника-дикаря, можно говорить о его пролетарстве. Он живет в первобытном лесу не как пролетарий, а как неограниченный властитель. Он является там высшим существом. Лес принадлежит ему, и он присваивает себе все, что ему попадается в руки. Его господство в лесу достается ему с огромным трудом, но оно приносит ему наслаждение и повышает его самочувствие и силы. И жена дикаря, несмотря на лежащее на ней бремя труда, отнюдь не является пролетаркой. Наоборот, она распоряжается своими средствами производства и продуктами, которые она производит не для какого-нибудь эксплоататора, но для себя, своих детей и общества, от которого она получает продукты труда мужчин.

Напротив, люмпенпролетарий в той местности, в которой он живет, представляет существо, стоящее на самой низшей ступени; у него нет ровно ничего, он не имеет права присваивать себе что-нибудь из того, что встречается ему на его пути. Пред его глазами скопляются огромные запасы всяких излишков, и, несмотря на все муки голода, он не смеет к ним дотронуться. И с благодарностью должен он принимать все остатки, которые выбрасываются ему. Трудно себе представить что-нибудь более унизительное и жалкое, чем образ жизни, который вынужден вести люмпенпролетарий.

Только в одном пункте дикарь и люмпенпролетарий находятся в одинаковом положении: при выборе сожительницы между равными ни одного, ни другого не стесняют никакие социальные ограничения, за исключением разве запрещения половых сношений с близкими родственниками. У люмпенпролетария беспорядочное половое сожительство поощряется еще жилищными условиями, в которых он живет. Нужда скучивает этих пролетариев большими массами во всяких трущобах, где мужчинам и женщинам приходится жить друг с другом в самом тесном соприкосновении.

Но этому равенству в одинаковой доступности половых отношений не соответствует еще равная плодовитость. У люмпенпролетария она не ограничивается, как у дикаря, условиями жизни или материальными соображениями, как у высших классов современного общества. Существование, которое он ведет очень печально, но, как мы уже заметили, оно не требует от него особенного напряжения, большой затраты сил. С другой стороны, у него нет ни тех мотивов, ни

средств, которые противодействуют у состоятельных людей их размножению.

Более утонченные методы с целью помешать зачатию ему неизвестны; аборт или детоубийство запрещены уголовным уложением, и у люмпена нет никаких оснований вступать в конфликт с законом, ибо дети не ухудшают его положения. На-ряду с болезнями, дети только помогают ему в его промысле, так как они больше всего возбуждают в других жалость.

Пролетарская жизнь мало благоприятствует *воспитанию* детей. Детская смертность в среде пролетариата очень высока. Но она благоприятствует *производству* детей.

Различие между плодовитостью пролетариев и бесплодием богатых бросалось в глаза уже многим наблюдателям. С целью объяснить это явление и выставлено было предположение, о котором мы уже говорили выше, что обильное питание задерживает размножение, а скудное способствует ему, взгляд, который поддерживается в особенности социалистами и выдвигается ими, как главный аргумент против Мальтуса. Последнему возражали, что именно нищета увеличивает плодовитость, и что лучшее средство уменьшить ее—это всеобщее благосостояние. Однако, этот взгляд не выдерживает критики. Сравнение между малой плодовитостью охотничьих народов с необыкновенной плодовитостью номадов-скотоводов и свободных, не ставших еще жертвами эксплоатации, крестьян, окруженных богатой природой, доказывает как раз то же самое, чему учит и наблюдение над животными, а именно, что обильное питание при условиях, укрепляющих весь организм,—а для этого требуется работа на свежем воздухе,—не только не уменьшает плодовитости, но, наоборот, увеличивает ее до максимума. Различие между плодовитостью пролетариев и богатых людей основывается не на различии питания, а на целом ряде моментов, которые вытекают из различных *общественных* условий и, *несмотря* на более обильное питание, а не *вследствие* его, уменьшают число деторождений у богатых в большей степени, чем у пролетариев.

До сих пор мы говорили только о люмпенпролетарии. *Трудящийся* пролетарий как массовое явление, как тип, определяющий характер общества, выступает только вместе с развитием капиталистической крупной промышленности, которая является следствием переворота в средствах сношения и развития массового транспорта.

Чтобы городское население могло кормиться и заниматься производительной деятельностью, ему необходим регу-

лярный подвоз средств пропитания и сырых материалов из сельских округов. В зависимости от состояния средств сообщения находятся размеры той области, из которой оно получает главную массу необходимых ему жизненных припасов и сырья. И от массы избытков, которые может произвести сельское население этой области при помощи данных средств и методов производства, зависит величина населения данного города. Поэтому города в средние века большей частью были очень малы и не развивались, пока не усовершенствованы были средства сообщения. При большой смертности внутри городов они находились в зависимости от постоянного притока из сельских округов, иначе им грозило обезлюдение. Но и в том случае им приходилось рассчитывать на маленькие округа с незначительным населением, которое часто, в особенности при эпидемиях, не давало никакого прироста. Временами население городов даже уменьшалось. Иллюстрацией может служить Цюрих, движение народонаселения в котором нам известно с достаточной точностью.

Оно составляло:

Год.	Число жителей.	Год.	Число жителей
1357	12 375	1467	4.715
1374	11.050	1529	5.687
1410	10.570	1588	8.649

Исключение представляли только отдельные портовые города. Массовый транспорт уже рано давал возможность посылать на большие расстояния огромные массы жизненных припасов. Некоторые пункты морской торговли поэтому распоряжались экономически большими сельскими округами, доставлявшими им излишки различных произведений почвы и многочисленное население; такими городами в средние века и в начале нового времени были Лондон, Париж (в то время доступный для небольших морских кораблей), Лиссабон, Неаполь, Константинополь.

Развитие океанского парусного судоходства, начиная с пятнадцатого столетия, расширило в колоссальных размерах площадь сельских округов, которые доставляли свои излишки торговым и промышленным городам Европы, доступным для морского судоходства. Все прибрежные области известного тогда мира были для них теперь открыты. Создан был всемирный рынок.

Еще более могучий стимул получил этот процесс вследствие возникновения и расширения железнодорожной сети в девятнадцатом столетии. Теперь могли пользоваться излишками, доставляемыми на всемирный рынок земледельческими

странами, и развить свою промышленность также и те города и промышленные государства, которые прежде не были доступны для морской торговли. С другой стороны, сельско-хозяйственная область, которая доставляла эти излишки, не ограничивалась уже только прибрежными странами. В круговорот всемирного рынка теперь втягиваются с растущей быстротой также все континентальные страны.

Общая сумма излишков средств пропитания и сырых материалов, предоставляемых теперь в распоряжение промышленных стран, растет в колоссальных размерах, а вместе с этим увеличивается промышленное население и расширяется промышленное производство. Последнее становится массовым производством, но уже на основе *частной собственности* на орудия производства, развившейся из крестьянского и ремесленного хозяйства, а следовательно, и капиталистическим производством.

Вместе с сельско-хозяйственной территорией, доставляющей излишки средств пропитания и сырые материалы промышленности, расширяется также и территория, которая производит избыточное население и предоставляет его в распоряжение промышленности. Зачастую это происходит при помощи насильственных методов. Ибо гораздо выгоднее, чем выменивать у крестьян, согласно закону стоимости, их излишки на продукты такого же количества труда в промышленности, просто ограбить их или вынудить у них эти излишки, а это тем легче сделать, чем больше промышленные государства превосходят земледельческие не только в области техники производства, но и в области военной техники. Чем больше размеры, в которых эти излишки отнимаются у земледельческих стран, тем меньше становится количество населения, которое оно в состоянии прокормить. Уровень средств существования этих стран искусственно понижается, и создается искусственное перенаселение, как это показывают, например, Ирландия и Ост-Индия. Избыточное население должно эмигрировать, оно направляется по тому же пути, что и средства пропитания, которые должны были итти на их прокормление, и сырые материалы, которые они должны были обрабатывать —в промышленные страны. Эксплоататоры и грабители, которые овладевают этими излишками и скопляют огромные богатства, находят теперь всюду, где есть возможность утилизировать их для массового промышленного производства, превратить их в промышленный капитал, необходимые им рабочие силы, которые, вследствие нищеты, вынуждены себя продавать и поступать на службу к крупному капиталу.

Так создается массовый промышленный пролетариат. Процесс, создающий его, начинается в пятнадцатом столетии вместе с развитием океанского парусного судоходства в европейских странах, расположенных у берегов океана. В девятнадцатом столетии он превращается во всеобщий, всемирный процесс, который продолжается до сих пор и будет продолжаться до тех пор, пока существует капиталистический способ производства. Или, быть может, было бы правильнее сказать: капиталистический способ производства может существовать лишь до тех пор, пока этот процесс продолжается полным ходом. Он уже не принимает больше грубых форм, в которые он облекался на первых стадиях своего развития: где экономическое могущество капитала достаточно, чтобы обеспечить ему возможность эксплоатации, он отказывается поддерживать его техническим превосходством своих военных вооружений. Поэтому наивные люди видят в росте экономического могущества капитала смягчение классовых противоречий и начало мирного отмирания капитализма. В действительности же он всего сильнее там, где он считает лишним апеллировать к грубому засилию вооруженной власти.

Вот при каких условиях возникает современный промышленный пролетариат, который в промышленных странах все в большей степени составляет главную массу населения. А, с другой стороны, на противоположном полюсе, в земледельческих странах скопляется все больше беднеющая масса сельских рабочих и мелких производителей, для которых собственность их, если они еще имеют ее, превращается в проклятие, в средство их же порабощения и эксплоатации. И они стараются уйти от этой нищеты путем эмиграции всюду, где они только могут еще сделать это: в Ирландии и России, в Италии и Испании, в европейской и азиатской Турции, в Египте и в Ост-Индии, в Китае и Японии.

Условия жизни, а вместе с ними и тенденции размножения сельского пролетариата во всех этих странах все больше становятся похожими на условия жизни люмпенпролетариата, судьба которого является для него неизбежной стадией в процессе его беспрерывного падения. Напротив, условия жизни промышленного пролетариата имеют тенденцию все больше возвышаться в сравнении с условиями жизни люмпенпролетариата, из среды которого он отчасти ведет свое происхождение.

В такой же степени, в какой люмпенпролетариат является паразитом, промышленный пролетариат составляет, напротив, необходимый фактор всего капиталистического производства. На нем, а не на крестьянстве или ремесле, покоится теперь растущее богатство и сила нации. Промышленный пролетариат все больше сознает свое значение, и это укрепляет его самочувствие, увеличивает его требования. Из робкого, трусливого нищего вырастает смелый, отважный борец.

Совершенно изменяется у промышленного пролетариата в сравнении с люмпенпролетариатом и тот фактор, который нас теперь больше всего интересует, а именно—плодовитость. На сцену является новый момент: *промысловый труд женщины вне семьи.*

Мы видим, что в деле продолжения рода наибольшая затрата сил падает на самку,—у млекопитающих больше, чем у других животных, у человека еще в большей степени, чем у млекопитающих, что это обстоятельство уже в начале охотничьего периода приводит к разделению труда между обоими полами, которое гонит мужчину на охоту, а женщину приковывает к детям и очагу.

Это разделение труда сохраняется до капиталистического способа производства и устраняется для некоторых групп женщин только таким путем, что эксплоатация, которой занимаются их мужья или отцы, освобождает их, вообще, от всякого труда, а следовательно, и от последствий разделения труда.

Разделение труда между мужчиной и женщиной и возложение на последнюю всего того, что называют домашним хозяйством (правда, часто без дома), вначале далеко не означало изоляцию каждой женщины в ее отдельном хозяйстве. Женщины данного племени работали вместе, воспитывали своих детей сообща. Но чем больше старая палатка вытесняется домом, избой, чем больше развивается частная собственность, в особенности на землю, тем больше деревня распадается на отдельные хозяйства, тем меньше становится каждое отдельное хозяйство. При этом вместе с развитием техники растут и требования, которые предъявляются к нему. Такое отдельное хозяйство становится все более недостаточным, чтобы удовлетворить эти требования, одна функция за другой отнимаются у него и вновь передаются общественному труду, который, однако, представляет теперь уже не общественный труд в рамках домашнего хозяйства, а особый профессиональный труд *вне* домашнего хозяйства. Капиталистическая техника в особенности употребляет все усилия, чтобы свести до минимума труд в домашнем хозяйстве и заменить его общественным трудом, хотя бы сначала еще капиталистически эксплоатируемым.

Таким образом, рабочая сила женщины все больше освобождается для труда вне домашнего хозяйства.

Капитализм использует этот процесс, чтобы ввести труд женщины в сферу своей эксплоатации. Но, уже по самой своей сущности, он даже необходимую и полезную функцию выполняет в таких формах, которые деградируют и угнетают пролетариат. Так поступает он при применении машин, и так же он поступает, когда вводит женский труд. Жадно срывает он с дерева плод раньше, чем тот созрел. Он больше заботится о том, чтобы путем понижения мужской заработной платы принудить женщину к промысловой деятельности, чем создать ей досуг для этого труда, путем ограничения ее труда в домашнем хозяйстве. Капиталистическое развитие для женщины представляет не столько замену труда в домашнем хозяйстве промысловым трудом, сколько прибавку к домашней работе промыслового труда, который, в свою очередь, имеет тенденцию расти еще больше.

Поэтому для пролетарок капитализм является эпохой самого беспощадного чрезмерного труда. Это, конечно, должно влиять на их плодовитость в высшей степени неблагоприятно. Но промышленный пролетариат и до сих пор еще не является классом, который в течение многих поколений может сохраняться при помощи естественного прироста в своей же среде, и очень сомнительно, чтобы он стал им в будущем. Напротив, чем дольше существует капиталистический способ производства, чем больше развиваются средства сообщения, тем больше усиливается приток из сельских округов, приносящий новые крестьянские элементы, которые сохранили еще крестьянскую плодовитость. Мы видели уже, что крестьянское хозяйство всюду развивает сильную естественную плодовитость, которая только при определенных общественных условиях ограничивается искусственным путем, главным образом, посредством затруднения брака для обездоленных.

Эти затруднения для промышленного пролетария не существуют, так как имущественные соображения его связывают так же мало, как и люмпенпролетария. Он не надеется получить состояние и для него не имеет никакого смысла откладывать заключение брака, пока он не составит себе состояние. Свой доход он получает не от состояния, а от прибыли своей рабочей силы, и он может и должен продавать последнюю раньше, чем он достиг половой зрелости. Он очень рано становится экономически самостоятельным и делается независимым от своей семьи, которая его не содержит уже больше. и потому не может вмешиваться в его личную жизнь. Это имеет одинаковую силу как для девушек, так и для юношей. Неудивительно поэтому, что молодые люди рано сходятся и производят потомство.

В Англии (1884—1885) средний возраст при заключении брака равнялся:

Профессия.	Жених.	Невеста.
Рудокопы	24,06	22,46
Текстильные рабочие	24,38	23,43
Сапожники и портные	24,92	24,31
Другие ремесленники	25,35	23,70
Поденщики	25,26	23,66
Клерки и бухгалтеры	26,25	24,43
Лавочники и приказчики	26,67	24,22
Фермеры	29,23	26,91
Свободные профессии и рантьеры	31,22	27,40

Момберт в цитированном уже выше сочинении [1]) приводит следующую таблицу Бертильона. На 10.000 холостых мужчин свыше 20 лет и незамужних женщин свыше 15 лет приходится браков:

Округа.	В Париже 1886—1895.	В Берлине 1886—1895.	В Вене 1891—1897.	
	Оба пола.	Оба пола.	Мужчины.	Женщины.
Очень бедные	291	440	901	670
Малосостоятельные	279	444	806	527
Состоятельные	247	303	840	489
Очень состоятельные	245	205	716	407
Богатые	210	260	566	287
Очень богатые	211	205	434	191
В среднем	254	318	730	423

Мы видим, как с возрастанием нужды увеличивается легкость, с которой заключаются браки.

При этом необходимо еще принять во внимание, что у пролетариев брачная жизнь почти всегда начинается раньше, чем она освящается законным браком.

[1]) *Mombert*, Studien zur Bevölkerungsbewegung in Deutschland, 1907, S. 92.

Чем раньше женщина вступает в половые отношения, тем больше период, в течение которого она сохраняет способность к деторождению, тем больше ее плодовитость.

Т. Дункан приходит к заключению, что наибольшей плодовитостью отличаются женщины, которые вступают в брак между 20 и 24 годами, что за ними следуют женщины от 15 до 20 лет, и что у женщин, выходящих замуж старше 24 лет, плодовитость значительно ниже» [1]).

Чем меньше оторвалась пролетарская женщина от крестьянской среды, тем скорее она развивает свойственную последней плодовитость. И еще в большей степени, потому что, в отличие от дикарки, она не должна кормить своего ребенка годами и таскать его. Капитализм доставляет ей суррогат для замены материнского молока, и воспитательные дома, как суррогат для материнского ухода. Таким образом, затрата сил на размножение для нее, в сравнении с дикаркой, значительно уменьшается.

Правда, промысловая деятельность пролетарской женщины производится при более неблагоприятных условиях, чем труд дикарки. Последняя день и ночь трудится на открытом воздухе, и работа ее в высшей степени разнообразна. Напротив, труд женщины на фабрике отличается крайней монотонностью, рабочая мастерская и комната, где она спит, всегда очень плохо вентилируются. Питание, правда, более регулярно, но менее достаточно, чем у дикарки, которая большей частью питается дичью, а не жидким кофе и картофелем.

Но все это приводит только к тому, что пролетарка быстро стареет и рано умирает, но это нисколько не мешает ей до того народить целую кучу детей. Условия пролетарского существования гораздо больше увеличивают смертность, чем ограничивают плодовитость пролетарок.

Даже во Франции, классической стране «системы двух детей», где искусственное ограничение числа рождений проникло из среды крестьянства и мелкой буржуазии в пролетариат и широко распространилось в нем,—противоположность между пролетарским и буржуазным размножением населения выступает все еще довольно ясно.

И Гольдштейн цитирует в своем сочинении «Проблема народонаселения и распределение профессий во Франции» [2]) упомянутую уже статистику Бертильона, который сгруппировал двадцать округов Парижа соответственно благосостоянию их жителей и числу рождений в год на 1.000 женщин в возрасте от 15 до 50 лет. В бедных округах, разумеется, живут почти только бедняки. Напротив, в богатых живут не только богачи, но еще и значительное число бедных. Это несколько стушевывает картину, которая иначе показывала бы еще более резкие контрасты.

Бертильон определил число рождений в округах:	Число рождений на 1.000 женщин.
Очень бедных	108
Пять округов с рождаемостью от 100 (Монмартр) до 116 (Менильмонтан).	
Недостаточных	95
Три округа с рождаемостью от 93 (Попенкур) до 99 (Обсерватория).	
Зажиточных	72
Пять округов с рождаемостью от 69 (Сен Лоран) до 78 (Отель де Виль).	
Очень зажиточных	65
Два округа с рождаемостью от 63 (Париж) до 65 (Люксембург).	
Богатых	53
Четыре округа с рождаемостью от 47 (Опера) до 57 (Палэ Бурбон).	
Очень богатых	34
Один округ (Елисейский).	

Следовательно, в пролетарских кварталах рождаемость более чем в три раза превышает число рождений в самом богатом квартале. Конечно, в последнем, причиной незначительного числа рождений служит не только незначительная плодовитость замужних женщин. В известной степени это явление объясняется большим количеством женской прислуги, осужденной на безбрачие. В самых бедных кварталах на 1.000 домохозяйств приходится 50 человек прислуги, в самых богатых—870.

Характерны также другие данные, приводимые у Гольдштейна и показывающие прирост народонаселения от 1861 до 1895 г.

Согласно этим данным, естественное движение населения выражалось в следующих цифрах (+прирост,—уменьшение):

Период.	Во всей Франции.	В Северном Департаменте и Па де Кале.
1861—1865	+ 716 000	+ 91.000
1876—1880	+ 532.000	+ 109.000
1881—1885	+ 469.000	+ 111.000
1886—1890	+ 201.000	+ 102.000
1891—1895	— 1.400	+ 103.000

[1]) *Haycraft*, Naturliche Auslese und Rassenvererbung, 1895, S. 174.
[2]) *Goldstein*, Bevolkerungsprobleme und Berufsgliederung in Frankreich.

Участие обоих департаментов в приросте населения во Франции становится, следовательно, с каждым годом все больше. В пятилетие 1861—1865 г.г. оно составляло 13 процентов, немного больше $^1/_{10}$, в 1886—1890 г.г. уже 51 процент, свыше половины, а в пятилетие 1891—1895 г.г. оба департамента дали прирост больше, чем в 100.000 чел. В то же время общее население уменьшилось на 1.400, а *без прироста*, доставленного этими департаментами, оно уменьшилось бы более, чем на 100.000 душ. Но Северный департамент (Nord) и департамент Па де Калэ составляют центры крупной промышленности Франции, ее текстильной и железоделательной промышленности, а также и всего горного дела, а вместе с тем они образуют главные центры крупно-промышленного пролетариата и французского *социализма*. В одном только департаменте Nord социалисты получили в 1902 году 60.000 голосов, а в 1906—106.000, т.-е. больше, чем на 75 процентов. Следовательно, в этих департаментах увеличивается не только народонаселение, но и число социалистов.

Но быстрое приращение населения не является неизменным законом и в среде пролетариата. Мы видели в первой главе, что в течение последних трех десятилетий число рождений уменьшается у всех капиталистических наций. Это относится также и к пролетариату. Так, английская вспомогательная касса Hearts of Oak, насчитывавшая в 1904 году 272.244 члена, отмечает непрерывное уменьшение числа случаев, в которые она выдает пособие роженицам. На тысячу членов приходилось таких случаев:

1866—1870	226	1886—1890	176
1871—1875	230	1891—1895	150
1876—1880	243	1896—1900	130
1881—1885	217	1900—1904	120

И в этом случае понижение начинается с 1881 года.

Ввиду всех этих фактов среди представителей буржуазной экономии возникло новое направление, которое в противоположность закону народонаселения Мальтуса выдвигает новый закон: перенаселение есть следствие нищеты. Капиталистическое общество производит непрерывное увеличение благосостояния и культуры, и чем выше благосостояние и культура, тем меньше число рождений. Следовательно, уменьшение рождаемости только доказывает, что мы живем в лучшем из миров.

Но этот новый закон народонаселения, который имеет силу для всех времен, имеет, к сожалению, тот недостаток, что он опирается только на опыт последних трех десятилетий. До 1880 года его действие было совершенно незаметно.

Разве капиталистическое общество до этого времени не увеличивало благосостояния и культуры? Или оно внезапно в течение последних трех десятилетий превратилось в свою противоположность?

Поэтому, вместо того, чтобы удовлетвориться общей беллетристической фразой о «благосостоянии и культуре», мы лучше спросим себя, в чем заключаются те особенные условия, возникшие в течение последнего столетия, которые повлияли на уменьшение числа рождений даже в среде пролетариата?

И мы сейчас же встречаемся с фактором, на который наталкиваются все наблюдатели, но который не имеет никакого отношения к «благосостоянию и культуре». Это—стремление *науки и техники* найти средства, которые мешали бы зачатию. До этого времени предупредительные средства против зачатия были зачастую очень примитивны, грубы, отвратительны и вредны, и только с семидесятых годов существуют такие, производимые фабричным путем, средства, которые все больше становятся всем доступны, вполне безвредны, не возбуждают отвращения и не причиняют никаких неудобств.

Однако наличность таких предупредительных средств сама по себе была бы еще недостаточна, чтобы объяснить уменьшение числа рождений, если бы не возрастала потребность в них.

Прежде всего приходится указать на такой огромной важности факт, как распространение *женского труда* и в мелко-буржуазных кругах, которое делает исполинские успехи как раз с начала восьмидесятых годов. Разложение семьи вследствие промысловой деятельности женщины делает, как мы видели выше, последнюю все более самостоятельной и облегчает ей возможность вступить в законную или незаконную связь с мужчиной, но затрудняет ей воспитание детей, с которыми она разлучена в течение целого дня, и за которыми она не может ухаживать сама. Потому положение трудящейся женщины, вынужденной поручать уход за детьми чужим людям, тем лучше, чем меньше она имеет детей.

Сюда присоединяется рост *больших городов*. В деревне и даже маленьком городишке детей легко воспитать. Они имеют возможность свободно играть на открытом воздухе, и резвость их вносит освежающую струю в монотонность деревенской жизни. Иное дело в большом городе, где дети несостоятельных родителей должны тесниться в маленьких комнатах, где их живость и резвость превращается в муку для них и окружающих их взрослых, где вся их жизнь про-

текает без радости и превращается в непосильное бремя для их родителей. И чем их меньше, тем лучше.

Рост крупных городов, развитие женского труда в связи с усовершенствованием и распространением пердупредительных средств—вот, по всей вероятности, главные причины уменьшения числа рождений со времени восьмидесятых годов. Возможно, что в том же направлении действует еще другой фактор, по крайней мере на европейском континенте. Это—переход к *всеобщей воинской повинности,* которая была следствием войны 1866 и 1870 г.г. Военная служба на целые годы переносит всю способную к оружию молодежь в обстановку казармы и связанной с ней проституции и превращается, таким образом, в могучее орудие распространения венерических болезней среди всего населения. Рост крупных городов также влечет за собой развитие проституции и увеличение числа венерических заболеваний.

Все это факторы, которые особенно сильно проявляют свое действие в течение последнего поколения во всех капиталистических государствах. Именно, их влиянию мы можем приписать, главным образом, уменьшение числа рождений

Но назвать все это ростом «благосостояния и культуры» во всяком случае не приходится.

Нельзя поэтому также сделать из этих фактов вывод, что достаточно распространить благосостояние и культуру, чтобы сделать невозможным перенаселение; с другой стороны, также мало есть оснований опасаться, что благостояние и культура грозят человечеству обезлюдением. Можно только сказать, что, пока действуют перечисленные выше факторы, дальнейшее развитие капиталистического способа производства грозит капиталистическим нациям приостановкой в росте их населения, тогда как земледельческие нации будут продолжать быстро размножаться. Как и в эпоху Римской империи, необыкновенная плодовитость варваров может снова стать источником опасности для бесплодных культурных наций.

И это в свою очередь является одним из тех противоречий, которые, как зловещее предзнаменование для капиталистического способа производства, показываются на его горизонте.

Во всяком случае, мы можем констатировать, как результат нашего исследования, что точно так же как размножение нации, так и размножение отдельного класса имеет тенденцию, которая, при всех условиях, действует с одинаковой силой и одинаковым образом. Уже естественная плодовитость изменяется в высшей степени сильно вместе с изменением условий жизни. К этому присоединяются, в ходе общественного развития, различные влияния социального характера, этические и экономические требования, действующие на прирост населения то как задержка, то как поощрение. Притом мы приняли во внимание только те факторы, которые определяют уровень рождаемости. Между тем на размеры действительного прироста населения влияет в очень сильной степени также норма смертности, которая в свою очередь в сильнейшей степени зависит от общественных условий. В силу всего этого каждая социальная эпоха, нация, страна, каждый класс имеют свои особенные условия и нормы размножения.

С другой стороны, мы видим также, что и поднятие уровня средств существования совершается далеко не прямолинейным путем, что этот уровень испытывает различные перемены. И обе тенденции, поднятие уровня средств существования и размножение населения, далеко не всегда развиваются параллельно. Они могут даже развиваться одновременно в противоположном направлении—правда, не долго, ибо, в конечном счете, один фактор находится в зависимости от другого. Человек не может жить без средств существования. Но он сам производит их. Без средств существования нет людей, без людей нет производства средств существования.

В силу всех этих различных возможностей мы не можем принять для человека закон народонаселения, который был бы действителен при всех условиях. Каждый социальный тип имеет свой особенный закон народонаселения, вытекающий не из простых, всеобщих естественных условий, а из самих изменчивых социальных условий. Вот почему он так часто является необыкновенно сложным.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сельское хозяйство и капитализм.

Если тенденции размножения народонаселения так же изменяются, как и возможность расширения пределов средств существования, если эти пределы находятся в зависимости от различных условий, тогда, понятно, трудно сказать заранее, каковы будут эти пределы в обществе, которого мы еще не знаем, основу экономического развития которого мы можем обрисовать только с приблизительной точностью.

Но точно так же, как бравый кот не может отказаться от охоты на мышей, не может и мало-мальски дельный социалист отказаться от предсказаний. Он не может удовлетвориться существующими условиями, он должен бросить взгляд в будущее, которому посвящена вся его работа в настоящем. Только тогда отдельные, раздробленные части его обыденной, практической работы, которую он исполняет в настоящее время, получают единство, силу и значение, когда все они объединены в стремлении к общей, великой и отдаленной цели, которой они подчиняются, и к которой они приспособляются.

Правда, эта цель не должна быть слишком далекой, если мы хотим, чтобы она действовала плодотворным образом на всю нашу работу в настоящем. Именно те социалисты, которые обыкновенно смеются над пророчеством марксистов, предсказывают наступление социализма ровно через *пятьсот лет*. Наши пророчества не так смелы. То, что будет через пятьсот лет, нас очень мало беспокоит и нам совершенно неизвестно. Людей того времени будут занимать совершенно иные проблемы, чем освобождение пролетариата, и социализм будет для них такой же академической темой, как для нас, например, обладание гробом господним, за которое крестоносцы так долго и упорно боролись.

Но, если бы мы даже согласились, что верхом трезвенной реальной политики являются заботы только о ближайших шагах нашей практической деятельности, то уже противники наши заставили бы нас пуститься в область предсказаний, ибо они своими пророчествами вынуждают нас заняться вопросами будущего. Между прочим, они утверждают что наша современная деятельность будет иметь в высшей степени вредные последствия. И кто хочет обеспечить успех нашей работы в настоящем, должен стараться понять ее последствия, хотя бы для него ограниченность являлась венцом практической деятельности.

Одним из главных возражений против нас является положение, что освобождение рабочего класса не только не поведет к уничтожению нищеты, а, напротив, через короткий срок сделает ее всеобщей.

Чем больше будет благосостояние, которое принесет социализм рабочим, тем скорее размножение народонаселения выйдет за пределы средств существования.

На основании наших исследований, мы могли бы просто ответить, что ничем не доказано, что социализм должен привести к таким последствиям. Ничто не принуждает нас согласиться с положением, что в социалистическом обществе

размножение населения должно пойти непременно быстрее, чем возможное расширение пределов средств существования. Каждая общественная форма имеет свой определенный закон народонаселения, а каков будет этот закон в социалистическом обществе—еще неизвестно.

Конечно, ответ этот был бы неопровержим, но практически он был бы недостаточен. Он, быть может, удовлетворил бы еще какого-нибудь ученого, который, сидя у себя в кабинете, размышляет над вопросами будущего, оставляя без внимания злободневные вопросы, но он не может удовлетворить борца, которому предстоит еще ожесточенная борьба. Где бы нашел он необходимые силы и мужество, если бы сомневался в конечной победе? Мало еще ответить на возражение противников—социализм, мол, неизбежно поведет к гибели!—что положение это далеко не доказано. Мы должны поэтому, волей-неволей, снова заняться «предсказаниями», и сделать попытку достичь более определенных результатов по вопросу об условиях поднятия уровня средств существования и размножения народонаселения в социалистическом обществе.

По отношению к вопросу об изменении уровня средств существования это можно сделать сравнительно легко. Экономические основы общества—фундамент, над которым воздвигается вся общественная надстройка—отличаются сравнительной простотой и ясностью, и потому нам легче проследить возможные формы их в будущем обществе, чем формы общественной надстройки.

Мы пришли выше к заключению, что дальнейшее расширение средств существования возможно не при всяких условиях, и не всегда в одинаковой степени. Так, уровень средств существования может оставаться неизменным в течение столетий, а при некоторых условиях и в течение тысячелетий, а потом вдруг подняться так быстро, что за ним не поспеет никакое размножение даже в течение ряда поколений.

И если мы рассмотрим современные условия дальнейшего развития сельского хозяйства, то мы придем к различным выводам, смотря по тому, обратим ли мы наше внимание на *технику* или *экономику* его: техника, как мы уже сказали, это—степень господства человека над силами природы, экономика—отношения, в которые вступают друг к другу люди, занятые в процессе производства в широком смысле этого слова. На этом примере мы снова видим, как необходимо принимать во внимание различие между техникой и экономикой.

Техника сельского хозяйства теперь очень быстро прогрессирует. Не только техника машиностроения, не только техника сельско-хозяйственных построек и мелиораций, но и научное познание условий жизни организмов. Каждый год приносит новые поразительные открытия, применение которых должно сильно поднять производительность сельско-хозяйственного труда.

Но *применение* это далеко не поспевает за быстрыми успехами открытий и изобретений. В сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, развивающаяся техника только с трудом, медленно и далеко не совершенно овладевает процессом производства. Разница между *возможной и действительной* производительностью труда в сельском хозяйстве становится все больше. В этом смысле сельское хозяйство, несмотря на весь прогресс техники, становится технически все более отсталым—не абсолютно, а относительно—в сравнении с развитием естествознания и техники.

И это явление объясняется не природой сельско-хозяйственного труда, как думают многие, а экономическими условиями, созданными капитализмом в сельском хозяйстве. Мы имеем в данном случае дело не с законом природы, а с социальным законом. Только благодаря *частной собственности на землю и наемному труду* все более увеличивается техническая отсталость в сельском хозяйстве.

Мы знаем уже, как в процессе развития крестьянства возникла аристократия. Вместе с ней образовалась и государственная власть. И та, и другая старались оторвать в свою пользу как можно больше от избытков, производимых трудящимся населением в сельском хозяйстве, вследствие чего обе они мешали техническому прогрессу сельского хозяйства, а иногда даже вели к его регрессу.

Подобный упадок замечается и в последний период феодализма. После победы, одержанной над ним во Франции Великой Революцией, начался быстрый расцвет сельского хозяйства. Но вскоре начался новый период эксплоатации сельского труда. Теперь, в эпоху капиталистического товарного производства, основу эксплоатации образует неразрывно связанная с ним частная собственность на средства производства, следовательно, и на землю. Земледелец не является более крепостным, у него нет никаких натуральных повинностей, но он обязан уплатить *денежную поземельную ренту*. Яснее всего это обнаруживается при арендной системе. Арендатор обязан уплатить землевладельцу за разрешение обработать его землю плату, которая включает весь излишек, превосходящий труд арендатора, или заработную

плату его наемных рабочих и уплату прибыли на приложенный капитал. Арендная плата за плодородную или лучше расположенную землю, всегда выше, чем за неплодородную или неудобную. Она увеличивается, когда, при неизменившихся издержках производства, увеличиваются цены на произведения земли.

Таким путем арендаторы каждой страны отдают огромные суммы землевладельцам вместо того, чтобы затратить эти суммы на улучшение сельского хозяйства, а последние прокучивают или покупают на них промышленные акции. Арендная система не только отнимает у сельского хозяйства богатые средства, которые могли бы служить для увеличения его производительных сил, но парализует также и стимул для увеличения этих сил.

Главным стимулом для развития производительных сил является в капиталистической промышленности прибавочная прибыль, которую может получить капиталист, когда он улучшает технику своего предприятия выше среднего уровня. В сельском хозяйстве всякая добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли, которую может дать предприятие, рассматривается, при заключении контракта, как поземельная рента, которая принадлежит землевладельцу. Арендатору не представляется, таким образом, никакой выгоды затратить капитал на какие-либо улучшения, вся возможная прибыль которых, при возобновлении контракта, пойдет на пользу не ему, а землевладельцу.

Можно думать, что там, где землевладелец сам занимается сельским хозяйством, дело обстоит лучше. Ему остается тогда поземельная рента и всякая возможная добавочная прибыль. В действительности же, частная собственность на землю и здесь действует задерживающим образом на техническое развитие, хотя в других формах и более скрыто. Правда, поземельная рента тут *прежде всего* попадает к землевладельцу, но только до первой смены собственника, которая в самом позднем случае происходит со смертью владельца. В Пруссии 6 процентов (в последнем десятилетии почти регулярно 6,6 процента) поместий ежегодно меняют своих владельцев, т.-е., в среднем, каждое поместье раз в 15 лет. Новый землевладелец, вступая во владение поместьем, или должен выплатить часть сонаследникам, или же уплатить всю «стоимость» купленного поместья. Эта так называемая стоимость и есть капиталистическая поземельная рента; чем выше подымается поземельная рента, тем больше, при одинаковой норме процента, и денежная сумма, которую должен уплатить новый земле-

владелец за свое поместье. Платить он может двояким образом. Если он владеет необходимой для этого наличностью, он передает ее бывшему владельцу; но тогда он уменьшает на эту сумму денежный капитал, который он мог бы употребить на обзаведение инвентарем и улучшение предприятия. Но такие случаи представляют исключение. В большинстве случаев у него не имеется достаточных денежных средств: он закладывает тогда землю и из года в год выплачивает поземельную ренту в виде ипотечных процентов ростовщику или банку, которые являются теперь действительными землевладельцами и тем больше выжимают денег из сельского хозяйства, чем больше поднимается поземельная рента. Повышение цен на произведения земли, благодаря которому повышается поземельная рента, означает только временное улучшение положения сельских хозяев. При первой смене владельцев оно превращается в свою противоположность.

Повышающаяся поземельная рента тем обременительнее действует на сельское хозяйство, что, при смене владельца, в определение «стоимости» поместья входит не только *настоящая*, но и *ожидаемая* поземельная рента. Вся имеющаяся в виду добавочная прибыль, таким образом, учитывается заранее. Так, проценты на затраченный капитал часто превышают ренту, и, если не происходит ожидаемое повышение цен, покупатель попадает в безвыходное положение. Эта добавочная прибыль, которая служит таким могучим стимулом для технического развития в промышленности, в сельском хозяйстве—не только при арендной системе, но и при самостоятельном ведении хозяйства—вследствие смешения ее с поземельной рентой, вредит производству и задерживает техническое развитие.

Частная собственность еще иным путем действует задерживающим образом на технический прогресс в сельском хозяйстве. Мы видели, что, при каждом способе производства, имеется определенная величина отдельного предприятия, которая является наиболее производительной. И тут видно различие между техникой и экономикой. Рост капитала—т.-е. основанной на частной собственности на средства производства эксплоатации наемного труда—может совершаться до бесконечности, и всегда при этом более крупный капитал победит мелкий. Но для каждого отдельного предприятия имеется, наоборот, определенная величина, за пределы которой его нельзя расширить, не уменьшая его производительности. В разных отраслях производства и в разное время величина эта бывает различна, но она всегда

имеет тенденцию расти вместе с прогрессом техники, по крайней мере, по отношению к *количеству производимых отдельным предприятием продуктов* и количеству приложенного *постоянного капитала* (сырья, машин и т. д.); но не всегда по отношению к числу *занятых рабочих*, и еще менее по отношению к обрабатываемой *земельной площади*.

Чтобы общество достигло возможного при данных средствах производства максимума производительности, оно должно стараться, чтобы все предприятия достигли, соответственно высоте техники данной отрасли производства, максимальных размеров.

Но при капиталистическом способе производства, основой которого является частная собственность на средства производства, достигнуть этого нельзя. Правда, там, где бесцельность этого ясно видна, ни одно предприятие не расширится за максимальные пределы. Но, наоборот, одно сознание, что предприятие слишком мало, нисколько не поможет предпринимателю развить большую производительность: если у него нет капитала, у него нет возможности расширить свое предприятие.

Это одна из причин, почему при капиталистическом способе производства теоретически возможная высшая производительность труда в действительности не достигается, почему бóльшая часть,—значительно бóльшая часть предприятий,—не достигает пределов этой производительности, а некоторые совсем отстают в этом отношении. Как ни энергично капиталистический способ производства развивает технический прогресс, но он не в состоянии вполне его использовать.

Но еще больше, чем в промышленности, явление это заметно в сельском хозяйстве. И не только потому, что тут медленнее, чем в промышленности, совершается накопление капитала, и что вследствие этого и стимул для улучшения меньше, но и потому, что частная собственность на землю ставит расширению каждого предприятия совершенно иные преграды, чем в промышленности. В сельском хозяйстве земля является главным средством производства, и величина предприятия, не исключительно, но главным образом, зависит от площади земли, которую оно занимает. Понятно, что там, где, при переходе к высшей технике, оказывается, что предприятие имеет слишком много земли, легко уменьшить его. Но значительно труднее поправить обратное явление, а оно случается значительно чаще. Только очень крупные предприятия имеют тенденцию продать наиболее отдаленные участки. В большинстве же предприя-

тий практики придерживаются совершенно иных взглядов, чем те литераторы, которые считают себя знатоками-практиками сельского хозяйства и поют хвалу мелкому хозяйству. Настоящие практики готовы с жадностью наброситься на лишнюю землю, и всеми силами стараются как можно больше расширить свое предприятие. Но площадь земли нельзя, как число машин, по желанию увеличить. Сельский хозяин может расширить свое предприятие только за счет своих соседей, но они имеют ту же самую тенденцию, и все, благодаря частной собственности, крепко сидят на своей земле, от которой они отказываются разве только в случае банкротства.

Улучшение хозяйства, путем расширения обрабатываемой земельной площади, встречает непреодолимые преграды. Даже только более целесообразное распределение обрабатываемой земли, которое казалось бы не должно было встретить затруднений, все же часто наталкивается на исторически образовавшуюся парцелляцию земельных участков и чересполосицу, которая является результатом беспрерывной смены владельцев.

Ко всем препятствиям, возникшим благодаря *частной собственности*, присоединяются еще препятствия, создаваемые системой *наемного труда*.

Первоначальная форма труда была форма *общественная*. Изолированный первобытный человек, Робинзон, который, якобы, существовал на заре истории человечества, является открытием современного буржуазного воображения. Только благодаря общественному труду, благодаря совместной деятельности с другим, мог первобытный человек удержаться в борьбе за существование и развиваться дальше.

Чем менее совершенно было у первобытных людей оружие, тем более необходимо было им объединяться в группы, чтобы быть в состоянии одолеть диких зверей. Нужно ли было им устроить ямы и западни, чтобы ловить хищников и копытных животных, или же напасть в открытой борьбе на буйволов и медведей, которых можно ловить только, когда кто-нибудь находится впереди животного, а другие позади; или же, наконец, устроить облаву на бегунов, когда одни должны прятаться, а другие сторожить животное,—во всех этих случаях им приходилось действовать сообща.

Точно так же, как и охота, домашнее хозяйство было первоначально общественным хозяйством. Женщины только тогда могли справиться со своими разнообразными работами, когда помогали друг другу.

Мы видим, что, еще при кочевом периоде, домашнее хозяйство, как и занятия мужчин, ведется на общественных началах. Один человек не в состоянии был пасти стадо и защитить его от многочисленных врагов.

Такое же общинное хозяйство с общественным трудом мы видим в первом периоде земледельческого хозяйства. Если и теперь еще некоторые специалисты в аграрном вопросе утверждают, что сельское хозяйство, по самой природе своей, не мирится с общественным трудом, то они этим только доказывают, что все их миросозерцание ограничивается тесными рамками современного общества, основанными на товарном производстве. В некоторых странах Европы, как, например, у южно-славянских народов, еще в девятнадцатом столетии, господствовала *семейная община* (задруга), как главная форма земледельческого хозяйства. Группа братьев под руководством старшего, вместе с детьми и внуками, составляли одно товарищество: они вели общее домашнее хозяйство и сообща обрабатывали землю.

И если о какой-либо форме труда можно сказать, что она более всего соответствует человеческой природе, то, уже, конечно, только об общественной форме труда, которая насчитывает сотни тысяч лет и господствовала всюду до появления более развитой формы товарного производства.

Вместе с развитием товарного производства и связанной с ним частной собственности на средства производства, общинный труд теряет всякую почву. При этих условиях только две формы труда имеют прочное существование. Во-первых, собственники средств производства работают сами. Но, при господстве частной собственности, они могут это делать только в качестве изолированных производителей в мелких предприятиях. При существующей форме собственности крупные предприятия могут существовать только в том случае, когда *на-ряду* с собственником средств производства,—а когда размеры предприятия позволяют, то и *без его* помощи,—принуждены работать на него также рабочие. Эта принудительная работа только тогда, конечно, выгодна предпринимателю, когда рабочие производят излишек продуктов, который превышает издержки на их содержание. И предприниматель всеми силами старается выжать этот излишек. В капиталистическом способе производства этой принудительной властью является нужда обездоленного рабочего, у которого имеется только один товар для рынка—его рабочая сила.

В рамках этого способа производства производительные товарищества, как вновь созданные, так и сохранившиеся от

прежних времен, не могут рассчитывать на прочное существование. Частная собственность на средства производства всюду берет верх и, спустя некоторое время, в товариществе происходит деление на владельцев средств производства и обездоленных рабочих.

Это явление может быть вызвано различными причинами: счастьем одних и несчастьем других; различием характера: одни—строгие аскеты, другие—любящие пожить, расточители; одни—бессердечные эгоисты, другие—простодушные и доверчивые альтруисты; различиями физической или нравственной силы и т. д. Такое деление неизбежно. Но не как естественный закон всякого общества, как думают буржуазные ученые, а как неизбежный закон развитого товарного производства. Но это делает невозможным не социалистическое производство вообще, а социалистическое производство на основе производства товарного.

Чем больше товарное производство проникает в сельское хозяйство, тем скорее уничтожает оно там первоначальное общинное производство. Промышленные продукты, которые вначале производились в самой сельско-хозяйственной общине, доставляются теперь городскими ремесленниками, которые делают их лучше и с меньшей затратой труда. Таким образом создаются в сельско-хозяйственной общине излишние рабочие силы. С другой стороны, городское ремесло представляет картину самостоятельных предприятий, в которых каждый взрослый человек сам себе господин. Все это побуждает младших братьев в сельско-хозяйственном товариществе освободиться от господства старшего брата и попытать счастье в городе.

При товарном производстве необходимо, чтобы производитель мог свободно распоряжаться произведенными продуктами и средствами производства. Прежде всего в городском ремесле. Чем больше крестьянин производит для рынка, чем ближе он соприкасается с городским ремеслом, чем меньше произведенных им продуктов остается для домашнего потребления, и чем больше они принимают форму денег, которыми может распоряжаться глава сельской общины, тем больше последний начинает чувствовать себя собственником, а не управляющим семейной собственностью и старается превратить своих меньших братьев в простых наемных рабочих, которые не имеют никакого права на семейное имущество. Остающиеся в деревне младшие братья не имеют теперь возможности жениться: только его дети являются законными наследниками.

Крупное крестьянское хозяйство ничем не отличается теперь от хозяйства аристократов, которые с самого начала обрабатывали свои владения при помощи принудительного труда, рабов или крепостных. И в хозяйстве феодальных аристократов принудительный труд, рано или поздно, заменяется трудом наемным, как только нищета рабочих сил становится массовым явлением.

Крупное крестьянское хозяйство лучше сохраняется в местностях, господствующим занятием которых является скотоводство; оно требует больше труда, чем могут дать крестьянин и его жена; так, например, в малонаселенных горных долинах, где один крестьянский двор находится в нескольких часах расстояния от другого, и где каждое хозяйство почти предоставлено самому себе.

На плодородных равнинах, на которых земледельческое хозяйство дает большие избытки и возможно более плотное население, соединяющееся в деревни, где один помогает другому, уничтожение сельско-хозяйственной общины не приводит обязательно к крупному хозяйству с наемным трудом. В местностях, почва которых только слегка вспахивается, где плуг не встречает особых трудностей, с обработкой земли может справиться и один человек. Тут в крайнем случае даже и корова может тащить плуг. Разведение крупного скота в хозяйстве с одной мужской и одной женской рабочей силой почти невозможно. Но при развитом товарном производстве в этом нет необходимости. Крупные крестьяне скотоводы могут обменять свой излишек скота на произведенный мелким крестьянином излишек хлеба. Конечно, мелкому крестьянину приходится ограничиться одной или двумя штуками крупного скота, который служит ему для хозяйства или доставляет молоко. От мясной пищи ему приходиться отказаться.

В сельском хозяйстве, таким образом, имеются только две формы производства, которые могут рассчитывать на дальнейшее распространение в капиталистическом обществе: или крупное хозяйство с наемными рабочими, или карликовое хозяйство, которое обрабатывается крестьянином при помощи жены и детей. При этих условиях общинное хозяйство может существовать только, как исключение.

Вполне понятно, что такое карликовое хозяйство не может использовать всех средств современной науки и техники. О научном образовании у крестьянина не может быть и речи; хорошо еще, если он знаком с грамотой. Хозяйство мелкого крестьянина напрягает до крайней степени рабочую силу последнего. Чтобы механизм хозяйства не приоста-

новился, крестьянин должен неустанно работать. Если крестьянин семейной общины был жизнерадостный человек, который не любил изнурять себя в работе, то в настоящее время мелкий крестьянин превратился в неутомимое вьючное животное. Именно потому, что крестьянское мелкое хозяйство развивает в своих владельцах и их наследниках такую жадность к труду, которая, наконец, превращается в их вторую природу,—крестьянское мелкое хозяйство было всегда фаворитом буржуазной политической экономии. Не менее привлекательным для последней является и то политически реакционное настроение, которое господствует среди мелких крестьян, всюду, где они миновали период феодальной эксплоатации.

Дети мелкого крестьянина нужны ему для хозяйства. Для посещения высшей школы у них нет ни времени, ни денег. Если же, вопреки всему этому, кому-нибудь из них, благодаря своей энергии или счастью, удается попасть в такую школу и чему-нибудь там научиться, то он считается потерянным для хозяйства, так как он не имеет возможности применять в нем свои знания и добиться условий жизни, к которым привык интеллигентный человек.

В хозяйстве, состоящем из мужа и жены, является невозможностью даже самое примитивное разделение труда. Невозможно это и для скота, если в доме имеется только одна штука крупного скота.

Чтобы обзаводиться машинами, обыкновенно нет денег. Крестьянин выбирает мелкое хозяйство не потому, что считает его по размерам самой рациональной формой производства; размеры эти являются только следствием бедности. Все главные заботы крестьянина направлены не на *улучшение* почвы, а на расширение хозяйства. Он знает, что в рамках карликового хозяйства никакое рациональное хозяйство невозможно. Тут нет возможности применить лучшие машины. Вряд ли найдется машина, которую можно было бы при этих условиях вполне использовать.

Мелкое крестьянское хозяйство является самым могучим препятствием для технического прогресса в сельском хозяйстве. Чем больше сохранится эта форма хозяйства, и чем быстрее пойдет прогресс техники и науки в обществе, тем крупнее будет различие между *возможной и действительной* высотой производительности в сельском хозяйстве.

Но и вторая альтернатива, наемный труд, влияет на технический прогресс в сельском хозяйстве не на много благоприятнее.

Чем больше работа становится монотонной, тем больше

действует она отталкивающим образом. Если в начале развития культуры многие работы доставляли удовольствие человеку, то, с развитием общественного прогресса, количество таких работ в области материального производства все более уменьшается. Самым сильным стимулом к труду в этой области все более становится *продукт* труда. Но продукт достается рабочему только тогда, когда он является собственником средств производства, т.-е. при невозможности кооперативных предприятий только в мелком хозяйстве. Мелкое хозяйство получает, таким образом, не только стимул к труду, но и стимул к бережливости, к бережному отношению к средствам производства и полезным животным, к бережливому употреблению сырого материала и вспомогательных средств,—стимул, которого не знает труд в чужих предприятиях, т.-е. в крупном производстве (если организация труда на товарищеских началах невозможна), в производстве с принудительным трудом, например, рабов или крепостных и при системе наемного труда. В настоящее время капиталист вводит технические усовершенствования не там, где они сберегают *труд*—капиталист сам не работает, а рабочее время эксплоатируемых им рабочих его мало беспокоит,—а там, где они приносят *прибыль*. Работая в собственном предприятии, рабочий вырабатывает больше и дает лучшую работу, чем в чужом предприятии. Чтобы последние могли вытеснить первые, они должны технически превосходить их в значительной степени. Техническое превосходство не означает еще экономического превосходства. Вследствие этого сильно замедляется введение технических усовершенствований; и такое замедление является одной из причин, почему при капиталистическом способе производства действительная производительность всего общественного труда всегда отстает—и должна отставать—от возможной технической производительности.

Препятствие это одинаково действует как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, но в последнем в значительно большей степени. В промышленном заведении все работы производятся в тесном помещении, рабочий почти всегда делает одну и ту же работу и остается на одном месте. Все это облегчает надзор за ним. С другой стороны, ясно видно и легко поддается измерению, насколько успешно идет работа—столько-то метров пряжи, столько-то тонн угля и т. д.

Путем аккордной системы можно побудить рабочих к более интенсивному труду, при этих условиях легко также определить испорченную работу определенных рабочих или

групп рабочих и ввести прибыльную для капиталистов систему штрафов.

В сельском хозяйстве работы производятся на протяжении большого пространства, рабочие часто меняют работу и место. При этих условиях трудно и дорого установить надзор за ними. В сельском хозяйстве очень редко, разве только при косьбе и молотьбе, удается с точностью определить успешность труда, поэтому тут куда меньше, чем в промышленности, применяется аккордная плата и аналогичные средства для побуждения рабочих к более интенсивному труду или меры для предотвращения порчи работы.

Ко всему этому присоединяется еще и другой задерживающий элемент. Технический прогресс, именно, применение машин, выражает тенденцию к упрощению труда. Но это относится только к рабочим массам, на-ряду с которыми требуется также целый ряд интеллигентных и обученных рабочих сил. В промышленном городе таких элементов много, но в деревне в них ощущается все больший недостаток.

Как в городе, так и в деревне, вместе с развитием капиталистического способа производства, все более увеличивается жадность к труду владельцев мелких предприятий, с одной стороны, и эксплоатация рабочих владельцами крупных предприятий—с другой. Как в городе, так и в деревне, растет стремление к увеличению рабочего дня, а там, где это невозможно, к увеличению интенсивности труда. В городах рабочие объединяются для борьбы с напором капитала для уменьшения рабочего дня, чтобы получить возможность пользоваться удовольствиями жизни. Город предоставляет им к этому разнообразные средства, как более высшие наслаждения—политическая борьба, научные лекции или художественные зрелища, так, правда, и всякие более грубые наслаждения.

Изолированному сельскому рабочему куда труднее добиться уменьшения своего рабочего времени. Еще труднее ему внести разнообразие в свою монотонную жизнь и как-нибудь иначе использовать свое свободное время. Только церковь и кабак вносят некоторое разнообразие в его тоскливую жизнь; политические собрания в деревне почти невозможны, литературы, книг мало, художественных представлений не бывает, конечно.

Правда, его окружает природа, но всему человек должен учиться, даже пониманию природы. И не потому, что только горожанин может чувствовать красоту природы. Природа восхищает каждого, кто имеет возможность изучить

ее разнообразие,—не только художника и городского энтузиаста, но также охотника, горца, моряка, занятие которых требует постоянного и внимательного изучения природы. Не то мы видим у земледельца. Днем он поглощен работой, а ночью природы не видно. Земледелец не принадлежит к сантиментальным мечтателям при луне.

Близость природы не вознаграждает его, таким образом, за лишение всех общественных наслаждений, за то возбуждение и разнообразие, которые представляет город.

Неудивительно поэтому, что в деревне все более усиливается тяга в город, и что с улучшением путей сообщения увеличивается и переселение в города, которое, как мы видим, началось еще в средние века.

Город представляет для землевладельца не только возможность лучше устроиться, бо́льшую свободу передвижения, но он находит там также больше разнообразия, не в труде, правда, но для использования своего свободного времени. Помещики не совсем не правы, когда объясняют бегство из деревни в город—«погоней за удовольствиями». Но надо быть помещиком и считать сельских рабочих только вьючными животными, которые не имеют права стремиться ни к чему другому, чтобы видеть в этой потребности нравственную испорченность.

Направляется в города обыкновенно самая энергичная, деятельная и интеллигентная часть деревенского населения и прежде всего те, которые не обременены никакой собственностью. Это сильно затрудняет ведение социалистической пропаганды в деревне и является одним из главных препятствий для применения новых технических усовершенствований в сельском хозяйстве. Кому нужны изобретения, когда нет интеллигентных рабочих, которые способны были бы применять их!

Чтобы воспрепятствовать переселению наемных рабочих, крупные землевладельцы искусственно прикрепляют их к земле, отдавая им в аренду или собственность мелкие клочки земли. Таким образом крупные землевладельцы создают в деревне карликовые хозяйства, которые, в техническом отношении, совершенно недостаточны, но целью которых является не производство излишков пищевых средств, а излишков рабочих сил, которые были бы к услугам крупного производства.

Остающиеся в деревне наемные рабочие сами тоже добиваются клочка земли. Самым страшным бичем для рабочего являются колебания рынка, колебание рынка пищевых средств, приносящее рабочему вздорожание предметов

необходимости, и еще более колебание рабочего рынка, грозящее ему самым худшим злом—безработицей. Если же рабочий владеет клочком земли, который обеспечивает ему самые необходимые пищевые средства, немного картофеля и молока, хотя бы от одной козы, он чувствует себя застрахованным против эти колебаний; ему легче перенести тогда вздорожание предметов и безработицу. Крестьянин добивается этого клочка земли не потому, что она дает ему поземельную ренту или прибыль, и не потому также, что доходы с земли возвращают ему плату за приложенный труд. Единственные рабочие силы, которыми он пользуется, это—жена и дети, которым он ничего не платит, но за экономическую обеспеченность и некоторую независимость он готов принести и гораздо большие жертвы. Поэтому он за свой клочек земли согласен платить деньги, которые не дал бы ни один капиталист, вынужденный платить заработную плату и желающий получить определенную прибыль.

Крупный землевладелец, отрезывая от своего поместья мелкие участки, чтобы продать их или отдать в аренду наемным рабочим, убивает при этом одним ударом двух зайцев: он не только прикрепляет рабочего к своей земле, но получает еще от последнего более высокую цену, чем сумма капитализированной поземельной ренты.

Таким образом и теперь еще возникают как раз в областях крупного производства, для поддержки и подкрепления последнего, все новые карликовые хозяйства, технически сильно отсталые, которые не в состоянии развить большую производительность. А на-ряду с этим, в областях с доминирующим мелким хозяйством, последнее удерживается, благодаря частной собственности на землю, и, вследствие разделов при наследовании, еще более парцеллируется.

Все эти враждебные техническому развитию влияния частной собственности на землю и системы наемного труда увеличиваются еще более вследствие роста милитаризма, который, в конечном счете, является теперь последствием капиталистической конкуренции.

Война и военные приготовления всегда являются препятствием для развития производительных сил. Препятствие это увеличивается вместе с развитием современных средств сообщения и ростом господства человека над силами природы. На-ряду со стимулами и средствами массового производства растут также стимулы и средства массового убийства и уничтожения сил, которые могли бы, при иных условиях, производить средства потребления или производства. Милитаризм и маринизм создают препятствия

задерживающие во все более растущей степени развитие производительных сил в области производства. Но не все отрасли производства страдают при этом в одинаковой степени. Некоторые из них, как, например, железоделательная промышленность, производящие предметы для армии и флота, еще больше увеличивают благодаря этому свои производительные силы. Но только за счет других отраслей производства, которые в силу этого особенно страдают. И больше всего сельское хозяйство. Промышленность не терпит недостатка в рабочих силах, от которого так сильно страдает сельское хозяйство. Милитаризм увеличивает этот недостаток. А когда к растущей тягости поземельной ренты присоединяется еще бремя военных вооружений, когда сбережения должны пойти не только на уплату растущих цен на землю, на арендную плату и ипотечные проценты, но и на увеличивающиеся налоги, то все это, конечно, должно еще больше мешать накоплению капитала у земледельцев.

Дело не улучшается и тем, что господствующие классы, которые видят в крестьянстве и земледелии, вообще, противовес усиливающемуся оппозиционному настроению городского пролетариата, стараются помочь деревне, предоставляя ей разные преимущества и привилегии за счет города. Правда, *землевладелец*, т.-е. действительный владелец поземельной ренты, получает ли он ее в форме арендной платы или ипотечных процентов, может при этом нагнуться, но сельско-хозяйственная *техника* выигрывает тогда, в лучшем случае, только временно. И тут снова выступает различие между техникой и экономикой.

Всякая экономическая помощь землевладению, в конце концов, превращается в препятствие техническому развитию в сельском хозяйстве. Все эти привилегии имеют только одну цель: искусственным образом поддержать как раз те отношения, которые задерживают технический прогресс в сельском хозяйстве. Они либо поддерживают и подкрепляют технически отсталое мелкое хозяйство в областях, где без такой поддержки последнее не в состоянии было бы существовать, либо увеличивают поземельную ренту, которая только временно попадает в руки сельских хозяев для улучшения производства, а в конечном счете, создают новые доходы для эксплоататоров, владельцев и ипотечных кредиторов.

Но все же класс сельских хозяев в промышленных странах имеет слишком большое значение для господствующих классов, чтобы последние позволили себе использовать все свое экономическое превосходство по отношению к послед-

ним. С другой стороны, прогресс естествознания и техники в старых культурных странах является слишком могучим, чтобы он мог быть скрыт от населения, живущего бок о бок с центрами, в которых развивается наука и техника.

Вышеприведенные факторы задерживают, правда, технический прогресс в сельском хозяйстве и все больше увеличивают различие между возможной и действительной производительностью труда, но в промышленных странах технический прогресс в целом, вследствие этого, не уничтожается, а только замедляется.

Но аграрные страны представляют совершенно иную картину, чем страны промышленные. Их можно разделить на две большие группы: одну из них лучше всего представляют заокеанские англо-саксонские страны, Соединенные Штаты, Канада и Австралия, а другую—страны восточного деспотизма—Россия, Турция, Персия, Индия, Китай, которые в настоящее время ведут борьбу за освобождение от отжившего деспотизма.

Страны первого типа составляют колонии, основанные на земле, население которой не вышло еще из стадии охоты и примитивной земледельческой культуры. Введение плуговой культуры на основах современной техники означало высокий технический прогресс. Развитие сельского хозяйства и применение современных орудий производства шло там быстрее, ввиду отсутствия в первые времена тех препятствий, которые представляют для этого частная собственность на землю и система наемного труда. На туземцев, первоначальных собственников земли, смотрели как на бесправных и беспощадно экспроприпировали. Таким образом, в новых странах вначале не было собственников на землю, а она находилась в таком изобилии, что захват отдельных участков иммигрировавшими сюда земледельцами не приводил еще к образованию монополии на землю. Не было поземельной ренты, земля стоила очень дешево, и сельский хозяин мог затратить все свои деньги на устройство своего хозяйства.

При таких условиях наемный труд в сельском хозяйстве почти невозможен, ибо каждый здоровый человек мог, при помощи незначительных средств, устраивать собственное хозяйство. Невозможно также крупное землевладение, в котором господствовало бы товарное производство. Но именно поэтому мелкое хозяйство в колониях может достигнуть более высокого технического совершенства, чем на родине, где крестьянское хозяйство застряло еще в традициях производства для собственного потребления и в

силу этого должно быть многосторонним. В колониях сельский хозяин может сейчас же производить для продажи, может приспособить производство для определенной специальности, например, производства пшеницы, сократить таким путем средства производства и лучше использовать свою рабочую силу.

Но в то же время многосторонность крестьянского хозяйства в Европе только отчасти объясняется тем, что хозяйство первоначально было приспособлено к производству всего необходимого для семьи владельца. Отчасти же многосторонность эта возникла в силу необходимости создать прочные условия для ведения хозяйства и предупредить истощение почвы путем плодосмена, производства навоза и т. д.

В колониях, в которых земля находилась в изобилии, крестьянское хозяйство на первых порах не нуждалось во всем этом. Если истощался один участок, крестьянин переходил к другому, и принимался за его обработку. Он был таким образом еще полукочевником.

Но хозяйство, вследствие этого велось хищническим образом, и почва быстро истощалась.

Все это усугублялось еще тем, что, на-ряду с истощением почвы, шло безжалостное истребление лесов.

Так, в некоторых старых штатах на восточном берегу Северной Америки мы видим постоянное уменьшение числа сельско-хозяйственных предприятий. Там насчитывалось:

В штатах.		Населения.	Ферм.	Акров обраб. земли.
Мэн	1880	648.936	64.309	3.484.908
	1890	661.086	62.013	3.044.666
	1900	694.466	59.299	2.386.889
Массачузетс	1880	1.783.085	38.406	2.128.311
	1890	2.230.934	34.374	1.657.024
	1900	2.805.346	37.715	1.292.132
Нью-Гэмпшир	1880	336.991	32.101	2.308.112
	1890	376.530	29.151	1.727.387
	1900	411.588	29.324	1.076.879
Нью-Йорк	1880	5.082.871	241.058	17.717.862
	1890	5.997.853	226.223	16.389.380
	1900	7.268.894	226.720	15.599.906
Вермонт	1880	332.286	35.522	3.286.461
	1890	332.422	32.573	2.655.943
	1900	343.641	33.104	2.126.624

Население во всех этих штатах увеличивается, а число ферм и, еще в большей степени, площадь обрабатываемой земли, наоборот, все уменьшается. На западе, правда, число ферм увеличивается, но, на-ряду с этим, идет безжалостное истребление леса. Считают, что в Соединенных Штатах ежегодно истребляется в среднем 110.000 квадратных километров леса, что составляет больше одной сотой всей поверхности страны [1]).

Неудивительно, что такое антирациональное лесное хозяйство вызывает сильнейшие опасения. Но когда и где жадность капиталистов считалась с опасениями теоретиков!

Выше мы уже привели несколько данных, характеризующих этот процесс обезлесения. Их можно дополнить следующими цифрами, которые мы заимствуем из официальной американской статистики. Так, производство лесных строительных материалов в тысячах квадратных футов достигало [2]):

1880	1890	1900	1907
18.987.000	23.495.000	34.781.000	40.256.000

Добыча лесных строительных материалов увеличилась таким образом в течение 27 лет в два раза.

Конечно, подобное хищническое хозяйство быстро истощает землю и возможно только до тех пор, пока не истощился еще запас незанятых земель. В Соединенных Штатах уже теперь производство зернового хлеба, прежде всего пшеницы, находится в стационарном состоянии.

	Обраб. под пшен. акр.	Урож. в бушелях.
1866	15.424.000	152.000.000
1876	27.627.000	289.357.000
1886	36.806.000	457.218 000
1891	39.916.000	611.780.000
1895	34.047.000	467.103.000
1899	44.593.000	547.304.000
1901	49.464.000	748.460 000
1908	47.557.000	644 602.000

Итак, быстрое увеличение в течение первой четверти столетия после гражданской войны, от 1866 до 1891 года; медленное, с некоторыми случайными колебаниями, увеличение в следующем десятилетии, и застой с 1901 года. Последний урожай 1909 года был необычайно хорош, и сбор

[1]) *Oppel*, Natur und Arbeit, 1904, II, S. 82.

[2]) Statistical Abstract of the United States за 1908 г., из которого мы заимствуем эти цифры, измеряет лесные строительные материалы (Lumbeer) в „M fet“ (тысяча футов) и объясняет, что здесь имеется в виду мера „для измерения досок 1 фут длины, 1 фут ширины и 1 дюйм или менее толщины“.

пшеницы был на 80 миллионов бушелей больше, чем в 1908 г., но все же на 24 миллиона меньше, чем в 1901 году.

То же самое мы видим в последние годы и по отношению к *рогатому скоту*, за исключением молочных коров. Так, насчитывалось:

	Молочн. коров.	Друг. рог. скота.	Общее число.
1885	13.905.000	29.867.000	43.772.000
1901	16.834.000	45.500.000	62.334.000
1904	17.420.000	43.629.000	61.049.000
1907	20.968.000	51.566.000	72.534.000
1908	21.149.000	50.073.000	71.222.000
1909	21.720.000	49.379.000	71.099.000
1910	21.801.000	47.279.000	69.080.000

Следовательно, с 1907 года количество голов рогатого скота не только не увеличилось, но даже уменьшается.

Как видно, последствия хищнического хозяйства начинают сказываться и тут.

Сельское хозяйство в Америке не может уже больше существовать на таких началах, оно не может сохранять более экстенсивное кочевое хищническое хозяйство и должно перейти к интенсивной постоянной культуре, основывающейся на сохранении и увеличении почвенных сил. Начало этому уже положено. Америка попадает этим путем в такие же условия, как и Европа. Но одновременно создается задерживающее влияние частной собственности на землю и поземельной ренты, и возникает знакомая альтернатива: или крупное производство с принудительным трудом, или карликовые хозяйства, лишенные необходимых знаний и высшей техники.

Какое действие этот процесс производит на крестьян, показывает быстрое расширение *арендной системы*. Так, в Соединенных Штатах фермы обрабатывались:

	1880	1890	1900
Собственниками	74,5 проц.	71,6 проц.	64,7 проц.
Арендаторами	25,5 „	28,4 „	35,3 „

Открытие стран, заселенных дикарями, заселение их европейцами и проведение железных дорог означает вначале быстрое расширение пределов средств существования. Но, при господстве капиталистического товарного производства с хищнической системой хозяйства, первоначально плодородная почва этих стран быстро истощается. После краткого переходного периода и тут создаются для сельского хозяйства, благодаря хищническому хозяйству и истреблению леса, еще менее благоприятные условия, чем в Европе.

Еще хуже обстоит дело в земледельческих странах второго, восточного типа. Там, правда, развилось крестьянское хозяйство, но очень отсталое, часто сохраняющее остатки общинной собственности на землю.

В этих странах капитализм является разрушителем крестьянской промышленности и крестьянского производства для собственного потребления. Он заставляет крестьян заняться производством одних только продуктов земли и отказаться от домашней промышленности. Он вынуждает их продавать на рынке свои продукты, и в обмен на них покупать продукты промышленности. Он пускает при этом в ход самые различные средства но, главным образом, действует посредством *денежных налогов*, при чем жителей колониальных стран он непосредственно облагает ими, а в «самостоятельных» государствах он применяет систему государственных займов и заставляет выжимать эти налоги для себя их номинальных властителей, будь это султан, шах, сын неба, или как бы они там ни назывались.

Рост и тем самым жизнеспособность промышленного капитализма находится в зависимости от роста избытков пищевых средств и сырых материалов, которые доставляют ему аграрные страны в обмен на промышленные продукты. Для увеличения этих избытков, так же, как для увеличения прибавочной стоимости—абсолютной и относительной прибавочной стоимости—при системе наемного труда имеются два способа.

Можно увеличить прибавочную стоимость и прибавочный продукт, увеличивая, путем введения технических усовершенствований, производительность труда. На этом способе основывается могучий технический прогресс в промышленности. Но этот способ, как мы видели, действует в промышленных странах на земледелие в значительно меньшей степени, чем на промышленность. Еще менее действует он в чисто или преимущественно аграрных странах, порабощенных капиталом. Правда, он может применяться и в этих странах—вспомним, например, колоссальные оросительные сооружения, проведенные англичанами в Египте. Но в общем предпочитается второй способ: увеличение прибавочного продукта или прибавочной стоимости не посредством добывания большого количества продуктов при помощи того же количества труда, а благодаря выжиманию из рабочих большого количества неоплаченного труда. В странах наемного труда это достигается путем удлинения или интенсификации рабочего времени, или же путем понижения реальной—не всегда денежной—заработной платы. В аграрных странах применяются еще на-ряду с этим и другие способы, как, например, повышение налогов и увеличение задолженности сельского хозяина и увеличение. таким образом процентов на приложенный капитал.

Все эти способы повышения абсолютного прибавочного продукта удобнее, действуют дешевле и быстрее, чем способы повышения относительного прибавочного продукта. Правда, они ведут к преждевременному истощению, а в конце концов и разрушению сил рабочих и почвы, т.-е. обоих источников всей производительной силы. Но капиталистический способ производства не есть такой способ производства, при котором люди старались бы создавать и для будущих поколений, и так же мало он похож на способ производства, при котором отдельная личность стремилась бы работать для всего общества. При господстве всеобщей борьбы и конкуренции, каждый работает для себя: все мысли его устремлены на то, чтобы урвать себе как можно больше из общей добычи, и, по возможности, скорее, потому, что все технические и общественные отношения находятся в процессе постоянного изменения, и только настоящее является надежным. При существовании всеобщего и неизменного хищнического хозяйства—это единственный способ обогащения.

Только благодаря возмущению пролетариата, эта тенденция к разорению людей и почвы не может развернуться в полном масштабе и все больше наталкивается на сопротивление. Не будь классовой борьбы пролетариата, промышленный капитал совершенно истощил бы и разрушил бы современные промышленные страны. Чем сильнее противодействие пролетариата, тем более ограничиваются не только разрушительные хищнические тенденции капитализма, но последний принуждается также все больше применять второй способ повышения прибавочной стоимости, увеличение производительности человеческого труда путем технических усовершенствований. Вызванная таким образом техническая революция является самой блестящей страницей в истории капитализма. Но самым могучим стимулом ее является классовая борьба пролетариата.

Нас, социал-демократов, упрекают в том, что мы не занимаемся положительной политикой, а раздуваем только классовую ненависть. В действительности же, никто не занимается больше, и более успешно, положительной политикой, как именно те, кто стремится сделать классовую борьбу пролетариата более единой, сильной и успешной. Без этой классовой борьбы в настоящее время невозможна была бы никакая культура.

В аграрных странах восточного типа не имеется промышленного пролетариата, который был бы достаточно силен, чтобы, посредством своей классовой борьбы, ввести в известные рамки капитализм; последний, поэтому, не встречает никаких препятствий для развития своей хищнической политики и лишен могучего стимула для увеличения производительности труда путем дорого стоящих и сложных технических усовершенствований.

В этих странах первый способ, способ абсолютной прибавочной стоимости, берет верх над вторым способом, способом относительной прибавочной стоимости; здесь капитал безостановочно ведет не только к относительному, но и абсолютному истощению почвы, а часто также и населения.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сельское хозяйство и социализм.

Все могучие препятствия, которые встречает прогресс в земледелии со стороны капитализма, будут устранены, с устранением последнего,—частная собственность на землю, наемный труд и политика колониальных завоеваний и грабежей. Отсюда возникает возможность устранить и теперь уже весьма заметное и все растущее противоречие между возможною и действительною производительностью труда в сельском хозяйстве,—развить те громадные производительные силы, которые уже теперь предоставляет в распоряжение земледелия теоретическое естествознание и практическая техника, и которые, ко времени падения капиталистического строя, увеличатся еще в большей степени. Наука и техника не отдыхают.

Устранение капитализма пролетариатом даст не только *возможность* поднять до самой высокой степени производительные силы сельского хозяйства так скоро, как это позволят производительные силы промышленности, которая должна дать сельскому хозяйству средства для его подъема; устранение капитализма приведет к *необходимости* по возможности ускорить этот подъем, так как пролетариат после победы должен будет всеми силами стараться увеличить количество пищи и досуга, поскольку это достижимо для населения.

Прежде чем исследовать этот вопрос более детально, мы должны предупредить одно возможное недоразумение. Мы

указали, что господство пролетариата, после его победы, поведет к устранению частной собственности на землю. Это нужно понимать только в том смысле, что, как мы должны ожидать, частная собственность на землю будет, в конце концов, устранена в процессе того развития, которое начнется с победой пролетариата. Мы ни в коем случае не хотим этим сказать, что пролетариат, достигнув власти, немедленно использует ее в целях экспроприации всех крестьян, или конфискации у них земли.

Об этом никто из социал-демократов не думает. Это, конечно, само по себе не могло бы еще быть гарантией, что дело не дойдет до подобной экспроприации. Мы ведь можем говорить только за самих себя, но мы не знаем, кто из нас доживет до победы пролетариата, при каких условиях она наступит, каковы будут воззрения победителей. Однако, помимо доброй воли живущих теперь социал-демократов, существует и другой фактор, представляющий гораздо большее ручательство за то, что дело не дойдет до экспроприации крестьян: это—тот простой факт, что подобная экспроприация не только не отвечает интересам пролетариата, но противоречит им.

Победоносный пролетариат будет иметь все основания позаботиться о том, чтобы производство пищи шло нормальным порядком. А экспроприация крестьян привела бы всю эту отрасль производства в сильнейшее замешательство и угрожала бы новому режиму голодом. Крестьяне, следовательно, могут не беспокоиться. Экономически без них нельзя обойтись, и это гарантирует их от экспроприации, не говоря уже о том, что самое элементарное благоразумие требует избегать враждебных отношений с таким сильным слоем населения.

Мелкие крестьяне от победы социализма ничего не потеряют, они могут только выиграть. Только с этой победой будет устранена взаимная вражда капиталистических наций, которая ведет к все растущему вооружению и постоянно грозит разразиться войною; только с этой победой будут даны все условия разоружения и столь желанного вечного мира. А от этого никто не получит такого облегчения, как именно крестьяне, ибо никакой другой слой населения не страдает так сильно от милитаризма, как они.

Но тогда пролетариат будет иметь все средства и будет заинтересован в том, чтобы оказать крестьянину поддержку в техническом усовершенствовании его хозяйства: дать ему удобрение, скот, улучшенные орудия, и тем самым увеличить количество его продуктов.

Мы не ожидаем от этого нового укрепления мелкого крестьянского хозяйства: мы думаем, наоборот, что никакое облегчение и никакая поддержка не будут в состоянии сделать для мелкого крестьянского хозяйства доступной в полной мере современную технику. Мелкие крестьяне, поэтому, рано или поздно, когда укрепится новый способ производства, сами добровольно откажутся от своей формы хозяйства, которая для них будет препятствием для дальнейшего социального подъема. Будущее общество будет иметь все основания помочь им при переходе к высшей форме хозяйства, так как ему нужны пищевые средства и сырые материалы, и потому оно сильнейшим образом заинтересовано в таком переходе.

Этот процесс будет еще ускорен и другим способом.

Социалистический режим будет иметь дело в сельском хозяйстве не только с мелкими крестьянами, но и с многочисленными наемными рабочими. Какое положение займет он по отношению к тем хозяйствам, которые применяют наемный труд?

Поклонники крестьянского хозяйства во что бы то ни стало хотят думать, что сельско-хозяйственные рабочие являются истинными фанатиками частной собственности на землю, и ничего так страстно не желают, как стать мелкими крестьянами. Социальный переворот для них равносилен раздроблению крупных хозяйств и наделению образованными из них мелкими кусками земли теперешних рабочих.

Что и теперь еще многие сельско-хозяйственные рабочие мечтают об этом—не подлежит сомнению. Эта потребность образует одну из причин прогрессирующего дробления земли в некоторых странах и высоких цен на землю при продаже ее мелкими участками.

Но и теперь уже, хотя дороговизна жизни и безработица угрожают пролетарию, собственный кусок земли не имеет все же той притягательной волшебной силы для сельского рабочего, как прежде. Мы видим, что сами дети крестьян, чтобы избавиться от невозможного крестьянского существования, предпочитают уйти в город, а не хозяйничать дальше на своем клочке.

Но в социалистическом обществе—это не может подлежать никакому сомнению—положение промышленного рабочего изменится к лучшему в гораздо большей степени, чем положение мелкого крестьянина, сколько бы ему ни помогали.

Современный рабочий класс стремится не только к увеличению пищи, к улучшению жилища и одежды, но и к

уменьшению монотонной работы современного массового производства, к тому, чтобы иметь больше досуга и свободы. Досуг представляет теперь не менее необходимое средство существования, чем мясо и хлеб.

Если производство должно подняться, а рабочее время одновременно значительно сократиться, тогда необходимо применять только самые совершенные средства производства, а все менее совершенные, по возможности, вывести из употребления. В промышленности это не представит больших трудностей. И здесь, не только в сельском хозяйстве,—существуют еще многочисленные, в высшей степени нерациональные, а часто прямо-таки паразитические мелкие предприятия.

Они не исчезают при капитализме, но имеют еще тенденцию размножаться, несмотря на победоносное шествие крупного производства, и даже именно благодаря ему, так как они все более становятся одной из форм промышленной резервной армии, убежищем для тех, кого крупное производство оставляет без работы. Огромное большинство таких карликовых предприятий без всякого ущерба для производства может быть уничтожено одним ударом, и оно будет уничтожено в тот момент, когда крупные предприятия будут привлекать лучшими условиями труда, более высокой платой и обеспеченностью заработка.

Положим, что в самых продуктивных предприятиях увеличат число рабочих втрое, введут три смены в день по 8 часов для каждой, и, может быть, в течение трех летних месяцев будут работать только две смены, а третья будет пользоваться месячным отпуском, так чтобы каждый рабочий предприятия получал такой отпуск. Кто из мелких ремесленников и лавочников не захочет тогда стать рабочим в таком предприятии, кто станет еще заниматься рецептами для спасения мелкого производства? Оно исчезнет совершенно безболезненно в торговле и промышленности, а мелкие мастера и лавочники, сохраняющие теперь только видимость самостоятельности, вздохнут свободно.

Но при такой перемене в промышленности, сюда не в меньшей степени устремятся и рабочие из деревни: не только те, кто до сих пор был наемным рабочим, но и самостоятельные мелкие крестьяне, которые тогда легко откажутся от своих парцелл, если они смогут обменять их на привольную жизнь.

Как ни желательно, чтобы мелкие торговцы, лавочники и ремесленники бросили свои бесцельные для общества предприятия и увеличили собою число рабочих сил, заня-

тых в наиболее продуктивных крупных предприятиях промышленности и транспорта, но было бы опасно для нового режима, если бы к этому присоединилось массовое бегство сельско-хозяйственного населения из деревни в город. Наделение сельско-хозяйственных рабочих собственными хозяйствами не могло бы предотвратить этой опасности.

Социалистический режим, всего вероятнее, примет заранее меры, чтобы занятие сельским хозяйством сделать по возможности привлекательным, но если бы он даже упустил это сначала из виду, то бегство из деревни скоро заставило бы его сделать это.

Но в сельском хозяйстве это не так просто, как в промышленности. В последней само капиталистическое развитие создает в техническом отношении в высшей степени совершенные предприятия. Новое общество будет иметь перед собой в промышленности не столько задачу создания новых предприятий высшего типа, сколько задачу ликвидации отсталых предприятий и концентрации рабочих сил в наиболее совершенных.

В сельском хозяйстве есть только немного таких предприятий, которые можно назвать совершенными, и в которых достигнут максимум того, что может быть сделано при современном состоянии техники и науки. И этих немногих предприятий было бы далеко недостаточно, чтобы покрыть потребность общества в продуктах земледелия. Нужно будет, значит, заново организовать все сельское хозяйство и поднять его на высшую ступень. Здесь экономическое развитие совершило еще недостаточную подготовительную работу для будущего строя, здесь последний сам должен будет создать для себя техническую основу с помощью естествознания и капиталистической техники города. Технический переворот в городской индустрии, созданный капитализмом, из которого вырастет новый строй, может и должен дать ему средства для технического преобразования сельского хозяйства.

Прежде всего будет важно обеспечить сельскому хозяйству возможно наибольшую производительность, дать отдельным предприятиям максимальные размеры, при которых они будут в состоянии наиболее совершенным образом использовать все находящиеся в их распоряжении средства. Эти максимальные размеры не могут быть одинаковы для всех стран, всех видов предприятия и всех времен. Мы уже знаем, что марксизм ни в коем случае не утверждает, будто более крупное предприятие при всех условиях выше, чем более мелкое. Он утверждает это не относительно предприятий, но относительно капиталов. Но едва ли можно принять, чтобы когда-нибудь и где-нибудь для какой бы то ни было значительной отрасли производства размеры собственного хозяйства одной семьи могли считаться самой рациональной, максимальной или в какой бы то ни было мере достаточной величиной. Если это теперь еще и возможно до некоторой степени, то только потому, что буржуазному мозгу представляется вполне естественным, что рабочий есть вьючное животное и существует исключительно для своей работы. Мелкое крестьянское дворовое хозяйство потеряет свою жизнеспособность в тот момент, когда массы сельского населения начнут считать досуг необходимым условием жизни.

Мелкое дворовое хозяйство крестьян не допускает ни разделения труда, ни системы смен или даже праздников, вообще, более или менее продолжительного перерыва в работе. Беспрерывно, изо дня в день, с утра до ночи должны надрываться мелкий крестьянин и его жена; сменить их некому.

Если рядом с его мелким хозяйством вырастет большое сельско-хозяйственное производительное товарищество, где весною, летом и осенью будут работать тремя сменами, скажем, по 5 часов, а зимой двумя сменами, так что каждая смена будет иметь месячный отпуск, кто поверит, что и тогда крестьянин будет продолжать молиться по евангелию мелкого дворового хозяйства, которое теперь проповедуется нам некоторыми социалистами? Он все бросит, чтобы стать членом такого производительного товарищества. Так будет исчезать частная собственность на землю. Сперва для крупных хозяйств, а потом без всякого внешнего принуждения и для мелких, которые перейдут в крупные.

Разумеется, это не было бы достигнуто одной организацией крупных производительных товариществ в сельском хозяйстве и сокращением в них рабочего времени. Чтобы хозяйство могло достигнуть совершенства, нужно привлечь в деревню интеллигентные и научно-образованные рабочие силы, нужно сделать работу в деревне сносной для более активных и более образованных людей. Нужно основать там лучшие и более высокого типа школы, библиотеки и читальни, учреждения для общественного наслаждения искусством.

Конечно, новые хозяйства должны быть в полной мере снабжены всеми вспомогательными средствами современной науки и техники, а это требует обзаведения многочисленными двигателями, приводимыми в действие частью паром, частью силою воды. Если применение этих сил должно быть

использовано полностью, то это требует с своей стороны связи между промышленностью и сельским хозяйством, так как последнее нуждается в двигателях неравномерно в течение всего года. То же самое применимо и к человеческим силам. Они, при наличности, на-ряду с сельско-хозяйственным и промышленного предприятия, могут быть заняты более равномерно.

Перенесение промышленности в деревню, соответствующее интересам поднятия производительности общественного труда, будет отвечать и духовным потребностям сельских и промышленных рабочих. Для промышленных рабочих этим облегчится соприкосновение с природою, а для сельских, с увеличением плотности населения в деревне, будет дана возможность жить более разнообразной общественной жизнью и заниматься искусством и наукой.

Таким образом социализм произведет могущественный переворот в сельском хозяйстве. Переворот этот не только увеличит производство сельских продуктов; он увеличит для сельского населения количество свободного времени, сделает из вьючных животных, какими теперь является деревенское население, свободных людей.

Везде переворот в сельском хозяйстве вызовет глубокие изменения. Но еще гораздо сильнее, чем в промышленных странах, скажется преобразующее действие будущего строя в странах земледельческих, так как здесь разность между действительной и возможной производительностью труда гораздо больше, а, следовательно, скачок будет сильнее.

Как капиталистическое, так и социалистическое общество должно заботиться о том, чтобы повысить избыток в продуктах, доставляемых сельским хозяйством. Но оно может применять только методы производства относительного, а не абсолютного прибавочного продукта. Оно освободит жителей земледельческих стран от давящей их и разоряющей капиталистической эксплоатации, чтобы вдохнуть в их сельское хозяйство новую жизнь и поднять его на высшую ступень совершенства при помощи современной науки и современной техники.

Для этого не нужно ни колониальной политики, ни завоевания, ни насилия. Средства для увеличения производства и сбережения труда каждый возьмет охотно; отсталые народы только там относятся враждебно к новейшим средствам производства, где они навязываются им, как средства эксплоатации и порабощения. Именно уничтожение всякого принуждения и является первым предварительным условием для того, чтобы открыть современным средствам производства быстрый доступ в земледельческие страны. В будущем обществе применение современных методов производства в земледельческих странах будет развиваться в такой же степени, в какой индустрия промышленных стран будет создавать необходимые вспомогательные средства производства и транспорта, а духовное развитие населения земледельческих стран будет достигать нужной для применения этих средств производства высоты. У нас нет никакого основания думать, что второй фактор будет развиваться медленнее первого.

Какой-нибудь благоразумный и трезвенный мудрец из реальных политиков не преминет, конечно, посмеяться над моими «фантазиями» и заметит по этому поводу, что, если верить мне, будущее общество, без больших разговоров, предоставит в распоряжение негров в Конго паровые плуги для распашки девственного леса.

Но эти самодовольные критики не должны забывать, что к земледельческим странам, о которых здесь, главным образом, идет речь, принадлежат те страны, где и теперь уже современная наука далеко не остается неизвестной: Ирландия, Испания, южная Италия, Венгрия, Румыния, Балканские государства, Малая Азия, Персия, Египет, Ост-Индия, тропические и субтропические страны Америки. Пока удастся во всех этих странах поднять годную для обработки площадь до высоты современной производительности, пока будут закончены все работы по осушке в одном и по орошению в другом месте, пока закончатся облесение в одних странах и расчистка девственного леса в других, пока здесь будет закончено снабжение лучшими средствами производства и искусственными двигателями—пока все это будет сделано, потребуется, ведь, некоторое время, может быть достаточное для того, чтобы и в Конго созрели условия для применения парового плуга, если только до тех пор его не вытеснит какой-нибудь более целесообразный и простой аппарат. Во всяком случае нет ни малейшей необходимости при распространении парового плуга в земледельческих странах начинать как раз с негров Конго.

Темп огромного процесса преобразования и усовершенствования сельского хозяйства в будущем обществе зависит от количества вспомогательных средств производства, которое может дать сельскому хозяйству промышленность. Большая часть металлургических и строительных рабочих, которые теперь работают для расширения городов или для военного дела, будет занята постройкой строений, машин и

орудий для сельского хозяйства. Победа промышленного пролетариата в конечном счете принесет более всего пользы сельскому хозяйству и поставит сельское население в лучшие условия существования.

Капитализм в девятнадцатом столетии преобразовал прежде всего и почти исключительно промышленность и средства сношения; будущий строй, которому, мы надеемся, будет еще принадлежать большая часть XX столетия, должен в гораздо большей степени преобразовать сельское хозяйство, чем промышленность.

Нет ничего более ошибочного, как приписывать социал-демократии враждебность или хотя бы только равнодушие по отношению к сельскому хозяйству. Мы враги не сельского хозяйства, а земельной ренты, которую кладут себе в карман праздные землевладельцы и ростовщики-капиталисты. Мы восстаем не против мелких крестьян, а против тех, кто хочет внушить сельским рабочим, что их конечною целью должна быть жизнь мелкого крестьянина, что к этому они и должны стремиться более всего, и на этом концетрировать свои силы. Это значит—сделать их конечною целью вечную барщину, это значит также понизить силу их сопротивления против эксплоататоров в настоящем, ибо их самое действительное оружие есть угроза отказаться от работы и эмигрировать, а это оружие они выбрасывают из рук, как только связывают себя клочком земли.

Процесс преобразования сельского хозяйства промышленностью, который должен начаться с победой пролетариата, будет так обширен, что он вряд ли скоро окончится или, по крайней мере, замедлится, так как полной останов ки в нем никогда не будет. Темп его зависит прежде всего от количества рабочих сил, которыми может располагать промышленность. Чем быстрее будет оно расти, тем быстрее будут развертываться производительные силы сельского хозяйства.

Это произойдет даже в том случае, если возделанная теперь площадь земли не увеличится, если гигиенические, технические, эстетические соображения не позволят расширять ее дальше за счет леса, площадь которого должна увеличиться в одном месте настолько, насколько уменьшается в другом, и даже если потребность в досуге значительно сократит, по сравнению с настоящим, рабочее время для необходимых работ. И в этом случае производство средств существования быстро возрастет, так как по сравнению с уже возможной в настоящее время производительностью труда в сельском хозяйстве его действительная производительность еще

ничтожна во всех почти странах, кроме старых капиталистических промышленных стран.

Пока эта разница между действительной и возможной производительностью труда в сельском хозяйстве не выравнена, до тех пор всякая новая рабочая сила, притекающая к промышленности, будет означать увеличение производительных сил для сельского хозяйства, увеличение его производительности и его излишков, следовательно, поднятие уровня средств существования. А до какой степени этот уровень может быть еще поднят, мы можем видеть из следующих данных.

Никто не станет утверждать, что немецкое сельское хозяйство стоит на высоте совершенства. Недавно опубликованное иследование свое по вопросу о том, «Стоит ли немецкое сельское хозяйство под давлением закона убывающего плодородия» [1]), д-р Рыбарк заканчивает следующими словами:

«Кто знаком со страной и людьми и знает, как много существует крестьянских дворов и даже более крупных владений, куда еще не попадало ни одной крупинки искусственного удобрения, где с дедовских времен культивируется одно и то же зерно и один и тот же сорт картофеля, где земледельческие орудия—жалки и обработка почвы недостаточна, где накопление навоза, плодосмен и другие технические и хозяйственные мероприятия оставляют еще многого желать в своей рациональности, тому будет ясно, что немецкое сельское хозяйство в целом, несмотря на все успехи, еще далеко не достигло того пункта, когда больший сбор может быть достигнут только посредством еще больших затрат».

То же самое можно сказать об Англии.

«Об английском сельском хозяине... говорят, что он хороший скотовод, но собственно в земледелии он не идет вперед наравне с временем и еще мало знаком с искусственным удобрением. Это происходит, конечно, частью вследствие отсталости сельско-хозяйственного образования, но может быть также поставлено в связь с краткосрочными и непрочными арендными договорами, которыми не обеспечиваются в достаточной мере произведенные мелиорации» [2]).

В какой мере отстало еще европейское сельское хозяйство, до какой степени мало усвоило оно себе из успехов

[1]) *Dr. Rybark*, Ob die deutsche Landwirtschaft unter dem Drucke des Gesetzes vom abnehmenden Bodenertrag steht? „Zeitschrift für Sozialwissenchaft", 1909, S. 455.

[2]) *Ad. Mayer*, Ueber den Erfolg der Reform der Pachtgesetzgebung in England „Zeitschrift fur Sozialwissenschaft", 1909, S. 660.

техники, об этом свидетельствует, между прочим, доклад, прочитанный в Венском высшем земледельческом училище 16 февраля 1910 г. доктором Эдуардом фон-Зайдлем. Докладчик арендует с 1889 года несколько смежных имений в Моравии, с общею площадью в 2.135 гектаров, и ведет хозяйство с достаточным капиталом по современным методам, впрочем не применяя при этом всех усовершенствований, какие предоставляет сельскому хозяину современная техника. Электричество, например, еще не играет у него никакой роли. Почва имений не особенно хороша, отчасти она болотиста, отчасти расположена чересчур по откосу и нивы перемешаны с участками других владельцев, зачастую малых размеров и неправильной формы. Рабочие отчасти пришлые словаки, их работа малоценная, соседи относятся враждебно ко всяким новшествам, и это чрезвычайно затрудняет, например, дренаж. И, однако же, Зайдлю удалось с 1890 г. в высокой степени поднять производительность имения благодаря применению машин и результатов новейшей химии и биологии.

О результатах отдельных улучшений можно судить, например, по успехам, достигнутым путем высушивания резанной кормовой свеклы.

«Высушивание резанной свеклы позволяет мне при том же количестве ее выкармливать на 1.000 убойных быков в год больше, чем прежде, когда я скармливал ее в невысушенном виде».

Если бы этот метод был применен всеми 200 сахарными заводами Австрии, то они сумели бы вскормить на 200.000 быков в год больше при прежних затратах свеклы. Но всего лишь около дюжины заводов применяет этот способ.

Не менее важен способ обработки соломы, позволяющий превращать в хороший корм не только всякого рода солому, но и картофельную ботву. Зайдль ввел этот способ в 1905 г., и это дало ему возможность сократить площадь, отведенную под кормовые травы, с 430 гектаров до 250.

Не менее значительны были успехи, достигнутые Зайдлем и в производстве зерна.

«Удобрение, своевременная обработка (паровые плуги на 80.000 крон!) и правильный выбор сортов позволили мне... поднять производство хлеба с 9.000 метрич. центнеров в год до 27.000, стало быть *утроить производство*.

«Но я не оставил без внимания и успехов, достигнутых в новооткрытой области воспитания растений.. Мне удалось получить из одной местной породы озимой ржи семена, которые дали в прошлом году на 5 гектарах урожай в 33 метрических центнера, а в текущем году при засеве в широком масштабе даже в 37 метрич. центнеров на гектар».

При этом в прошлом году урожай, вообще говоря, был неважный.

В среднем, за последнее пятилетие урожаи в Моравии давали 13,4 метрич. центнера на гектар! В Германии среднее за 1899—1907 г.г. также достигало всего лишь 15,5 метрических центнеров.

Достижение таких высоких урожаев отнюдь не являлось при этом игрою, в которой не считаются с расходами. Г. Зайдль—хороший хозяин. Разумеется, он умалчивает о высоте своих прибылей. Однако он говорит, что годовой доход его за время от 1889 г. до 1909 г. поднялся с 420.000 крон до 798.000, в то время как расход на рабочих вырос всего лишь от 100.000 до 157.000. В 1906 г. этот расход поднялся до 189.000 крон, но введение новых машин дало возможность понизить его на 32.000 крон!

Но, конечно, в имение нужно было вложить и соответствующий капитал. Средствами крестьянского хозяйства такое повышение производительности было бы недостижимо.

Предприятия, вроде зайдлевского, далеко еще не являются последним словом современной сельско-хозяйственной техники. Несмотря на это, они до сих пор встречаются лишь в отдельных случаях.

А как далеко отстали от Германии и Англии другие страны, житницы мира! По данным английского сельскохозяйственного бюро, сбор пшеницы с акра составлял в среднем за пять лет (до 1907 г.):

	С одного акра бушелей пшеницы.
В Великобритании	31,32
„ Германии	29,59
„ Бельгии	34,09
Напротив, в Северо-Америк. Соед. Штатах	13,57
В Аргентине	10,58
„ Австралии	8,76
„ Европ. России (без Польши)	9,72
„ Ост-Индии	11,44

Следовательно, сбор последних стран, если судить по приведенным цифрам, можно легко утроить, даже при условии снабжения их хотя бы только все еще несовершенными вспомогательными средствами английского или немецкого сельского хозяйства.

С другой стороны, для производства человеческой пищи можно было бы значительно увеличить уже наличное

количество обработанной площади, если заменить силу лошади силою механических двигателей. В Германии пшеницей засевается неполных 2 миллиона гектаров, а овсом более 4 милл., в России—почти 17 милл., в Соед. Штатах—13 милл.

Какая площадь может быть присоединена к культуре при помощи осушительных и оросительных работ, видно из следующих данных. В Германии одни возвышенные болота занимают площадь в 27.500 кв. километров—больше, чем Рейнская область, больше, чем находящаяся под пшеницей площадь во всей империи. В Соединенных Штатах площадь болот в 1900 году составляла 75 милл. акров, а площадь, засеянная пшеницей—50 милл.

Относительно площади, которую в Соединенных Штатах можно сделать годной для обработки путем искусственного орошения, Саймонс приводит следующие данные из отчета сенатской комиссии:

«Более $^2/_5$ всей земли Соединенных Штатов, не считая Аляски, требуют искусственного орошения, если с них хотят собирать регулярную жатву, и по крайней мере для $^4/_5$ этой земли искусственное орошение является необходимым предварительным условием всякой обработки. Область засухи охватывает 1.200.000—1.300.000 англ. кв. миль, она на $^1/_3$ больше Британской Индии и очень похожа на нее своим общим характером... Спрошенные лица единогласно утверждали, что один акр земли в Монтане при искусственном орошении равен по урожайности 3—5 акрам во влажных, подверженных дождям штатах».

Область эта охватывает в круглых цифрах тысячу миллионов акров, а вся засеянная пшеницей площадь в Соединенных Штатах—50 милл.; уже и при теперешней обработке эта область дает в среднем 35 бушелей пшеницы на 1 акр, тогда как в общем в Соединенных Штатах получается 13½ бушелей с акра. Можно себе представить, какое огромное повышение уровня средств существования может дать орошение этой области. В 1899 г. там было орошено круглым счетом 7 милл. акров. Работы по орошению стоили 64 милл. долларов, около 125 милл. рублей, а ежегодная стоимость всего урожая достигала 84 милл. долларов, почти 175 милл. рублей [1]).

Того же самого можно достигнуть и в странах Средиземного моря, а также в Месопотамии, тропической Африке и Америке.

[1]) Сравни *M. A. Simons*, The American Farmer, p. 176, Chigago 1902.

Пока этот процесс будет продолжаться, о перенаселении не может быть и речи, как бы быстро ни размножалось народонаселение. И не будет преувеличением, если мы предположим, что весь колоссальный процесс преобразования сельского хозяйства на всем земном шаре социализмом не будет закончен и по истечении столетия.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Рост населения и социализм.

Если социализм означает наступление новой эры для всего сельского хозяйства на земном шаре, эры, которая принесет еще бо́льшие преобразования для него, чем капитализм для промышленности, если эра эта, ввиду предстоящих ей великих задач, растянется на несколько поколений, то вопрос о перенаселении, которым нам якобы угрожает будущий строй, не имеет никакого *практического* значения. Нам нечего беспокоиться по поводу проблем, которые, быть может, встанут пред социализмом лет через пятьсот. Они нам также мало известны, как и средства для их разрешения.

И поскольку наша задача имеет практический характер—критика возражений мальтузианцев против социализма,—мы могли бы считать наше исследование законченным. И если на вопрос о поднятии уровня средств существования в течение первых столетий существования будущего строя можно дать более или менее точный ответ на основании фактов, известных нам из области современного способа производства, то другой вопрос, который мы еще не исследовали,—скорость размножения народонаселения в будущем обществе—зависит от такого большого количества в настоящее время еще неопределимых факторов, что на него можно ответить только гипотезами и догадками.

Но если этот вопрос не имеет практического значения, то уже один теоретический интерес побуждает нас рассмотреть его во всех его возможных последствиях и исследовать все возможности, которые скрывает в себе проблема народонаселения в будущем обществе. Такие рассуждения вовсе не являются праздной игрой мысли, они вносят большую ясность в познание отдаленных целей, расширяют наш горизонт и бросают новый свет на наши задачи в настоящем.

Мы пришли к заключению, что, по крайней мере, в течение столетия поднятие уровня средств существования в будущем обществе пойдет быстрее, чем возможное размножение народонаселения. Но не в силу какого-нибудь естественного закона, по которому человек, при всех условиях, мог бы производить минимум того, что ему необходимо на свое содержание, не вследствие одного лишь бесконечного прогресса науки и техники, а только в силу особой исторической ситуации, которая создается благодаря тому, что капиталистический способ производства распространяет прогресс естествознания и техники не только на все отрасли производства, но и на сельское хозяйство, но в то же время, на-ряду с прогрессом, создает одновременно и преграды для его применения, т.-е. своего рода плотину для усиливающегося потока сельско-хозяйственного прогресса. Социалистический строй устранит все эти препятствия, прорвет плотину, и вся запруженная вода в быстром потоке прорвется вперед. Сравнение это хромает только в том отношении, что в природе быстрые потоки действуют разрушающим образом, в то время, как революционизирование сельского хозяйства, наоборот, в высшей степени повысит плодородие земли.

Но поток этот не может быть всегда полноводен, со-временем он должен будет иссякнуть.

Раз действительная производительность сельского хозяйства поднята на возможную, при данном состоянии науки и техники, высоту, то дальнейший темп прогресса зависит от прогресса дальнейших изобретений и открытий. Правда, этот прогресс не имеет определенных границ, но нельзя питать фантастические надежды на степень влияния его на поднятие уровня средств существования. Весь этот прогресс означает постоянное нарушение равновесия в природе, которое всегда вызывает противодействие и находит определенные границы. Мы видели, что нельзя безгранично расширять культурную площадь за счет леса, что нельзя также, путем искусственного подбора, развивать полезные человеку свойства организмов в одностороннем направлении.

Расширение культурной площади за счет леса имеет свои пределы, их имеет также и одностороннее развитие полезных человеку свойств организмов путем искусственного подбора. Точно также и увеличение производительных сил земли путем культуры растений, корни которых получают свои питательные соки из глубины земли или собирают азот из воздуха, путем различных удобрений, лучшей обработки земли, доставки электрической энергии и т. д., должно

в конце концов иметь пределы, вне которых они перестают обогащать почву или возбуждать в ней более быстрый обмен веществ. Естествознание и техника. конечно, будут все дальше развиваться, но вполне мыслимо, что, начиная с известного пункта развития, их дальнейший прогресс будет еще повышать производительность *труда*, но не производительность почвы и питаемых ею организмов, что он будет уменьшать количество труда, которое требуется для производства пищи, но не в состоянии будет больше увеличить количество этой пищи.

В природе, как и в обществе, происходит смена революционных периодов и периодов застоя, и приходится, поэтому, считаться с возможностью, что по истечении «периода бури и натиска» для всего мирового сельского хозяйства, который настанет вместе с социализмом, настанет период затишья, когда количество находящихся в распоряжении общества продуктов земли не будет так быстро расти, когда дальнейший технический прогресс даст только возможность пользоваться большей свободой и досугом.

Тогда, конечно, увеличение народонаселения может принять угрожающие размеры.

Но размножение народонаселения может и раньше выдвинуть некоторые задачи. Можно согласиться с мальтузианцами, что социализм, по всей вероятности, принесет с собой быстрый рост народонаселения. Но своим возражением они дают прекрасное доказательство в пользу социализма, ибо такое быстрое размножение, которого они опасаются, возможно только при предположении, что совершенно исчезнет современная бедность и наступит всеобщее благосостояние.

Оно может явиться только, как следствие организации труда, уменьшения рабочего времени, умножения пищевых средств, улучшения жилищ и соединения промышленного и земледельческого труда. Все это должно влиять на уменьшение *смертности*, и тем самым на быстрое увеличение народонаселения, хотя бы цифра рождаемости и не повысилась.

При сравнении смертности двух округов, бедного (Southwark) и состоятельного (Hampstead), в Лондоне нашли, что ребенок, рожденный в 1900—1907 г.г. в Hampstead, имеет надежду прожить 51 год, а в Southwark—только 36½ [1]).

И все же здоровье зажиточных людей также страдает

[1]) *Chiozza Money*, Riches and Poverty, London 1908, p. 195.

при современных условиях. Эта вечная сутолока отражается и на них. И купцу, и фабриканту, и банкиру, и судовладельцу, всем им часто приходится выдерживать полную тревог и волнений борьбу в области промышленной конкуренции.

Капитализм отравляет даже часы удовольствия, и из часов отдыха и добывания свежих сил превращает их в часы быстрого истощения этих сил. Капитализм уделяет рабочему времени весь день, для удовольствий остается только ночь; пользоваться удовольствиями можно только ночью, а это означает не укрепление нервов, а разрушение их.

Если у горожанина нервы более расшатаны, чем у крестьянина, если жизнь его менее долговечна, то он обязан этим не только работе в тесных мастерских, но и ночной жизни, которой крестьянин не знает. Только ввиду широкого распространения ночной жизни, так прибыльны все те учреждения, которые для этого основываются. Сельский житель, благодаря отсутствию ночной жизни, здоровее физически, но жизнь его бесцветна и пуста. Горожанин, отдавая после дневной работы еще несколько часов вечера на общественные дела, на политику, на театр, или другие удовольствия, сокращает этим свою жизнь. Но если бы он от этого отказался, то он, как и крестьянин, превратился бы в вьючное животное и свел бы время своей действительной жизни вне рабочего времени к нулю.

Социалистический режим сократит рабочее время, и люди получат возможность значительную часть дня посвятить эстетическим или научным наслаждениям, веселому обществу, игре или спорту. Они не только *смогут*, но и *должны будут* уделить для этого часть дня, потому что в социалистическом обществе не будет ночного труда. Только нужда может заставить человека регулярно жертвовать сном, чтобы исполнять ночные работы. А без ночного труда одних, невозможны ночные удовольствия других,—без ночного труда кельнеров, поваров, музыкантов, артистов, извозчиков, вагоновожатых и других рабочих, которые теперь, уставая до смерти, должны работать для удовольствия других.

Дневные удовольствия и собрания требуют больше свободы, свежего воздуха, природы, между тем как для ночных удовольствий и собраний люди принуждены собираться в закрытых, не всегда просторных, накуренных помещениях.

Известно, что социализм хочет создать, и создаст, более здоровые условия для труда. Но он создаст также более здоровые условия и для удовольствий, и в этой области, как и в первой, не только будет противодействовать столь высокой в настоящее время норме смертности, но вместе с тем он создаст благоприятные условия для увеличения народонаселения, даже если бы рождаемость осталась без изменения.

А последнее мало вероятно. Мнение многих социалистов, что нищета, заботы и переутомление повышают естественную плодовитость, между тем как благосостояние, отсутствие забот и короткий рабочий день понижают ее—неосновательно. Скорее можно утверждать прямо противоположное. Причины бездетности богатых женщин,—полное бездействие и вытекающее отсюда малокровие или ожирение, с одной стороны, и истощение, благодаря ночным удовольствиям—с другой, не могут быть перенесены на трудящихся женщин социалистического строя. А главная причина большой плодовитости пролетариев, в сравнении с состоятельными классами, возможность заключения ранних браков, будет предоставлена всем членам общества. В настоящее время состоятельные классы вступают в брак позже, чем пролетарии, потому что они женятся только тогда, когда обладают определенным состоянием или службой. Вследствие этого повысился сначала брачный возраст мужчин, а потом косвенным образом и женщины, которая принуждена ждать, пока избранник ее не поведет ее под венец. Если возраст между 16 и 36 годами является периодом высшей плодовитости у женщин, то этот период уменьшается на половину, если брачный возраст в среднем отодвигается с 16 до 26 лет.

Социалистическое общество упразднит *экономические* мотивы, которые действуют на повышение брачного возраста. Отнимая у *проституции* всякую почву, оно тем самым облегчит заключение ранних браков.

В буржуазной науке широко распространено мнение, что проституция является естественной необходимостью и что упразднение ее представляет утопию. Но не требуется особых исторических знаний, а стоит только бросить взгляд за пределы своего города, чтобы видеть, что проституция вовсе не является общественной необходимостью. В деревнях очень распространена «свободная», т.-е. *внебрачная*, любовь, но там нет проституции, *продажной* любви. Торговля любовью возникает одновременно с торговлей вообще и вначале она процветает в центрах торговли и роскоши, а впоследствии распространяется также на промышленные центры.

Но и в городах проституция является продуктом не особых естественных законов, а определенных социальных условий. Как бы богатые женщины ни были безнравственны и какой бы они страстностью ни отличались, они все же не попадают в категорию проституток, потому что им незачем продавать свою любовь первому встречному, они могут позволить себе такую роскошь, как отдавать свою любовь даром.

Но именно потому, что она не должна жить продажей своей любви, любвеобильная богатая дама не так часто меняет объекты своей любви, как принуждена бывает делать это проститутка. А именно, эта беспрерывная, частая смена гостей превращает проституцию в опасность, делает ее источником не только бесплодия занимающихся ею женщин, но и источником распространения опасных заразительных венерических болезней.

Социализм создаст условия, при которых женщине не придется продавать свое тело для того, чтобы иметь возможность существовать. Таким образом, будет отнята у проституции всякая почва, будут уничтожены венерические болезни, с распространением которых легко будет бороться, если женщина не принуждена будет отдавать себя первому встречному, если мужчины лишены будут возможности выбирать себе ежедневно другую женщину, если половые сношения возможны будут только в рамках продолжительных связей.

Тогда будет устранен еще один фактор, вызывающий повышение смертности, но в то же время и понижение плодовитости. «Из 100 браков—говорит г-жа Адамс,—в среднем 10 бездетны, а из этих 10 случаев в 7 из них виновен мужчина. Главной причиной бесплодия является триппер» [1]).

Если принять все это во внимание, то можно считать вероятным, что в социалистическом обществе рождаемость сильно повысится, между тем как смертность уменьшится. Размножение народонаселения может принять такие размеры, которые превзойдут еще размеры размножения древних германцев в эпоху переселения народов, когда римляне смотрели на Германию, как на мать народов, vagina gentium.

Но может случиться также иначе. Мы видели, что изменение в плодовитости человека при перемене общественных условий больше всего зависит от изменения положения женщины. Если социализм, борьбу за который, главным образом, ведет *промышленный пролетариат*, самый глубокий

[1]) *Dr. Adams*, Die Gesundheit im Haus, S. 686, 1899.

переворот произведет в *сельском хозяйстве*, то он точно также изменит и улучшит положение *женщины* в значительно большей степени, чем положение *мужчин*, хотя последние, по крайней мере до сих пор, составляли главную массу борцов за него. Он освободит женщину не только от эксплоатации капиталиста, но и от гнета и мелочных забот отдельного домашнего хозяйства, к которому, несмотря на увеличение числа занятых в промышленности женщин, все еще прикреплена большая часть их. Рабочий день женщин длиннее рабочего дня мужчин, потому что, кроме работы для заработка, им приходится заниматься еще домашним хозяйством. А если они не соединяют обе работы, то большей частью только потому, что домашнее хозяйство отнимает у них все время, с раннего утра до поздней ночи.

Все это суживает кругозор женщин, убивает их инициативу, отнимает у них, в значительно большей степени, чем у трудящихся мужчин, возможность и способность к умственной деятельности. Социализм предоставит им все это в такой же мере, как и мужчинам.

Но функции размножения отнимают у женщин значительно больше сил, чем у мужчин. А интенсивная умственная работа, это—деятельность в высшей степени утомительная, необходимые силы для которой часто не дооцениваются.

А если женщина вступит в соперничество с мужчиной, если она постарается не отставать от него в умственном отношении, не уменьшит ли это запас сил, нужных ей для размножения, и не подействует ли это на уменьшение плодовитости?

По мнению Спенсера интенсивный умственный труд уменьшает плодовитость женщин.

«Что умственный труд, доведенный до излишества, вызывает в женщинах абсолютное или относительное бесплодие, это легче доказать. Хотя образ жизни и питания девушек высшего класса не таков, каким бы он должен быть, однако, принимая во внимание, что пища их лучше, чем пища более бедных девушек, а физическая обстановка не хуже, можно с большим основанием приписать недостаток у них воспроизводительной силы переутомлению мозга, которое производит серьезное воздействие на физическую сторону. Это уменьшение воспроизводительной силы доказывается не только более частыми случаями абсолютного бесплодия, или раннего прекращения детородной способности, но также весьма часто встречающейся неспособностью кормить детей. Воспроизводительная способность, взятая в пол-

ном ее объеме, есть способность родить хорошо развитого ребенка и давать ему естественную пищу в течение естественного периода. Большинство плоскогрудых девушек, прошедших все ступени школьного воспитания, неспособны к этому. Если бы измерять их плодовитость числом детей, которых они в состоянии выкормить без искусственной помощи, то они оказались бы относительно весьма неплодовитыми» [1]).

Если мнение это верно, то сильное увеличение числа женщин, занимающихся интенсивным умственным трудом, должно было в высшей степени понизить общую плодовитость всего человечества. Но вопрос еще, верно ли мнение Спенсера? Бесплодие, *сильно* распространенное среди учащихся и ученых женщин, является не только следствием занятия их умственным трудом, но следствием и тех условий, при которых приходится в *настоящее время* заниматься умственной работой. Современная школа является утонченной системой для разрушения здоровья. Вынужденное сидение по несколько часов сряду в школе, отсутствие движения, скучивание масс народа в тесных помещениях при высоком умственном напряжении, которое, благодаря бездарной методе преподавания, далеко не ослабляется—такое обучение действует более пагубно на здоровье, чем многие физические работы в не слишком плохо оборудованных мастерских.

Женщины при этих условиях страдают больше, чем мужчины. Прежде всего уже потому, что, благодаря методе воспитания, женщины состоятельных классов не знают физического труда; они в значительно меньшей степени, чем мужчины, занимаются играми и гимнастикой на свежем воздухе, и поэтому им труднее, чем последним, хотя бы в некоторой степени, обезвредить в свободное от занятий время те последствия, которые оставляет школа. Кроме того на женщинах вредно отражаются та добросовестность и прилежание, какими они отличаются. Мы знаем, что женщины были главными носителями общественных инстинктов, что стада общественных животных состояли преимущественно из самок и их детенышей, в то время, как самцы бегали на свободе. Чувство долга и добросовестность, поэтому, всегда были сильнее развиты у женщин, чем у мужчин, что сохранилось и по настоящее время. Среди учащейся молодежи мужчины обыкновенно легко относятся к занятиям, а женщины, наоборот, большей частью серьезно.

[1]) *Spencer*, Biologie, II, S. 538.

Как отразится умственная деятельность на женщине, когда занятия будут вестись соответственно более разумным гигиеническим и педагогическим методом, сейчас трудно предвидеть.

Но далеко не решен еще также вопрос—действительно ли так страдает плодовитость женщины вследствие занятий, хотя бы и при иррациональных современных методах. Приходится принять во внимание еще один фактор, благодаря которому все исследования относительно естественной плодовитости женщины на разных ступенях цивилизации грешат некоторой неточностью: это—применение средств для предупреждения зачатия, которые с развитием естествознания и техники становятся все совершеннее.

Если женщины имущих классов применяют эти средства, чтобы не делить имущества между многими наследниками, если любящие пожить в свое удовольствие женщины высшего света применяют их для того, чтобы сохранить молодой вид и предохранить себя от неудобств, причиняемых беременностью и рождением детей, то женщины, занимающиеся умственным трудом, могут видеть в большом количестве детей препятствие для своей деятельности и стараются избежать этого путем искусственного ограничения своей плодовитости.

Кто может знать, не станет ли с ростом умственной деятельности женщины в социалистическом обществе мотив этот всеобщим, и не будет ли он служить противодействием сильному размножению народонаселения?

Во всяком случае, факты, подобные тем, которые мы привели о бурах и канадцах, когда женщина рожала от 18 до 25 человек детей, возможны только там, где женщина рано выходит замуж и в течение всего периода, когда она способна к деторождению, превращается в простую машину для рождения детей, где на-ряду с домашним хозяйством единственным занятием ее является размножение рода. Как только женщина приобретает интересы, выходящие за узкие рамки семьи и брака, она начинает отрицательно относиться к слишком большому числу детей, как и к слишком долгой односторонней ручной работе. Стремление к досугу, желание пользоваться наслаждениями и деятельностью в природе, искусстве и науке, которые так отличают современного человека, все это должно повлиять на уменьшение рождаемости.

Нет ничего невероятного в том, что социализм, освободив женщину—а ее освобождение на-ряду с революционизированием сельского хозяйства является одной из первых

его задач,—одновременно с естественным увеличением плодовитости, вызовет более интенсивное применение предупредительных средств и таким образом замедлит размножение народонаселения, более того, приведет его в стационарное состояние, между тем, как, благодаря перевороту в сельском хозяйстве, уровень средств существования повысится в такой необычайной степени, что может случиться противоположное мальтузианским опасениям. Создастся таким образом опасность не перенаселения, а обезлюдения.

Но и этого опасаться нечего.

Мы не должны забывать, что в обществе с самого начала действует могучий фактор, регулирующий половые отношения,—это нравственное чувство, нравственные воззрения. Мы уже указывали, что в человеческом обществе, поскольку мы можем проследить его развитие, никогда не было свободной любви в том смысле, что продолжение рода являлось бы личным делом, которое не касалось бы общества, что, наоборот, общество всегда заботилось о потомстве, заботилось о том, чтобы размножение потомства происходило в соответствии с возможными условиями для его воспитания. Оно обращало на эту заботу свое главное внимание и силой своих нравственных требований добивалось необходимых ограничений.

Капиталистическое общество притупило нравственные чувства и в половом вопросе. Оно заменяет их цинизмом, с одной стороны, и лицемерием—с другой, в большинстве же случаев беспринципным шатанием между устарелыми принципами и хаосом новых взглядов, драпирующихся в нравственные требования, но представляющих пока частные пожелания отдельных лиц и не имеющих никакого общественного значения.

Выросшее на почве мелко-буржуазного хозяйства, его права и нравов, капиталистическое общество переняло от последнего его правовые и нравственные воззрения как на частную собственность, так и на брак. Но при капитализме как одни, так и другие теряют свой первоначальный смысл и превращаются из благодеяния в зло.

В мелко-буржуазном обществе каждый подмастерье имел надежду стать мастером, а каждый не имеющий собственности юноша, путем прилежания и бережливости, если у него только была возможность выждать, собственником. Только у тех детей могла быть возможность стать дельными людьми, которые воспитывались в обстановке домашнего хозяйства, а такое хозяйство предполагает частную собственность. Отсюда возникло нравственное требование

мелкой буржуазии,—которое Мальтус пытался облечь в научную форму,—предоставить рождение детей только имущим классам; отсюда и отказ от всех половых отношений, которым не предшествует прикрепление мужа к домашнему хозяйству, к жене и детям.

Все это имело еще некоторый смысл при мелко-буржуазных условиях, но совсем теряет его при капиталистическом способе производства. Массы превращаются теперь в обездоленных, которые не имеют надежды стать когда-нибудь собственниками, и одновременно с этим пролетарские дети очень рано предоставляются своей судьбе. Мальтус выступил с своим требованием как раз в то время, когда оно стало бессмыслицей. Пролетарий ничего не выигрывает, если откладывает брак; его рабочая сила и способность содержать детей начинает уменьшаться в таком возрасте, в котором член имущих классов едва только достигает состояния или положения, дающего ему возможность вступить в «приличный» брак.

С развитием пролетариата не только превращаются в массовое явление «легкомысленные» браки, но увеличивается также количество свободных браков, не освященных законом, и количество незаконнорожденных детей. То, что раньше считалось исключением, знаком полного неуважения ко всем добрым нравам и уходом из общества порядочных людей, все больше становится теперь массовым явлением. Пренебрежение, высказываемое нравственностью и законом по отношению к внебрачным детям, превращается в свою противоположность. Из средства, которое должно было предотвратить производство незаконнорожденных детей и предоставить всем детям возможность воспитываться при наиболее благоприятных для них условиях, оно превратилось в средство, создающее неблагоприятные условия жизни для незаконнорожденных, увеличение количества которых оно не в состоянии задержать, так что они составляют все большую часть рождающихся детей.

В силу всего этого в современном обществе изменяются взгляды на свободный брак и незаконнорожденных детей. Но оно все же не может еще прийти к тому, чтобы поставить на одну ступень свободный брак с законным.

Женщина, значительную часть сил которой отнимает функция размножения,—беременность, кормление грудью, уход за детьми,—не в состоянии одна воспитывать детей. Она не в силах справиться с этим делом без помощи мужчины или общества. Чем больше общественное производство и общественная собственность заменяются частным производ-

ством и частной собственностью на средства производства, тем больше общество перестает заботиться о потомстве, тем обязательнее становится эта забота для мужчины, тем больше принуждается он к этому обществом, но только по отношению к законному браку, который признан и одобрен обществом.

Уже в животном мире мы находим при подобных условиях образование прочных моногамных союзов. У беговых птиц, птенцы которых сейчас же, по вылуплении из яйца, сами достают себе пищу, отец не имеет значения для выращивания юного поколения. Совсем иное мы видим у птиц, птенцы которых еще долгое время, после вылупления, остаются в гнезде, куда им нужно доставлять пищу. Задача эта самке одной не по силам, ей на помощь должен прийти самец. Только пары с верными, готовыми прийти на помощь самцами, имеют возможность при данных условиях размножаться и вырастить своих птенцов.

В силу аналогичных условий при существующем товарном производстве, законный брак, т.-е. законное соединение мужчины с семьей, представляет для воспитания детей лучшие экономические условия, чем неоформленная половая связь, которая в любое время, по желанию одной стороны, может быть расторгнута, при которой на отца не налагаются почти никакие обязанности, или же очень минимальные. Это может измениться только с наступлением общественного производства, когда заботы о воспитании детей вместо отца может взять на себя общество. Тогда законное соединение мужа и жены будет излишним. Капиталистическое общество, правда, делает такое соединение часто невыносимым, а во многих случаях и невыполнимым, но ни в коем случае не может сделать его излишним.

Как и во многих других вопросах, так и в половом, мораль при капитализме должна была стать двойственной. Капитализм, отнимая силу у старой морали, не в состоянии создать новую, он не заменяет одно нравственное требование другим, более соответствующим новым отношениям, но создает нравственную беспринципность и одичание.

Ко всему этому присоединяются рост классовых перегородок и все увеличивающееся обострение классовых противоречий. Они способствуют развитию в разных классах особых, часто противоположных моральных воззрений, благодаря чему разрушается как раз то, что составляет главную силу нравственного чувства: сознание, что оно является общим и обязательным для всех, что оно как бы само собой подразумевается. Теперь даже и те требования, которые составляли основу всей нравственности на всех стадиях общественного развития, у всех наций и классов, благодаря классовой борьбе, подвергаются ограничениям, при чем участники борьбы распространяют их только на стоящих с ними на одной точке зрения.

Социализм, уничтожив деление общества на классы, положит конец такому положению. В то же время он изменит ненормальное состояние, в котором находятся теперь семья и брак, создаст новые крепкие основы для воспитания детей, и вместе с тем условия для создания новой определенной половой этики. Вместе с выяснением всех этических отношений приобретут бо́льшую определенность и ясность также вопросы половой морали. Тогда уже не придется задумываться над тем, под защитой ли закона находится данный брак или нет, потому что для воспитания детей это будет решительно безразлично. Но и тогда нравственное чувство будет стремиться к тому, чтобы размножение народонаселения происходило в пределах, полезных для потомства. Как раньше нравственное чувство, единодушно осуждая внебрачные рождения, доводило их до минимума, точно так же будет оно продолжать влиять на размножение народонаселения и в социалистическом обществе.

Если бы французские условия размножения народонаселения распространились на все общество, и обществу угрожало бы обезлюдение, то общественное мнение, как и совесть самих женщин, осудило бы, как безнравственное, всякую искусственную бездетность и воспрепятствовало бы таким образом превращению ее в массовое явление.

И точно также вмешалось бы нравственное чувство, если бы обществу угрожало противоположное зло, т.-е. слишком быстрый рост народонаселения. А в социалистическом обществе размножение народонаселения будет казаться чрезмерным не только тогда, когда оно расширится за возможные пределы средств существования. Потребность в досуге и наслаждениях, доставляемых природой, будет в социалистическом обществе так велика, что размножение народонаселения уже тогда покажется чрезмерным, если оно заставит пожертвовать отдыхом и наслаждениями природой в пользу увеличения средств существования, т.-е. еще задолго до того, как уровень средств существования достигнет своего возможного максимума.

Как только размножение народонаселения покажется обществу чрезмерным, и как только это воззрение станет всеобщим, сейчас же общественное мнение и совесть отдельной личности поставит женщинам в обязанность не произво-

дить слишком большое количество детей. Ввиду новых средств для предупреждения зачатия, широкого распространения естественно-научных знаний, больших духовных запросов женщины, вследствие которых она будет рассматривать большое количество детей, как препятствие для своего умственного развития и деятельности, обязанность эта будет легче и безболезненнее, чем девственность, налагаемая современными нравами на девушку непролетарских слоев, если ей не удастся встретить подходящего человека, который согласился бы стать ее законным мужем.

Итак, нравственность, если в том явится необходимость, будет тогда регулировать размножение в такой же степени, как она постоянно регулировала и до сих пор половую жизнь. При условиях грядущего социалистического общества это можно сделать легче и безболезненнее, чем это было возможно при всех общественных формах, существовавших до сих пор.

Приведет ли ход вещей к тому, что придется прибегнуть к такому регулированию—этот вопрос совершенно не поддается теперь решению. Мы можем сказать только, что если бы в социалистическом обществе возникла проблема народонаселения, то она могла бы быть решена уже при помощи известных в настоящее время факторов.

Но поскольку мы можем охватить взором будущее, социалистическому обществу не угрожает ни опасность перенаселения, ни опасность обезлюдения. Мы указывали уже, что для поднятия сельского хозяйства всего мира на уже достигнутый естествознанием и техникой уровень потребуется несколько человеческих поколений.

Если это исключает на долгий период опасность перенаселения, то и опасность обезлюдения, которая могла бы грозить миру, если бы все женщины прониклись духовными интересами и начали интенсивно заниматься умственной деятельностью, оттягивается также на не менее долгий период.

Какой высоты достигнет тогда познание природы, какие средства, влияющие на плодовитость, будут тогда открыты—в настоящее время трудно себе даже представить.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Гигиена расы.

Подведем итоги нашего исследования. Мы нашли, что какие бы формы ни приняло в конце концов размножение населения в социалистическом обществе, мы не можем себе в настоящее время представить такие проблемы народонаселения, которые могли бы представить для него затруднения или даже опасность.

С другой стороны, мы решительно отвергаем социалистическое воззрение, согласно которому в социалистическом обществе природа сама собою создаст наиболее целесообразный порядок размножения, в то время, как в эпоху капитализма она действует в смысле перенаселения, короче говоря, как будто в вопросе народонаселения природа социалистична и антикапиталистична.

Опровержению этого социалистического воззрения была посвящена моя первая книга, и в этом отношении моя точка зрения не изменилась. Думать, что естественная плодовитость человека сама собою приспособляется к определенным общественным потребностям,—значит заниматься телеологией в худшем смысле слова и ставить вверх ногами все данные современного естествознания.

Но столь же неправильным кажется мне и тот взгляд, что стремление к перенаселению есть естественный закон, который господствует во всей органической природе, и которому можно противодействовать, и противодействуют только в человеческом обществе. В действительности имеет место как раз обратное. Как в отдельном организме, так и в системе организмов господствует равновесие созидающих и разрушающих сил, конечно, не равновесие материи, но равновесие жизни. Оно постоянно нарушается, чтобы постоянно быть восстановленным. Только в отдельные периоды глубоко идущих перемен в условиях жизни наступают в природе длительные нарушения равновесия—перенаселение в одном, вымирание в другом случае. Но и эти нарушения ведут, в конце концов, к установлению нового равновесия на измененной основе, при появлении новых и устранении старых видов организмов.

Вместе с человеческой техникой в природу вторгается источник нарушения равновесия, какого до сих пор не было

и который никогда не останавливается в своем действии, но постоянно вносит новые изменения и делает совершенно невозможным, чтобы система организмов приспособилась к этим нарушениям и снова пришла в равновесие. Вымирание и перенаселение делаются с этих пор прочными тенденциями. Регулировать их и направить в свою пользу—это одна из задач борьбы человека с природой. При этом, по отношению к другим организмам, человек может применять силу, чтобы устранить перенаселение. Слишком сильному размножению организмов в природе он ставит пределы их уничтожением. Слишком сильное размножение домашних животных он предотвращает тем, что пускает на племя лишь столько животных, сколько это кажется ему целесообразным.

Оба метода неприменимы к сочленам собственного общества, пока оно состоит из свободных и равных людей, как в первоначальном состоянии. Вместо того, вступает в действие новый фактор, регулирующий размножение в интересах общества, фактор, который в мире животных еще не действует в этой области: власть *нравственности*, общественного мнения, совести. Впрочем, мало вероятно, чтобы эта сила с самого начала человеческого общества действовала определяющим образом непосредственно на число рождений, уменьшая или увеличивая их. Ее первой задачей было регулирование размножения в интересах поддержания совершенства расы, предотвращения ее ухудшения вследствие кровосмесительных браков. Пока техника еще мало развита, борьба за существование так жестока, смертность от враждебных животных и людей так велика, что естественная смерть является исключением; плодовитость так незначительна по сравнению с громадной областью распространения человека, что вообще нет нужды в общественных нормах, ограничивающих рост населения. Конечно, для отдельных женщин слишком большое число детей может быть бременем, которого они стремятся избегнуть. Затем, с прогрессом техники, наступает иногда такое состояние, которое кажется перенаселением и заставляет желать ограничения числа рождений. Но это случается лишь после того, как уже развились глубокие классовые противоречия; тут вместо того, чтобы от всех одинаково требовать равномерного ограничения рождений, имущим классам предоставляется возможность самого свободного размножения, а от тех, кто лишен имущества и власти, требуется отказ от брака и семьи. Иногда это «нравственное требование» применяется и внутри высших классов, например: по отношению к младшим сыновьям, но, как общее правило, оно относится только к низшим классам—рабам и пролетариям. Оно создается не всем обществом в целом, не в силу общественного интереса, а исключительно в силу классового интереса, как венец обездоления угнетаемых классов, которые, поэтому, никогда не признают его справедливым.

Только уничтожением классов в социалистическом обществе будут даны условия, при которых нравственность, как регулятор размножения, приобретет действительную силу,—в том случае, если темп увеличения населения будет этого требовать; нравственность будет действовать, как регулятор, не только для предотвращения перенаселения, но и для предотвращения уменьшения населения, возможность, которая ни в коем случае не исключена. Этот регулятор, в случае необходимости, будет действовать тем легче, что уже и при настоящем состоянии естествознания и техники ограничение числа рождений вовсе не означает отказ от брачной жизни.

Ни в каком случае регулятор этот не вступит в действие, начиная уже с первых поколений социалистического общества. Но весьма важный практический интерес получит вмешательство нравственного сознания в процесс размножения в другой области, а не по отношению к увеличению населения; это—та область, где нравственное сознание выступает в самом начале человеческого общества,—гигиена расы, предотвращение физического вырождения человека.

В современном обществе это вырождение делает быстрые внушающие опасения успехи. Два фактора вызывают это вырождение. Прежде всего—дурные условия жизни культурного человечества при капиталистическом режиме; от них страдают прежде всего рабочие классы, но не они одни. Необеспеченность существования, венерические болезни, ночная жизнь разрушают здоровье и имущих классов. И если они не страдают от переутомления, плохих жилищ, недостаточного питания, недостатка во врачебной помощи, то тем сильнее действует среди них второй фактор, который при техническом прогрессе все более ухудшает расу: это—все растущая возможность жить и размножаться для самых слабых и больных.

Если наш взгляд на роль борьбы за существование в природе верен, то эта борьба ведет к более высокому развитию организмов не всегда, а только при наступлении изменений и увеличении разнообразия жизненных условий; но при всех условиях борьба за существование препятствует их вырождению. Каждый вид приспособился к условиям

своей жизни; но каждая отдельная особь может лишь в том случае удержаться при этих условиях, если она в совершенстве разовьет нужные для этого качества и способности. В противном случае она будет побеждена и выброшена из жизни. Поэтому хилость и болезненность у диких животных и людей или совсем не встречаются, или только крайне редко. Всякая больная особь, если она не выздоравливает быстро, гибнет от предстоящих ей передряг, недостатка в пище или от хищных животных.

Человеческая техника и здесь нарушает равновесие природы, уменьшая предъявляемые борьбой за существование требования и облегчая тем самым более слабым, телесно и духовно, особям не только поддержание жизни, но и размножение.

Теперь это имеет место даже в мире животных. Прежде волки и лисицы немедленно уничтожали всю больную дичь. Теперь в культурных странах волки почти истреблены, а лисицы стали более редкими. Больные олени, козы, зайцы могут более продолжительное время нести свои страдания, и, если это болезнь заразительная, передавать ее другим. Так возникают эпизоотии, которые в естественном состоянии не могли бы развиться.

Но всего более проявляется благоприятствующее вырождению действие технического прогресса, естественно, на человеке. Прежде всего на господствующих классах, которые претендуют на все выгоды этого прогресса, но в некоторой степени и на эксплоатируемых.

Прогресс техники основан на разделении труда, на упрощении каждой отдельной работы. Это делает работу более монотонной, но и гораздо более легкой. Не только дети, но и калеки, даже душевнобольные могут теперь найти применение в работе и зарабатывать столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду. Но не только при работе, но и в остальной жизни уменьшаются те требования на телесную силу, которым должен удовлетворять каждый отдельный человек, чтобы иметь возможность жить. Самое развитие естествознания отчасти благоприятствует вырождению. Медицина есть в гораздо меньшей степени искусство делать больных здоровыми, чем искусство продлить больным людям их больную жизнь, и тем самым дать им возможность к размножению, к рождению детей. В этом и заключается смысл того уменьшения смертности, которым так гордятся апологеты буржуазного общества.

Социалистическое общество, конечно, устранит один фактор вырождения человечества—переутомление, дурное

питание и плохое жилище, ночную работу, и ночную жизнь, проституцию и венерические болезни. Но одновременно оно усилит другой фактор вырождения—именно тем, что облегчит людям жизнь, понизит предъявляемые к ним требования, будет больше заботиться о хилых и калеках.

Но, вместе с тем, оно будет развивать условия, противодействующие возникающей отсюда опасности дальнейшего вырождения человечества.

Уже теперь есть целый ряд естествоиспытателей, понимающих опасность и сознающих необходимость того единственного средства, которое может предотвратить ее внутри человеческого общества: замена естественного подбора, вызываемого борьбой за существование, искусственным подбором,—таким образом, что все болезненные индивидуумы, от которых родятся больные дети, откажутся от продолжения рода, а это при современном состоянии медицинской техники, как мы знаем, не заключает в себе отказа от брака.

Но как должен осуществиться этот вид искусственного подбора? Путем вмешательства властей, полицейских запрещений, карательных постановлений? Их можно было бы применять в крайнем случае к опасным преступникам или умалишенным, которых держат в заключении. Но по отношению к свободным людям это был бы абсурд. Здесь может действовать регулирующим образом только голос общественного мнения и собственной совести.

Но как при современных условиях может сложиться нравственное сознание в этом направлении? Не тем ли путем, как думает Шалмейер, теоретик «усовершенствования расы», что «когда-нибудь и у нас будет господствовать дальновидная государственная мудрость, которая признает настоятельной, жизненно важной задачей воздействовать на общественное мнение и общественную оценку поведения личности соответствующими мероприятиями во всех областях внутренней политики и всеми видами социального внушения»? Это воззрение стоит еще на точке зрения патриархального абсолютизма, считающего народы детьми, а правительства—их учителями и наставниками. Но даже учителя и родители не всегда могут воспитать детей по своему желанию; они терпят неудачу, если цели их воспитания не соединимы с впечатлениями действительной жизни, которая всегда оказывается сильнейшим из всех факторов воспитания.

Прежде всего должны были бы показать хороший пример те, которые теперь представляют собою «государственную мудрость», высшие классы, так как среди них более

всего сказывается вырождение, вследствие сохранения жизни и размножения более слабых индивидуумов. Но в их рядах мы не видим ни малейших задатков для образования того нравственного сознания, которое объявило бы преступлением продолжение рода для более слабых духовно или физически индивидуумов. Продолжение рода в этих кругах так же, как и брак, принесены в жертву интересам семейной собственности, а не улучшения расы. И в среде буржуазии брак служит экономическим интересам. Брак—потребность капитала в концентрации, продолжение рода—потребность передать капитал по наследству, как частную собственность. Капиталист не является, подобно феодальному аристократу, рабом своей семьи, но рабом своего капитала; он женится, сообразуясь с его потребностями, а не со своими личными склонностями. И гораздо больше, чем здоровье его наследника, его интересует величина капитала, который он может завещать ему. К этому присоединяется еще и вера этих кругов во всемогущество денег. Ими считают возможным купить все, в том числе и здоровье. И, однако, покупают часто только искусство профессоров продлить наследнику жизнь до тех пор, пока он новым денежным браком не сконцентрирует еще более капитал и не обеспечит рождением нового наследника дальнейшего существования своего капитала в качестве частной собственности. Этим закончены его обязанности перед капиталом, и он может присоединиться к своим неврастеничным, чахоточным, сифилитичным и душевно-больным предкам.

В низших классах еще меньше шансов на образование социального сознания в смысле гигиены расы. Здесь препятствием является невежество, связанное с социальным положением. Как в этих классах может кто-либо притти к выводу, что болезненность его детей наследственного свойства, когда дети его соседа не здоровее и когда совершенно очевидно, что все они выглядели бы гораздо лучше в хорошей, здоровой квартире, при достаточном питании, при летнем отдыхе на берегу моря или в лесу!

Пока условия жизни пролетария являются в такой сильной степени источником болезней и слабости, ему нельзя внушить мысль, что гигиена расы есть его социальная обязанность.

Совершенно другое дело в социалистическом обществе. Никто уже не является в нем рабом своего капитала, как капиталист, который женится на нелюбимой, больной, но богатой женщине, чтобы иметь от нее наследника. Тогда исчезнут все эти условия, ведущие теперь как в среде пролетариата, так

и в высших классах к болезням и вырождению. Кто имеет здоровые задатки в себе, будет развивать и укреплять их. Болезненность не будет более массовым явлением, от которого нет спасения. Если тогда и будут еще рождаться больные дети, то их болезненность не явится уже результатом социальных отношений. В ней повинны будут только родители. Тем самым будет дана почва, на которой может развиться действительная практика «усовершенствования расы»—общественное стремление к рождению здоровых детей. Тогда и общественное мнение, и совесть самих родителей будет осуждать продолжение рода болезненных людей, тогда будет общепризнанной обязанностью каждого взрослого человека, который чувствует себя не вполне здоровым, перед заключением брака выслушать совет специалиста, целесообразно ли продолжение его рода или нет. На рождение больного ребенка будут тогда смотреть такими же глазами, как теперь на рождение внебрачных детей.

Таким образом, социализм принесет человечеству не только материальное благосостояние и отдых, но еще здоровье и силу, и устранит болезни, как массовое явление.

Возникнет новый род людей, сильный, красивый и жизнерадостный, как герои греческого эпоса или немецкие богатыри эпохи переселения народов, которых мы представляем себе такими сильными, как теперь, например, жителей Черногории.

Но если для них война и разбойничество составляли высшее наслаждение, то в социалистическом обществе не будет к этому ни склонности, ни повода. Избыток физической силы найдет себе применение в преодолении естественных препятствий и в спорте. Но тогда станет достоянием всего общества и новый интерес, которого еще не было вовсе во времена варварства, и который, со времени его возникновения и до сих пор, оставался только аристократической монополией: интерес к науке.

Участие в научной деятельности есть высшая форма наслаждения и притом такая форма, разнородность которой постоянно увеличивается. К наслаждению, доставляемому разрешением какой-либо проблемы, наука всегда прибавляет жало новой проблемы, побуждающей ум к новой работе.

Для развития науки нет других границ, кроме тех, которые поставлены существованию человечества.

Гораздо раньше, чем земля станет необитаемой для человечества, на ней остановится дальнейшее развитие органической жизни. Мир растительных и животных организмов, вероятно, достиг с человеком своей высшей точки. Не исклю-

чена возможность, что и человеческое общество достигнет высшей точки развития в социализме, так что он представляет собою последнюю и высшую форму человеческого общества, как человек последнюю и высшую форму в мире организмов. Во всяком случае, органическое и общественное развитие ограничены, как и сама основа, на которой они построены: силы земли и той части солнечной теплоты, притекающей к земле, могут иссякнуть.

Но безгранична область науки, вселенная, вечное и бесконечное все. Его нельзя исчерпать. Чем дальше подвигается знание, чем сильнее растет его объем, тем слабее чувствует себя отдельный исследователь, тем ничтожнее кажется ему уже достигнутое наукой по сравнению с тем, что еще нужно завоевать, но тем сильнее и желание дальнейших завоеваний. Для великих завоевателей будущего остается только наука: для них не будет другого поля более могучей битвы, не будет триумфа более гордого, возвышенного и чистого, как триумф завоевателя в области науки, не будет другой более счастливой деятельности, как бороться в ее рядах.

Величайшим и наиболее блестящим деянием социализма будет именно то, что он сделает общим достоянием не только благосостояние, здоровье и отдых, но и наслаждение наукой.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ и МАЛЬТУС

Среди многочисленных противников Мальтуса вряд ли кто оказался более опасным для него, чем русский социалист Чернышевский, который, с помощью своего блестящего математического метода, как будто бы окончательно уничтожил мальтусову теорию народонаселения. Метод Чернышевского, бесспорно, оригинален и гениален, и с его помощью можно добиться очень важных результатов. Но математический метод чреват большими опасностями: достаточно малейшей ошибки в предпосылках, и она в ходе выкладок может до того разрастись, что из-за нее гибнет вся покоющаяся на этих посылках числовая постройка. Поэтому, если допустить ничтожнейший промах в предпосылках, то в итоге можно притти к выводам, которые находятся в вопиющем противоречии с действительностью, между тем как в самом ходе выкладок нет никакой ошибки.

Пример этого представляет известный софизм Зенона, «Ахилл,—говорит Зенон—преследует черепаху. Ахилл передвигается в десять раз быстрее черепахи. В начале преследования он, находясь в A, отстоит на сто (100) шагов от черепахи, находящей в B. За промежуток времени, в который Ахилл приходит из A в B, черепаха передвигается из B в C: на сто шагов, пройденные Ахиллом, она сделала в это время 10 шагов. Когда Ахилл придет в C, черепаха окажется в $Д$, на расстоянии одного шага от него. Если Ахилл доберется до $Д$, то черепаха будет в E, на расстоянии $^1/_{10}$ шага от него. Словом, расстояние между Ахиллом и черепахой непрерывно уменьшается, не становясь, однако, никогда равным нулю. *Следовательно, Ахилл никогда не догонит черепахи*».

Нелегко найти ошибку в этом рассуждении. И, однако, всякий знает, несмотря на всю безупречность математического доказательства,—что под конец Ахилл нагонит черепаху. Всякий знает это, даже не зная ничего о математике, ибо *опыт* научил нас тому, что быстроногий человек должен нагнать черепаху. Но если уже в таком простом случае трудно избавиться от ошибки без помощи опыта, то это еще

значительно труднее в политической экономии. Политико-экономические процессы гораздо сложнее, чем все прочие; почти невозможно охватить все факторы, играющие здесь роль; поэтому ошибка здесь почти неизбежна. Отсюда вовсе не следует, что нужно отвергнуть метод Чернышевского—наоборот, метод принесет еще политической экономии никем не чаемую пользу,—но он не пригоден и опасен, *пока результаты его не контролируются опытом.*

Но Чернышевский в своем опровержении Мальтусовой теории народонаселения этого не сделал, да и не мог сделать. Когда он писал свою критику Милля—это было в 1860 г., т.-е двадцать лет назад,—статистика была еще в столь несовершенном состоянии, что, как он сам неоднократно жалуется, данные ее совершенно не годились для проверки его утверждений. Но с тех пор эта область человеческого знания очень развилась, и, если статистика народонаселения не дает еще возможности вывести из нее с абсолютной достоверностью закон народонаселения, то все же она дает нам возможность проверить, правильны ли были утверждения Чернышевского, или нет. Во всяком случае, мы можем исследовать и установить с большой степенью вероятия, в каком направлении должно происходить движение народонаселения, если оно не испытывает никаких препятствий. В интересах науки очень прискорбно, что сам Чернышевский не имел возможности следить за прогрессом науки, ибо мы убеждены, что он, соответственно с этим, видоизменил бы свои взгляды: ведь одно из ценнейших качеств гения—способность замечать сделанные ошибки и исправлять их. Но, к несчастью, проклятый деспотизм, дав благородному герою свободы возможность физического прозябания, погубил его для общества и науки. Поэтому, на долю тех счастливцев, которым успехи науки доступнее, чем томящемуся в Сибири мученику, выпадает задача доделать то, что гораздо лучше сделал бы сам Чернышевский,—именно: приспособить результаты его исследований к прогрессу знания. С этой точки зрения, а не из вражды к глубокоуважаемому мной ученому, я и позволю себе подвергнуть критике его опровержение мальтусовой теории. Я считаю подобную критику обязательной, в виду многочисленных ошибок, встречающихся в этих главах его книги, и ввиду важности темы для общественных наук. Но из того, что я занимаюсь только этими ошибками, не касаясь вовсе достоинств концепции Чернышевского, пусть не заключают, будто я не признаю этих достоинств. Я умею их ценить в полной мере, но я полагаю, что они уже известны той публике, к которой я обращаюсь,

между тем как заблуждениями Чернышевского, насколько я знаю, еще никто не занимался.

Но я заранее хочу гарантировать себя от подозрения, будто я имею в виду реабилитацию Мальтуса. Если бы дело шло о Мальтусе, то критиковать Чернышевского было бы не нужно, да и невозможно; его опровержение Мальтуса настолько неотразимо, что реабилитация книги Мальтуса и его особы более не мыслима. В настоящее время невозможно защищать ту форму, в какую Мальтус облек свое учение, и те выводы, которые он извлек из него. В доказательстве этого заключается заслуга Чернышевского. Но ядро мальтусовой теории народонаселения представляется в совсем иной форме, чем во времена Чернышевского; точно также существенно видоизменены получаемые из нее выводы. Аргументация Чернышевского представляет слабые стороны лишь постольку, поскольку она затрагивает это очищенное наукой неомальтузианство, которого он совсем не знал, и только на этих слабых сторонах я и намерен остановиться.

Мы должны поэтому согласиться с Чернышевским, когда он говорит: «Ему (Мальтусу) представлялось неимоверной крайностью предположение, что продукт английского земледелия может быть удвоен в 25 лет. Это наивность, вызывающая улыбку у людей, читавших нынешние агрономические книги» [1]). Действительно производительность великобританского земледелия может быть сильно увеличена, гораздо более, чем вдвое. Но приводимый им затем, на основании этого, расчет может «вызвать улыбку у людей, читавших нынешние агрономические книги».

Этот расчет основывается именно на допущениях, которые принимала сельско-хозяйственная рутина, мнившая себя лет 30—40 назад наукой (да и теперь еще признаваемая таковой в иных учебных заведениях), но которых не может принять современная, опирающаяся на научных основах, агрономия. Чернышевский утверждает следующее: «В Великобритании и Ирландии находятся до 61½ миллионов акров (около 25 миллионов гектаров) земли, удобной для земледелия (Statistik von Kolb. 2 изд. с. 5). Мы приводили (прим. 5, с. 13) слова Гаспарена, что при порядочном устройстве плодопеременной системы *произведениями 100 гектаров* земли продовольствуются 931 человек.

«Итак, Великобритания с Ирландией при порядочном устройстве плодопеременного хозяйства могли бы продо-

[1]) *Tschernischewsky*, L'économie politique jugée par la science Bruxelles 1874, I, стр. 371. В полном собр. соч. Чернышевского, том VII, стр. 246.

вольствовать более 230 миллионов населения. В 1860 г. все количество населения Великобритании с Ирландией простирается приблизительно до 29 милл. человек (Kolb, с. 1). Из них домашними земледельческими продуктами содержатся не более 25 милл. человек (средний ввоз хлеба в Англию ныне следует считать от 8 до 10-ти миллионов квартеров,—Kolb, с. 25)—количество, продовольствующее, конечно, больше, чем 4 милл. человек. Таким образом жители британских островов могли бы увеличить свой нынешний земледельческий продукт в 9 раз, если бы ввели хорошее хозяйство».

Я думаю, что исследователь, рассуждающий таким образом: «Раз 100 гектаров могут прокормить 931 человек, то 25 миллионов гектаров могут прокормить в 250.000 раз больше людей»,—я думаю, что такой исследователь слишком облегчает себе свою задачу. Даже приблизительно верный подсчет того, что может произвести какая-нибудь страна, весьма сложен, почти невозможен. Уже различное качество почвы не позволяет вычислить на основании возможной производительности 100 гектаров, возможную производительность целой страны. Но если бы даже захотели произвести подобное вычисление, то пришлось бы считаться со следующим. Только современное хищническое хозяйство, а не основывающаяся на научных принципах агрономия, может позволить себе выжимать из земли возможно большее количество продуктов, не считаясь с продолжительностью и постоянством урожаев. Только современное хищническое хозяйство—называющее себя, правда, агрономией—способно было бы, может быть, дать сборы, несколько приближающиеся к указанной выше производительности.

Но чтоб сохранить постоянство урожаев, необходимо прежде всего сохранение влажности почвы, т.-е. сохранение лесов, озер, областей половодья, рек и т.д. Там, где обезлесение достигло известной границы, там постоянная влажность почвы уменьшается и заменяется крайностями засух и чрезмерных разливов. В Месопотамии, Малой Азии, Греции, Сицилии мы отчетливейшим образом видим пагубные следствия истребления лесов; эти, некогда столь цветущие, страны представляют теперь безлюдные пустыни, которые не увлажняются наступающими иногда наводнениями, а только лишаются благодаря этому последнего остатка пригодной для обработки почвы.

Вся Европа очутилась бы в таком положении, если бы мы послушались Чернышевского и захотели бы получить максимальные сборы со всей доступной обработке земли.

Покрытая теперь в Европе лесами площадь не только не должна быть уменьшена, но, наоборот, должна быть увеличена; повсюду, *даже в России, даже в некоторых областях Америки*, истребление лесов зашло слишком далеко. В России увеличиваются засухи, сменяемые наводнениями, разница меж летним и весенним уровнем вод достигает в среднем и нижнем течении русских рек часто 6—7 метров. Чтоб избегнуть опустошительных действий истребления лесов, как они дают себя знать в текущем столетии, необходимо восстановить пространство, занимаемое лесами, по меньшей мере до размеров прошлого века, т.-е. до 40% *площади Европы*.

В Германии	25,4%	всей площади.
„ Пруссии	23,3%	„ „
Баварии	32,0%	„ „
„ Саксонии	30,5%	„ „
Вюртемберге	30,6%	„ „
„ Бадене	33,4%	„ „
„ Великобритании	2,4(!)	„ „
Англии и Уэльсе	3,9%	„ „
„ Шотландии	0,6(!)	„ „
„ Ирландии	1,6%	„ „
„ Голландии	6,8%	„ „
„ Бельгии	15,1%	„ „
„ Швейцарии	19,1%	„ „
„ Норвегии	31,1%	„ „
„ Швеции	39,9%	„ „
„ Италии	22,5%	„ „
„ Венгрии	26,8%	„ „
„ Австрии	31,6%	„ „
„ России	39,2%	„ „
„ Франции	17,0%	„ „

В Великобритании истребление лесов шагнуло дальше всего. Правда, островное положение делает здесь леса не столь необходимыми в качестве водохранилищ, как на материке; тем не менее пагубное действие обезлесения сказывается и в Великобритании, правда, не в больших засухах, а в опустошительных наводнениях. Если желать сохранить благоприятные климатические отношения в Великобритании и избегнуть в ней резкой разницы в уровне вод, то необходимо провести лесонасаждения, по меньшей мере, в 20% всей площади страны. Особенно настоятельно требуется увеличение лесов в горных округах,—в Шотландии и Уэльсе; в противном случае вся плодоносная почва с течением времени будет смыта в реки. Правда, за последнее время значительное количество обрабатываемой земли было превращено в охотничьи округа. Но в этих случаях существенную роль играла только охотничья страсть благородных лордов, а не

хозяйственные интересы страны. Дело здесь идет не о правильном лесоводстве, а о замене людей дикими зверями. И созданные таким образом охотничьи округа представляют не столько леса, сколько скупо усеянные лесами степи.

Если мы отведем для лесов потребный минимум в 20% земельной площади, то из 25 милл. гектаров останется только 20 милл. Но и эти 20 миллионов не могут быть превращены целиком в пахоту: земледелие возможно только на ровной или слабо покатой площади; более крутые участки земли надо отводить под луговую культуру, или иначе с них будет смыта пахотная земля. Правда, теперь в Великобритании имеется слишком много лугов, так как предпочитают скотоводство разведению хлебов, и в луга превращено много пахотной земли, которая отлично бы годилась для возделывания злаков. В Англии луга занимают 29,8% всей площади, во всей Велибритании 28,2%, в Ирландии даже 46,8%! Это, безусловно, слишком много. Мы можем принять арифметическую среднюю между луговой площадью Франции—21,8% и Австрии—27,2% за норму для Великобритании. Это составляет 24,5% всей поверхности страны, свыше 6 миллионов гектаров. В таком случае из 25 милл. гектаров у нас остается только 14 миллионов. Но и они не могут дать вычисленный Чернышевским урожай, ибо почва, особенно в Шотландии и Уэльсе, весьма невысокого качества. Мы видим таким образом, что утверждение, будто можно удесятерить доход земли в Великобритании, улучшив, соответственно указаниям науки, сельское хозяйство ее, страдает явным преувеличением. Но можно, безусловно, путем перехода к рациональному ведению хозяйства, в 25 лет более, чем удвоить,—может быть, учетверить урожаи с земли в Великобритании.

Но в других странах возможно еще большее повышение урожая средств существования. Ежегодный урожай пшеницы с акра земли составлял в Голландии 28½ бушелей, в Англии—28—29½, в Белгии—20⅓, в Вертюмберге—18, в Баварии—16⅓, в Австрии—12½, в Венгрии—8½, в России—5⅓. Мы можем допустить, что английское (не великобританское) сельское хозяйство ведется настолько рационально, что пока не приходится рассчитывать на сколько-нибудь значительное повышение производительности его по сравнению с настоящим. Но мы смело можем предположить, что каждая страна сумеет давать в среднем 30 бушелей на акр, как только в ней будет совершен переход к рациональному крупному хозяйству на социалистической основе. В таком случае во Франции количество производимых продуктов должно было бы, по меньшей мере, удвоиться,—мы не вправе рассчитывать на значительно бо́льшее количество их, ибо, ввиду чрезмерной распашки почвы, пришлось бы отвести много земли под новое лесонасаждение: выгоны Франции занимают только 17% всей поверхности ее. Наоборот, в России легко можно было бы расширить площадь, обрабатываемую теперь и занимающую всего 20%, до 30% всей поверхности, а урожайность с каждого акра земли ушестерить: таким образом можно было бы увеличить в десять раз производительность земли. То, что Чернышевский вычислил для Великобритании, в действительности применимо к России.

Мы видим, следовательно, что Чернышевский заходит слишком далеко в своем оптимизме, а Мальтус—в своем пессимизме. При известных исторических условиях можно, за короткий период времени, путем перехода к высшей форме хозяйства, необычайно повысить плодородие почвы.—так, например, в России в наше время увеличить его почти в десять раз. Но не следует думать, будто всегда возможно подобное повышение урожайности. Такое увеличение плодородия возможно лишь при наличности социальных, политических и технических условий, дозволяющих переход к высшей форме общества.

Непосредственно следующие за этим рассуждения Чернышевского имеют целью доказать невежество и легкомыслие Мальтуса, и это, безусловно, удалось русскому ученому. Мы остановимся только на той части их, где он старается показать, будто достаточно ничтожного прогресса в технике, чтоб всегда поддерживать количество жизненных средств на необходимом для пропитания населения уровне.

С помощью необычайно остроумного метода расчета он приходит к выводу, что улучшения в земледелии, необходимые для удовлетворения потребностей растущего населения, размножение которого не испытывает никаких препятствий, могут быть выражены в следующих цифрах: [1])

1860	1885	1910	1935	1960
1,00	1,0214	1,0434	1,0657	1,0886

Иными словами, если за 100 лет прогресс сельско-хозяйственной техники будет составлять только 9%, то этого вполне достаточно для удовлетворения потребностей населения, даже если бы оно действительно удваивалось каждые 25 лет (Чернышевский делает провизорно эту уступку Мальтусу). Такое ничтожное улучшение было бы в действительности только китайским застоем; мы имеем, безусловно, все

[1]) *L.* с. стр 398 (стр. 258 в седьмом томе сочинений)

основания думать, что прогресс в земледелии будет совершаться гораздо быстрее. Однако мы не можем удовлетвориться полученным у Чернышевского результатом, ибо, как он ни приятен и утешителен, он, к сожалению, ошибочен.

Ход доказательств здесь, как всегда у Чернышевского, безупречен—я поэтому и не счел нужным воспроизвести его. Ошибка заключается не в аргументации, а в ее предпосылках.

Доказательство Чернышевского основывается на высказанном еще Мальтусом (хотя нигде строго не формулированном) взгляде, что производительность потраченного на обработку земли труда убывает в той же пропорции, в какой возрастает число рабочих. Будь правилен этот взгляд Мальтуса, Чернышевский был бы прав. Но этот взгляд, как и многие другие воззрения Мальтуса, в корне ошибочен, и поэтому Чернышевский неправ. Плодородие почвы весьма капризная штука, не позволяющая заковать себя в математические формулы. Бывают обстоятельства, при которых удвоение потраченного на обработку земли труда повышает урожайность ее вчетверо, но бывают и такие случаи, при которых никакой добавочный труд неспособен повысить сборы с земли. Прогресс в земледелии заключается не столько в том, что научаются добывать, с помощью одинакового количества труда, большее количество продуктов, сколько в том, что научаются получать на одном и том же участке земли одно и то же количество продуктов, помощью *меньшего* количества труда. Английский сельско-хозяйственный рабочий производит в восемь раз больше продуктов, чем его французский собрат; но тем не менее производительность английской почвы больше производительности французской земли не в 8 раз, а только в 2. Начиная с известного момента, все улучшения в английском земледелии перестали повышать сколько-нибудь заметным образом урожайность земли, они вели за собой почти исключительно освобождение излишних рабочих. И вот, в итоге мы видим, что в Англии сельским хозяйством занимаются 12% населения, а во Франции целых 51%. Таким образом производительность почвы вырастает несравненно медленнее, чем производительность потраченного на обработку ее труда. Если через 100 лет народонаселение увеличится в 16 раз, то можно, разумеется, допустить, что 16 рабочих будут возделывать то поле, которое возделывает теперь один человек; но я сомневаюсь, чтоб в итоге этой дополнительной работы и 9% технических улучшений семя стало приносить в 16 раз больше колосьев, чем теперь, деревья стали расти в 16 раз быстрее, а скот стал размножаться в 16 раз скорее. Труд человека может ускорить подобные естественные процессы лишь до известной границы, за которой он оказывается совершенно бессильным.

Но даже если бы и возможен был подобный рост производительности почвы, скота и т. д.—хотя каждый должен согласиться, что он невозможен,—все же это увеличение производительности сельского хозяйства не могло бы удовлетворить потребностям растущего населения, *так как с приростом населения убывает поверхность возделываемой почвы.*

Я не понимаю, как можно забыть то, что люди не живут в воздухе, а на земле, что они нуждаются в месте для своих жилищ, что чем больше становится на земле людей, тем больше необходимо пространства для жилищ и тем, следовательно, меньше остается его для возделывания почвы. Многим упоминание об этом пункте покажется, может быть, смешным: ведь пространство, занимаемое жилыми помещениями, очень незначительно. Маленький расчет покажет, однако, что это совсем не так.

В английских городах на одну квадратную милю приходится 70.000 жителей. Но так как в социалистическом обществе (дело, ведь, у нас идет именно о нем) будут обращать больше внимания на санитарное и эстетическое состояние жилищ, чем это делается теперь, то можно принять, что на одну квадратную милю будет приходиться не более 50.000 человек.

Европа насчитывает теперь 300 миллионов жителей, которые, согласно принятой выше норме, потребуют для своих жилищ 6.000 квадратных миль. Так как поверхность Европы занимает, по Даниелю, 150.000 кв. миль, то на долю земледелия и скотоводства, на долю лесов и неудобных земель останется 144.000 кв. мили. Если мы вычислим отношение между площадью, занимаемой жилищами, ко всей поверхности Европы, исходя из гипотезы об удвоении населения через каждые 25 лет, то мы получим следующие результаты:

1880	300	милл.	жителей	занимают площадь	6.000 к. м.
1905	600	„	„	„ „	12.000 „ „
1930	1.200	„	„	„ „	24.000 „ „
1955	2.400	„	„	„ „	48.000 „ „
1980	4.800	„	„	„ „	96.000 „ „

Теперь одна кв. миля в Европе дает пропитание, в среднем, 2.082 людям. Ей пришлось бы давать пропитание:

1905	—	4.348
1930	—	9.524
1955	—	23.529
1980	—	88.888

Иными словами, если население увеличивается в 16 раз, то для прокормления его плодородие почвы должно возрасти не в 16 раз, а в *42 раза*, т.-е. через 100 лет каждый участок земли должен приносить в 42 раза больше, чем теперь. Кто считает это возможным, тот даже не оптимист, а просто безумец.

Но даже и этого немыслимого увеличения плодородия почвы хватит не надолго. Продолжая начатый выше расчет, мы получим уже для 2005 г. население в 9.600 миллионов, для жилищ которого потребуется площадь в 192.000 кв. миль, т.-е. к началу третьего тысячелетия обитателям Европы не будет хватать для их жилищ 40.000 с лишним кв. миль. Максимальнейшие улучшения в технике земледелия не будут достаточны, чтобы прокормить одного человека.

Это, я думаю, в достаточной мере доказывает чрезмерность оптимизма Чернышевского.

Повторяю: он прав, упрекая Мальтуса в невежестве и легкомыслии и настаивая на том, что за 25 лет плодородие почвы может неимоверно возрасти; но он неправ, думая, что этот рост может продолжаться достаточно долго и что ближайшим поколениям не будет никаких оснований беспокоиться из-за вопроса о пище.

Но предстоящая им опасность становится реальной лишь при предположении, что народонаселение может действительно удвоиться через 25 лет. Чернышевский пытается опровергнуть эту теорию в 3-й главе своей критики Мальтуса, трактующей «о размножении людей».

Чернышевский и здесь оказывается правым о отношению к Мальтусу, который, на основании примера Соединенных Штатов, пришел к выводу, что народонаселение удваивается через 25 лет. Расчет этот ошибочен, так как он забывает совершенно влияние иммиграции. Но и приводимый Чернышевским расчет не имеет, к сожалению, более прочной основы. Чернышевский приходит к выводу, что кратчайший период удвоения народонаселения равняется 35 годам, но что в действительности он, вероятно, значительно длиннее. Когда он писал это, он не мог знать, что другой антимальтузианец опровергнет его расчет. Кери, этот бешеный противник Мальтуса, должен был признать, что белое население Соединенных Штатов—*отвлекаясь от иммиграции*—удвоилось за 1820—1850 г.г., т.-е. за 30 лет. Именно:

В 1820 г. белое население составляло	8.107.000
„ 1850 „ „ „ „	20.169.000
Прирост . . .	12.062.000

За этот промежуток времени число иммигрантов составляло:

В 1820—30	203.979
„ 1830—40	762.369
„ 1840—50	1.521.850
В сумме. .	2.488.198

Хотя среди иммигрантов $^1/_3$ была в возрасте ниже 15 лет или выше 40 лет, хотя, далее, больше половины их прибыло в Америку лишь за последнее десятилетие, Кери делает невозможное допущение, что все иммигранты вступили в брак в период 1820—1850 г.г. и что каждая пара принесла за это время на одного ребенка больше, чем была убыль от смертей. Прирост таким образом составлял в этой среде 1.244.099. Мы допустим это, как это ни мало вероятно, ибо главный поток иммиграции начался лишь в 1848 г. Действительно, мы имеем такие данные об иммиграции:

1846	154.416
1847	234.968
1848	226.527
1849	297.011
	912.922

Таким образом больше чем $^1/_3$ всех иммигрантов за рассматриваемый период прибыла за последние 4 года, между тем как ежегодная норма иммиграции за 1820—1825 г.г. не достигала и 10.000, и в 1823 г. составляла даже только 6.350. Таким образом мы делаем большую уступку Кери, когда мы допускаем, что вся иммиграция за 1820—1850 г.г. увеличилась на 1.244.099 чел., и это особенно верно, если иметь в виду, что иммигранты—в частности ирландцы, которые одни дали за 1841—1850 г.г. *около одного миллиона* пришельцев—рекрутировались из беднейших слоев населения, с трудом боровшихся за существование, и что среди них должна была свирепствовать страшная смертность. Если, несмотря на это, мы примем с Кери, что иммиграция 1820—1850 г.г. увеличилась на 1.244.099 чел., что таким образом на долю иммиграции с приростом ее приходится за 30 лет 3.732.297 человек, если, далее, мы прибавим сюда крайне редкое белое население присоединенных за это время штатов и территорий Калифорнии, Техаса и Новой Мексики, то мы получим общий прирост в 3.900.000 человек, который нельзя отнести за счет естественного размножения. Но так как все белое население Соединенных Штатов возросло за 1820—1850 г.г. с 8.107.000 до 20.169.000, т.-е. на 12.062.000 человек, то на долю естественного прироста остается

8.162.000 человек. Иначе говоря: при всех уступках антимальтузианцам *мы приходим к выводу об удвоении населения за 30 лет*. И при этом американские условия не очень сильно отличаются от европейских. В восточных штатах большой смертности благоприятствуют общественные порядки, в штатах далекого запада—борьба с природой. К этому присоединяется огромное распространение проституции, вызываемое на «for West» недостатком в женщинах, а в «цивилизованных» Штатах востока являющееся естественным результатом капиталистического способа производства.

Не надо, наконец, забывать, что искусственные меры против деторождения представляют в восточных штатах обычное явление.

О тирании мужчины по отношению к женщине—которая, согласно Чернышевскому, сильно способствует приросту населения—не может быть и речи в Америке. Поэтому я считаю вполне правомерным утверждение, что—при отсутствии, с одной стороны, нужды, нищеты и чрезмерной работы, а, с другой, проституции и искусственных мер против деторождения—вполне возможно удвоение населения за 25 лет, которое и теперь уже происходит за 30 лет.

Опыт показал нам, что, несмотря на математическое доказательство, Ахилл должен догнать черепаху; тот же опыт учит, что оптимизм Чернышевского необоснован. Ошибка его заключается не в ходе выкладок, а в посылках. Рассмотрим их, чтоб узнать не только, что Чернышевский ошибался, но и почему он ошибался. Когда он писал свою критику Мальтуса, статистика была еще в зачаточном состоянии; в его распоряжении, как он сам указывает, не было положительных данных и он должен был «довольствоваться простыми соображениями». Мы находимся в более благоприятном положении, чем он, и, если мы теперь знаем, что он заблуждался, то это ни наша заслуга, ни его вина. Но именно поэтому не следует из слепого благоговения к Чернышевскому забывать об успехах науки. Живи Чернышевский среди нас, он сам бы больше всех бичевал тех, кто превратил его взгляды в догматы.

На первую ошибку Чернышевского при вычислении им периода удвоения населения указал уже во французском переводе наш товарищ де-Пап. Мы имеем в виду мнение Чернышевского, что в период кормления грудью совершенно невозможно зачатие и что, следовательно, если каждая женщина будет достаточно долго кормить грудью своих детей, то она, в лучшем случае, сумеет рожать каждые два года. В действительности беременность и кормление грудью

не исключают друг друга; нередко оба эти процесса совершаются одновременно, но только это происходит за счет здоровья матери.

Вторая ошибка Чернышевского относится к вопросу о детской смертности. Собственно, это опять-таки не его личная ошибка, а ошибка современной ему несовершенной статистики. Чернышевский предполагает, что новорожденные подвержены столь многочисленным опасностям—не общественного, а чисто естественного порядка,—что смертность их, даже в хорошо организованном обществе, должна быть чрезвычайной. Он опирается при этом на цифры английского статистика Чедвика, который нашел, что из детей имущих классов в Англии до пятилетнего возраста умирает 20%. Чернышевский думает, что это есть нормальный, от природы положенный, процент детской смертности и что никакие общественные преобразования не смогут изменить его.

Результаты современной статистики говорят совершенно другое. Среди детей бедняков царит несомненно огромная смертность. На 1.000 новорожденных умирают за первый год жизни в Англии в целом 150, в Ливерпуле—188, в Лондоне—250, в других английских городах даже 330; в возрасте 1—5 лет умирают 113,69, следовательно, за первые пять лет умирает, по крайней мере, 26%. Но у детей богатого населения мы находим совсем иную картину. Из них, по наблюдениям Анселля, на 48.044 детей зажиточных родителей—на тысячу детей умирает в течение первого года 80,45, а за 1—5 лет—46,84, т.-е. всего несколько более 12%. Цифры эти (заимствованные из журнала «Malthusian» совершенно опровергают довод Чернышевского. Еще убийственнее для него расчет, заимствуемый нами из одного антимальтузианского источника, из статистики Кольба. На стр. 833 Кольб сообщает об исследованиях Каспера, произведенных им, с одной стороны, среди знати, а, с другой, среди бедняков Берлина. Каспер нашел, что на 1.000 рожденных в одно и то же время детей умирает за первые пять лет *у бедняков 345, у богачей лишь 57*, т.-е. не 20, а только 5½%.

Мы видим, как Чернышевский не дооценивал влияния благосостояния на смертность. Вследствие этой ошибки становится неверным весь построенный на ней расчет.

«Например,—пишет он.—при периоде удвоения в 15 лет, число лиц, имеющих более 15 лет, никак не могли бы уже составлять половину населения—большую половину его непременно составляли бы дети моложе 15 лет. При совершенном отсутствии нужды средняя продолжительность жиз-

ни была бы, конечно, более 45 лет; но, положив только 45 лет, мы увидим, что из людей, имеющих более 15 лет, целая половина имели бы более 45 лет. Что же мы получаем?

Люди, имеющие более 15 лет, составляют в населении менее . .	50%
Из них женщин одна половина [1]), т.-е. менее	25%
Более 45 лет имеет целая половина и остаток женщин, имеющих от 15 до 45 лет, менее	12½%

Таким образом, полагая период удвоения в 25 лет, мы видим, что женщины, по летам своим способные становиться матерями, необходимо должны составлять в населении такого общества менее 12½%, т.-е. менее одной осьмой части населения, и число рождающихся должно по органической необходимости составлять менее одной шестнадцатой части населения, т.-е. менее 6,25%. Но положим 6,25% рождающихся младенцев. Из них по органическим условиям, при полнейшем благосостоянии, умрет во младенчестве одна пятая часть, т.-е. 1,25%. Остается только 5% для размножения людей и для пополнения убыли, производимой смертностью между людьми старше 5 лет. Но для того, чтобы период удвоения имел 15 лет, нужен процент размножения 4,73; итак, на покрытие убыли в населении от смертности между людьми старше 5 лет остается только 0,27%... Иными словами,—это значит, что предположить период удвоения в 15 лет, значит предположить чистую нелепость» (стр. 419 фр. перев.—стр. 268 полн. собр. сочин. Н. Чернышевского).

Это было бы несомненно нелепостью, будь верны цифры Чернышевского. Неверно, будто «органически неизбежно», чтобы на долю новорожденных приходилось только 6,25% народонаселения, ибо неверно, будто кормление грудью исключает беременность, будто женщина, кормящая сама грудью, может рожать лишь каждые 2 года. Но допустим даже, что эта цифра является предельной, и что ее невозможно переступить, дело здесь идет о физической возможности и невозможности, а не о вероятности удвоения населения за 15 лет. И в таком случае я считаю безусловно доказанным, что не от «органических условий» зависит смерть $^1/_5$ новорожденных за первые 5 лет жизни, что эти «условия» требуют только 5%, а не 20%. А это составляет не 1,25% населения, а только 0,31%. В таком случае остается 5,94%, и так как 15-летний период удвоения предполагает 4,73% ежегодного прироста населения, то для покрытия вызываемого смертностью дефицита остается 1,21%, а не

[1]) В большинстве государств несколько больше Как раз в возрасте 20—40 лет у женщин наблюдается избыток над мужчинами в 4 - 5%.

0,27%. Покрыть этот дефицит 0,27% было бы, конечно, «чистой нелепостью». Но это совсем не так нелепо, имея дело с цифрой в 1,21%. Когда в Новой Зеландии произошло повышение заработной платы, сопровождаемое дешевизной пищевых средств, то смертность понизилась до 1,25%. Но Эдвин Чедвик в своих «Исследованиях о жилищных условиях наемных рабочих», 1877 г., нашел, что в Лондоне, в благоустроенных домах, смертность равна только 1,13%, а в дурных—3,8%. Если можно достигнуть таких успехов в современном обществе, улучшив благосостояние членов его—не надо при этом забывать, что зажиточные классы должны страдать почти так же, как пролетарии, от вредного воздуха городов, от последствий распутства, сифилиса и т. д.,— то кто может сомневаться, что в разумно организованном обществе цифра смертности опустится далеко ниже 1,21%? Но этим доказывается, что допущение удвоения населения в 15 лет не является такой явной нелепостью. Опыт показывает, что уже в современном обществе возможно удвоение населения в 30 лет. Поэтому удвоение в 25 лет не только возможно, но почти несомненно, если будут созданы условия, при которых исчезнут пороки и нищета и страх перед ними. А к чему мы придем через 100 лет с 25-летним периодом удвоения, показано выше.

Ввиду этих неопровержимых доказательств я считаю лишним подробно останавливаться на дальнейших рассуждениях Чернышевского: в глазах мыслящего читателя и сказанного достаточно. Но я хотел бы коснуться только 2 пунктов: взглядов Чернышевского на влияние эмиграции и женского равноправия на прирост населения.

Чернышевский, принимая процент эмиграции равным 1% населения, надеется таким путем превратить 35-летний период удвоения в 73-летний, а 52-летний даже в 212-летний.

Я оставляю здесь в стороне моральные соображения против эмиграции, хотя они очень вески. Но если уж решаются вопреки социализму, добивающемуся, чтобы население себя хорошо чувствовало дома, гнать излишки его на чужбину,— ведь добровольная эмиграция есть признак каких-то социальных изъянов на родине—то должно, по крайней мере, селить и в местностях здоровых и приятных. Нельзя попросту ссылать их в какую-нибудь Кайенну на том только основании, что дома за столом природы нет у них места, и что природа приказывает им удалиться. Это было почти так же бесчеловечно, как мальтузианство. Но если ограничиться

странами, пригодными для жизни европейцев, то результаты получаются не очень утешительные.

В Америке, куда мы прежде всего направим свой взор, за исключением Соединенных Штатов, мало места для европейцев. Но в Соединенных Штатах, если там установится разумный общественный строй, при допущении 25-летнего периода удвоения, народонаселение, составляющее теперь 43 миллиона, через 100 лет увеличится в 16 раз, т.-е. будет равняться 688 миллионам. Этим сотням миллионов будет самим нелегко прокормить себя, поэтому для эмигрантов там не будет вовсе места. Мы имеем далее Канаду с ее 163.000 кв. миль. Но из них 135.000 необитаемы, значит для колонизации остается максимум 30.000 кв. миль. Затем можно считать пригодным для европейцев две трети Мексики, т.-е. 20.000 кв. миль. Кроме этого, к странам с климатом, сходным с европейским, в которых, следовательно, возможна приятная жизнь для европейцев, надо отнести Южную Бразилию (15.000 кв. миль), Аргентину и Уругвай (40.000 кв. миль) и Чили (6.000 кв. миль). В общем это составляет для Америки 111.000 кв. миль, или, беря еще некоторые, пригодные для колонизации, части Боливии и Перу и округляя—120.000 кв. миль.

К этим 120.000 кв. милям надо прибавить:

$^2/_5$ Сибири.	80.000	кв. миль.
Острова Тихого Океана	20.000	„ „
Австралию	20.000	„ „
Южн. Африку.	10.000	„ „
Всего. . . .	250.000	кв. миль.
Прибавляя Европу	150.000	кв. миль.
В сумме . . .	400.000	кв. миль.

На сколько времени хватит этого запаса земли? Мы высчитали, что в 2005 г.—9.600 миллионов потребуют для свои жилых помещений 192.000 кв. миль, т.-е. почти половину всей удобной площади; а в 2030 г.—19.200 миллионов человек потребует для этой цели уже всю площадь. Ввиду таких колоссальных цифр надо бросить всякую надежду на эмиграцию.

Более обоснованным кажется мнение Чернышевского, что эмансипация женщины явится тормозом для слишком быстрого размножения. Этот взгляд имеет в себе что-то подкупающее, и в этом пункте Чернышевский, удивительным

образом, сходится с Миллем. Но и Милля и Чернышевского нетрудно опровергнуть, и никем иным, как самим Чернышевским. Чернышевский не только политико-экономи и математик, но и тонкий наблюдатель человеческой природы; этот наблюдатель исправляет ошибки Чернышевского математика и политико-эконома. Место, в котором он высказывается по поводу Мальтусова требования ограничения половой жизни, так великолепно, что его следует привести целиком:

«Мальтус воображал, что источник зла—в физической любви, что она должна быть обуздываема. Но это значит опять-таки сваливать причину зла на природу, ставить разрешение задачи выше власти человека. Физическая любовь не есть нечто зависимое от человеческих отношений, она принадлежит не общественному быту, а органическому действию, существующему в натуре отдельного человека, подобно явлениям питания, кровообращения, отделения желчи, слюны и т. д. Говорить о воздержанности в физической любви—значит то же самое, что говорить о воздержанности в пище. Конечно, с развитием благоразумия человек отвыкает от обжорства; но все, чего можно ожидать или требовать в этом отношении, состоит в том, чтобы он не переходил границ, требуемых здоровьем организма. Ожидать, чтобы человек стал по благоразумию принимать меньше пищи, чем нужно его организму, значит ожидать невозможного; требовать этого, значит быть жестоким без всякой вероятности достичь какого-нибудь результата своей жестокостью. Люди никогда не станут добровольно держать себя в состоянии голода. Другое дело—держать их насильно в голодном состоянии: это возможно. Но политическая экономия доказывает, что насильственные меры никогда не бывают полезны. Она вся построена на той мысли, что хороших результатов достигает человек только добровольною, самопроизвольною деятельностью. Ожидать от такой деятельности воздержания в пище, превышающего гигиеническую надобность, как мы сказали—совершенный вздор. А известно, какой результат достигается, когда человек ограничивает себя в употреблении пищи только до пределов гигиенической надобности: результатом будет, что он, сохраняя хорошее здоровье и хороший желудок, проживет гораздо больше и в общем итоге съест гораздо больше пищи в свою жизнь, чем когда бы обжоретвовал, т.-е. часто доводил свой желудок до расстройства, до бессилия принимать пищу, и сокращал свою жизнь. Точно так же и с физическою любовью. О чем вы говорите? О том ли, чтобы человек не предавался в ней излишеству, вредному для организма, или о том, чтобы он доводил свою

воздержанность до высоты, превышающей гигиеническую норму? Если дело идет о воздержанности от вредного здоровью излишества, ваше требование превосходно, и можно надеяться, что люди лучше и лучше станут исполнять его по мере развития образованности. Но результатом будет здесь не уменьшение, а увеличение итога явлений, называемых физической любовью, как результатом воздержанности от обжорства бывает не уменьшение, а увеличение итога деятельности желудка. Если, например, вы говорите, что подрастающему человеку следует воздерживаться от преждевременной физической любви, это совершенно справедливо, и люди будут со временем следовать этому гигиеническому правилу, когда человеческие отношения улучшатся, воспитание не станет преждевременно раздражать воображение и рождать в голове мысли о вещах, еще не требуемых организмом мальчика или девочки. Но человек, не ослабивший своих сил преждевременной физической любовью, будет по достижении лет, нормально соответствующих началу ее, иметь к ней гораздо больше сил и сохранять эти силы гораздо дольше, чем если бы ослабил себя, преждевременно предавшись ей, когда еще организм его недостаточно развился. Точно так же вы говорите очень хорошо, если желаете, чтобы совершеннолетние люди не предавались физической любви до излишества, истощающего силы. Но тут опять-таки вы достигаете лишь того, что в общей сложности человек будет больше и дольше пользоваться физической любовью. Требование воздержанности в пределах гигиенической нормы,— требование, сообразное с рассудком и пользою человека, требование, осуществимое, но ведущее к возрастанию роли, какую имеет физическая любовь в человеческой жизни».

Чернышевский сам говорит здесь, каково будет действие «*разумного, сообразного с природой*» обуздывания физической любви: не уменьшение итогов ее, а увеличение. Но таково будет и следствие эмансипации женщины. Если женщина перестанет быть товаром, если она будет свободно располагать собой, если в то же время она будет достаточно развитой в моральном и интеллектуальном отношениях, то, разумеется, излишества нашей эпохи исчезнут. Когда брак перестанет быть средством материального благоустройства, то женщина не будет отдаваться первому встречному; она будет осторожнее в своем выборе и поэтому будет вступать в брак в более зрелом возрасте. Но все это не уменьшит числа детей; это будет только способствовать возможному укреплению сил, развитию способности деторождения и сохранению ее; ибо быстрое истощение ее является результатом слишком

частых и преждевременных любовных наслаждений. Надо принять еще в расчет, что супружеские отношения будут диктоваться одной любовью, что недоверие, ссоры, отвращение—в наше время столь обычные спутники семейной жизни—будут тогда далеки от супружеского ложа—разве все это не будет содействовать расцвету любви и вытекающих из нее следствий?

И все же Чернышевский—прав. Эмансипация женщины разрешит проблему народонаселения, но только иначе, чем он это думал. Если не политико-экономические, то физиологические соображения—вредность для здоровья частых родов, опасности беременности, родовые боли—побудят свободную, просвещенную насчет требований своего организма, женщину применять средства, предохраняющие от чрезмерно частых зачатий. Освобождение женщин уменьшит не любовь, а число рождений. Это, т.-е. *введение предохранительных мер,* единственный путь, ведущий к решению проблемы народонаселения. Если мы откажемся от него, то нам предстоит грозная диллема или отказаться от физической любви, или признать неистребимыми порок и нужду. И то, и другое ужасно. Это ясно понял и Чернышевский. Его ученики должны принять во внимание, что до сих пор он был единственным среди современных научных социалистов, который признавал возможность перенаселения, что он один относился с насмешкой к теориям всеобщей гармонии, согласно которой все в природе устраивается само собой. Он думал только, что опасность не так велика, как это изображал Мальтус.

Несмотря на его блестящее опровержение Мальтуса, он в этом пункте ошибся. Он не в состоянии теперь исправить своей ошибки, и это лежит на обязанности его учеников. Те из его учеников, которые придерживаются духа своего благородного учителя, а не цепляются за его цифры, которые знают, что Чернышевский глубоко проник в сущность закона народонаселения и только был несколько оптимистичен в своих суждениях, но которые также знают, что оптимизм этот не выдерживает критики современной статистики—все эти ученики обязаны приспособить принципы учителя к уровню теперешней науки, поставив на место его оптимизма познание необходимости превентивного метода.

ОТВЕТ КРИТИКАМ

I. Абстрактный закон народонаселения.

При желании я мог бы легко отделаться от обоих критиков моей книги по вопросу о народонаселении. Ни один из них не может быть прав, без того, чтобы не был неправ другой. Их возражения исключают взаимно друг друга, и, противопоставив их, я мог бы оказаться третьим смеющимся [1]).

Мой ответ при этом сильно бы выиграл в краткости, но за то пострадало бы выяснение предмета спора, а его я считаю достаточно важным, чтобы остановиться на нем более подробно. Оба критика затрагивают ряд вопросов, которые заслуживают внимательнейшего рассмотрения.

Товарищ Квессель заявляет, что он непреклонный мальтузианец. К призывам вернуться назад к Ланге, к Прудону, к Канту он присоединяет новый: назад к Мальтусу.

Я лично не могу пожаловаться на это. Товарищ Квессель становится решительно на мою сторону,—правда, при условии, что я забуду все, чему я научился за последние тридцать лет. Квесселевская критика моей последней книги может быть резюмирована так: назад к Каутскому 1880 г., который еще не был испорчен Марксом и Бебелем.

Он защищает Мальтуса от меня, указывая, однако, что он не желает вдаваться в рассмотрение моих естественно-научных взглядов. Но в этом случае становится совершенно непонятно то, что̀ я писал против Мальтуса. Наоборот, товарищ Маслов касается моих естественно-научных взглядов, но он думает, что по существу они сводятся к мальтузианству.

Для Мальтуса прирост населения—это закон природы, применимый к жизни человечества точно так же, как к миру животных. Исходным пунктом моего расхождения с мальтусовой точки зрения был тезис Маркса:

«Каждый особый исторический способ производства имеет свой особый закон народонаселения, который господствует при нем, исчезает с ним и поэтому имеет только исто-

[1]) *Квессель и Маслов.*

рическое значение. Неизменный, абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных, да и здесь лишь постольку, поскольку человек не вмешивается в ходе истории в их существование» (Kapital I, 2 изд., стр. 656. Я несколько видоизменил текст по французскому изданию).

Чем больше я изучал историю роста народонаселения, тем больше я убеждался в правильности тезиса, согласно которому каждый особый способ производства имеет свой особый закон народонаселения. Но что это за «абстрактный» закон народонаселения, господствующий в мире животных и растений? Маркс оставил открытым вопрос о том, совпадает ли он с мальтусовым законом. Но установление этого закона важно не для одного только естествознания. Действительно: развитие производительных сил человечества и общественных отношений может до известной степени влиять и видоизменять ход естественных процессов, но все же оно остается зависимым от законов природы и может быть понято только из них, так как они составляют предпосылку его. Поэтому мы сумеем понять исторические законы народонаселения лишь тогда, когда мы изучим «абстрактный» закон народонаселения.

В начале—даже тогда, когда я расстался с точкой зрения моей первой книги—я все еще думал, что мальтусовский закон народонаселения применим если не к обществу, то к природе. Если мало-по-малу я покинул это точку зрения, то не потому, что я нашел у Маркса иную концепцию, но потому, что Маркс научил меня лучше видеть и научил меня пользоваться новыми методами, согласно которым мальтузианство оказывается неприменимым и к природе.

Метод исследования закона народонаселения, господствовавший до сих пор—даже у естествоиспытателей—исходит от отдельного индивида или от пары. Вычисляют способность размножения последней и устанавливают, что для более или менее продолжительного периода времени она значительно превосходит возможное умножение средств пропитания этого органического вида. Но вопрос приобретает совсем иной вид, когда исходят не от отдельного индивида, а от совокупности организмов, и изучают условия процесса производства и воспроизводства этой совокупности.

Господствовавший до сих пор метод рассмотрения закона народонаселения соответствует общей точке зрения буржуазной политической экономии, которая повсюду исходит из индивида. Она любит робинзонады и пытается вывести и объяснить явления капиталистического способа производства, выводя их из отношения Робинзона к предметам окружающего его мира или первобытного рыбака к первобытному охотнику. В действительности же экономическое поведение индивида в рамках развитого товарного производства можно понять лишь из совокупного процесса этого рода производства. То же самое можно сказать о естествознании и об этике. Кантовская этика, как и этика эвдемонизма отличаются от марксистской прежде всего тем, что первые исходят из индивида, из категорического императива внутри его или из его чувства удовольствия, а последняя исходит из интересов общества. Даже там, где кантовская этика или этика материализма XVIII столетия совпадают по результатам с марксистской этикой, они отличаются от нее по методу. То же самое можно сказать о моем методе рассмотрения закона народонаселения по сравнению с мальтусовым.

Это дает второе отличие от мальтусовой точки зрения.

Тот факт, что Мальтус и его приверженцы—равно как и буржуазные политико-экономы и теоретики нравственности—исходят из отдельной личности, объясняется отчасти характером капиталистического способа производства: при своем зарождении оно приводит к распаду всех традиционных социальных образований, показывая вредность их и выставляя их, как продукты неразумных предрассудков; в то же время оно придает большое значение личности. Но не одно только влияние капиталистического способа производства побудило ученых—в политической экономии, этике и естествознании—исходить прежде всего из индивида. Индивид является ближайшим, доступнейшим объектом для изучения. Познание общественного и естественного целокупного процесса может возникнуть лишь из накопления индивидуальных наблюдений и из сравнения того общего и массовым образом повторяющегося, что имеется в них. В этом целокупном процессе личности образуют лишь части, которые нужно объяснять из целого, а не наоборот.

При изучении размножения организмов к этому присоединилось еще то обстоятельство, что особенно доступные наблюдению виды животных и растений—человек, домашние животные и культурные растения—с каждым годом численно растут. Обращаясь умственным взором к прошлому, естественно было допустить, что каждый из этих видов состоял вначале лишь из весьма немногих индивидов, которые затем с каждым годом становились многочисленнее. Точно так же естественно было допустить, что это применимо и ко всем прочим организмам. Если же, вместе с Марксом, мы станем проводить различие между историческими

законами народонаселения разных способов производства и абстрактным законом народонаселения органического мира, то мы придем к другому результату. Рассмотрим этот мир там, где не происходит вмешательства человека. Это, правда, становится все труднее, ибо местности, в которых не стало заметным влияние человека, становятся все менее обширными, представляя к тому же все менее доступные области земного шара. Если мы начнем рассматривать подобные местности, то мы совсем не найдем прироста отдельных видов, а увидим некоторое длительное равновесие; иначе говоря, число отдельных индивидов каждого вида остается в среднем в течение ряда лет, пока не изменяются общие отношения, неизменным.

Нетрудно понять, почему это должно быть так. Как бы ни возникла жизнь на земле, во всяком случае первые организмы образовались повсеместно или в быстрейшей последовательности друг за другом там, где были условия для их существования. Даже для дальнейшей, высшей, ступени развития мы должны допустить, что от каждого нового вида организмов образовались индивиды повсюду там, где имелись на-лицо условия их возникновения и существования. Это мы должны допустить согласно принципу, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия. Повсюду, где имелись на-лицо одинаковые причины для образования какого-нибудь вида организмов, и в действительности должен был образоваться одинаковый вид. Этот вид должен был уж сразу, в период своего образования, получить все то распространение, на какое он был способен при данных обстоятельствах, и он не мог длительным образом увеличиваться в числе, пока эти обстоятельства оставались длительным образом неизменными.

Этот закон народонаселения можно находить столь же «жестоким» и «беспощадным», как мальтусов, но установить между ними знак равенства можно лишь в том случае, если трактовать естествознание «этически», оценивать его под углом зрения того, утешительны и ободряющи ли его результаты, или нет.

Но известное согласие между этим законом народонаселения и мальтусовым все же можно найти; для этого надо лишь допустить, что существует только одно обстоятельство, ограничивающее число индивидов одного вида, именно уровень средств существования, выйти за пределы которого они всегда стремятся и внутри которого их число ограничивается лишь недостатком пищи с вытекающими из него последствиями, болезнями и войной.

Но именно это я и отрицаю решительнейшим образом.

Конечно, когда Маслов приписывает мне мнение, будто рост числа людей и животных «совсем не ограничен количеством пищевых средств», то он ошибается. Подобный взгляд был бы просто нелепым. Ни один вид не может увеличиться в числе за пределы его пищевых средств. Количество пищи образует верхнюю границу, до которой он может размножаться. Но я утверждаю, что совокупный процесс воспроизведения организмов протекает и должен протекать при обстоятельствах, делающих невозможным, если не говорить об исключительных случаях, то, чтобы верхняя граница имеющейся в распоряжении пищи была достигнута, а тем более перейдена. Я утверждаю, что ограничение размножения вызывается, по общему правилу, не недостатком пищи, а другими обстоятельствами.

Правда, Маслов и другие мои критики говорят, будто эти «другие обстоятельства» как раз уже указаны Мальтусом. Ведь, я сам утверждаю, что равновесие в природе достигается лишь благодаря равенству, существующему между годовым итогом смертей и годовым итогом рождений организмов одинакового вида. Маслов замечает:

«Но то же самое утверждает и Мальтус. Ведь, Мальтус говорит, что прирост населения ограничивается голодом, нищетой, болезнями и войнами, а Каутский говорит то же самое о животных».

Вовсе нет. Мальтус говорит: всегда имеется на-лицо больше людей (или, вернее, животных; дело, ведь, идет здесь прежде всего об «абстрактном» законе народонаселения), чем средств пропитания. Поэтому часть их—более слабые—не получают достаточно пищи и заболевают; более крепкие вступают в борьбу между собою, чтоб захватить возможно большую долю наличного корма. Нищета, недостаточное питание, смерть от болезней, в одних случаях, от войны и убийств, в других—это неизбежные установления природы, а не продукты общественной жизни.

В противоположность этому я заявляю следующее: болезни и недостаточное питание представляют в животном мире (взятом в естественном состоянии) крайне редкие явления; то же самое можно сказать о войне между индивидами одного и того же вида. Если в животном мире возникает борьба, то это борьба за то, чтобы пожирать или быть пожираемым; это не борьба *из-за* пищи, а борьба *с* пищей, борьба пищи *против* пожирающего ее. И эта борьба не характерна для всего органического мира, она имеет место только в мире животных, да и то среди тех видов животных, которые

служат пищей для других животных. Может быть, кому-нибудь придет в голову сказать, что быки воюют с травой из-за недостатка пищи? Но, ведь, эта «война» представляет как раз процесс питания. Далее, ведь существуют и такие животные, которых не пожирают, но которые только пожирают: таковы крупные хищники или крупные толстокожие. Этот случай как раз особенно важен для нас, ибо человек в культурном состоянии принадлежит к тем животным, которые не бывают пожираемы. Если оставить в стороне человека, то и у этих животных мы находили состояние равновесия, вызываемое тем, что норма размножения приспособлялась к меньшему проценту уничтожения. В общем можно сказать, что энергичное размножение встречается там, где имеется энергичное уничтожение,—слабое размножение идет рядом с слабым уничтожением. Между обоими факторами должно существовать равновесие.

Таков, по моему мнению, «абстрактный» закон народонаселения для растений и животных.

Будет ли и теперь Маслов утверждать, что по существу он сводится в мальтусову закону?

Есть и еще одно отличие моей точки зрения от мальтусовой. Мальтус не исследует подробнее понятия уровня средств существования. Не занимаются этим вопросом и его последователи. То же самое можно сказать о Маслове. Он говорит просто о «массе наличных пищевых средств» и утверждает, что каждый вид животных имеет тенденцию размножаться за пределы этой массы.

Но что он понимает под массой наличных пищевых средств? Массу наличных организмов, которые могут быть употреблены в пищу? Но тогда получилось бы занятное зрелище, если бы люди и животные вздумали размножаться до границы этого уровня средств существования. Маслов очутился бы в положении того статистика, который вычислил, что нет вовсе нехватки в мясе, так как в Германии на каждых трех жителей приходится одна штука крупного рогатого скота. Повидимому, каждый может при этих условиях наесться до отвала. Беда только в том, что, если бы зарезать все двадцать миллионов быков, то в Германии не останется вовсе рогатого скота.

Одно дело рассматривать общество (а также мир животных и растений), как некое длительное единство, долженствующее постоянно воспроизводить себя, другое дело исходить из индивида: понятие уровня средств существования в обоих случаях совсем иное. С точки зрения процесса воспроизведения уровня средств существования в данный год

следует считать не всю имеющуюся вообще на-лицо массу организмов, которые могут быть употреблены в пищу, но лишь годовой *прирост* их. Сохранение равновесия возможно лишь в том случае, если из наличных пищевых средств потребляется только *прирост* их. Если потребляется большее количество, то рискуют очутиться в положении того рантье, который не довольствуется своими годовыми процентами, а принимается уже за самый капитал: в конце его ждет банкротство.

Но животные, ведь, не предусмотрительные рантье, а также не теоретики, ломающие себе голову над вопросом о сохранении равновесия в органической природе и о процессе воспроизводства в ней. Пока они находят пищу, они пожирают столько, сколько им нужно. Для них пищевой фонд заключается во всем том, что доступно пожиранию и что находится на-лицо. Если у них имеется тенденция размножаться до границ этого фонда—как это думают Мальтус а также Квессель с Масловым.—то у них имеется, значит, и тенденция непрерывно уменьшать свой пищевой фонд, препятствовать своему воспроизведению, а под конец и совсем уничтожить его.

Иллюстрируем это числовым примером.

Допустим, что в какой-нибудь местности Африки имеется миллион антилоп и две тысячи львов (мы для простоты отвлекаемся от всех других животных). Миллион антилоп производит в течение года 200.000 детенышей, а каждый лев пожирает за год 100 антилоп, значит, все львы пожирают за год 200.000 антилоп. В этом случае равновесие сохраняется, если мы допустим, что ни одна антилопа не умирает естественной смертью. Но равновесие сохраняется лишь при предположении, что в течение года подрастает не больше львов, чем их умирает за этот промежуток времени. Но допустим противное, предположим, вместе с Мальтусом, что у львов наблюдается тенденция размножаться до границы их пищевого фонда. Пусть 1.000 львиных пар выкармливает ежегодно 1.000 детенышей. В таком случае, в ближайшем году мы будем иметь 3.000 львов на 1.200.000 антилоп. Начнут ли свирепствовать среди львов нищета, голод, болезни, войны, которые низведут число их обратно до 2.000? Ничуть. Имеющихся на-лицо антилоп вполне достаточно, чтобы прокормить их с избытком. Но в конце второго года останется только 900.000 антилоп.

На третий год мы будет иметь уже 4.000 львов, для удовлетворения которых потребуется уже 400.000 антилоп. Но последних все еще больше этого числа, а именно

1.080.000. И теперь, значит, нет еще ни нищеты, ни голода, ни болезней с войнами; происходит только прогрессирующее истребление антилоп, от которых остается только 680.000 штук. Этого числа вместе с приростом в 136.000 штук молодняка еще хватает с избытком на ближайший год, когда будет пожрано более 500.000 антилоп. Но на пятый год антилоп (вместе с молодняком) будет всего лишь 300.000 при наличности более, чем 6.000 львов. Лишь теперь наступает мальтусова картина нищеты, голода, болезней, войн между львами, но не как длительное состояние, а как пролог к полному истреблению антилоп, а под конец к окончательному вымиранию от голода львов.

То же самое мы будем наблюдать у каждого вида организмов, у которого не сохраняется в течение ряда лет равновесия между размножением и уничтожением, и который размножается до тех пор, пока это позволяет масса имеющихся на-лицо пищевых средств. Мальтусова теория была возможна лишь потому, что ни сам Мальтус, ни один из его приверженцев, а также и критиков, не анализировали, в чем собственно заключается уровень средств существования.

Как легко заметить, моя точка зрения отличается радикально от мальтусовой, во-первых, в том отношении, что, вместе с Марксом, она отличает исторические законы народонаселения для человека от абстрактного закона для растений и животных. Во-вторых, при исследовании этого абстрактного закона, в том отношении, что она исходит не из плодовитости индивидов, а из условий воспроизведения видов и систем видов. В-третьих, в том отношении, что она находит в природе не тенденцию к увеличению числа индивидов известного вида, а тенденцию к постоянству его, к равновесию. И, наконец, в-четвертых, в том отношении, что за средство сохранения этого равновесия она признает не границу имеющихся на-лицо пищевых средств, а компенсирование между силами размножения и уничтожения.

Ни Маслов, ни Квессель не заметили всего этого. Квессель по-прежнему прославляет мальтузианство, как последнее слово мудрости, не «вдаваясь подробнее в естественно-научные и социологические исследования Каутского».

Я должен, действительно, признать, что в своей книге я коснулся, на-ряду с упомянутыми вопросами,—и некоторых естественно-научных проблем, которые, строго говоря, не имеют отношения к теме о мальтузианстве.

Мое убеждение, что в природе имеется тенденция не к перенаселению, а к установлению равновесия между размножением и уничтожением, явилось результатом моей исходной точки зрения, ставящей в главу угла не индивида, а целокупный процесс. Процесс воспроизведения совокупности организмов может протекать длительно лишь тогда, когда имеется равновесие между размножением и уничтожением; он может протекать длительно лишь тогда, когда пожирающие организмы истребляют только годовой прирост служащих для пищи растений и животных, а не имеют тенденции затрагивать и капитал пищевого фонда; он может протекать длительно лишь тогда, когда плодовитость каждого вида животных приспособилась к условиям его существования,—а к ним у животных относится и плодовитость организмов, которыми они кормятся.

Всякая совокупность организмов, у которой не выполнены эти условия, не может сохраниться длительным образом и должна погибнуть.

Этих соображений достаточно против Мальтуса. Но я приступил к своей работе вовсе не с намерением опровергнуть Мальтуса и только Мальтуса; а с намерением выяснить до конца проблему народонаселения, не заботясь вовсе о том, что при этом произойдет с мальтузианством.

Но тут я не мог не натолкнуться на вопрос: каковы же средства, с помощью которых устанавливается вышеуказанное состояние равновесия? Простое констатирование факта не могло меня удовлетворить. Нужно было позаботиться о том, чтоб объяснить его. Но тут я очутился в области, в которой я не мог дать ничего самостоятельного,—я оказался в сфере биологии.

Я должен был ограничиться здесь тем, что застал, а это была теория Спенсера, которая мне показалась очень обоснованной и правдоподобной—поэтому я и принял ее. Я, разумеется, не могу ничего возразить против товарища Экштейна, когда в своей критике моей книги в «Kampf» он указывает, что вещи не решаются так просто, что еще не существует удовлетворительной теории плодовитости и что только экспериментальным путем удастся установить ее. Но, будучи профаном в биологии, я не ставлю себе задачи развивать дальше и усовершенствовать теорию Спенсера или заменить ее какой-нибудь другой гипотезой. Я счел необходимым сослаться на Спенсерову теорию только для того, чтобы показать читателю, что явление длительного равновесия в процессе воспроизведения органического мира допускает естественное объяснение и не нуждается в признании какой-то «предустановленной гармонии». В настоящее время сильно развита тенденция вносить в естествознание

мистические элементы, и я вовсе не хотел, даже ненамеренно, дать ей какую-нибудь точку опоры.

Я понимаю тех моих критиков, которых интересует мальтузианство и вытекающие из него практические следствия, когда они проходят мимо моих соображений о спенсеровой теории и об аналогичных материях. Но когда они, вместе с Квесселем, игнорируют также различия между историческими законами народонаселения человека и абстрактным законом народонаселения органического мира и все мои рассуждения об этом последнем, или же когда, вместе с Масловым, они не замечают, что мой закон народонаселения по исходной точке, по методу, по результату, находится в полнейшем противоречии с законом Мальтуса—то приходится сказать, что они проглядели саму основу моих рассуждений и что поэтому все их возражения, по большей части, лишены какой бы то ни было почвы.

II. Исторические законы народонаселения.

Абстрактный закон народонаселения органической природы образует основу исторических законов народонаселения различных способов производства. От понимания этого абстрактного закона зависит, поэтому, и понимание исторических законов. Если исходить из допущения, что «абстрактный», естественный закон народонаселения дан в теории Мальтуса, то исторические законы народонаселения приходится выводить только из вечной борьбы с тенденцией к перенаселению; они отличаются друг от друга лишь тем, как они противодействуют этой тенденции.

Совсем иначе складывается проблема, если принять за естественный закон тенденцию к равновесию между размножением и уничтожением. Человек со своей техникой вмешивается в этот процесс и нарушает его. Но это может происходить—и фактически происходит—самым различным образом. Перенаселение и борьба против него являются лишь одной из форм, которые могут принять эти исторические законы народонаселения, а вовсе не их всеобщей формой.

Человек, благодаря своей технике и вытекающим из нее экономическим и социальным состояниям, т.-е. благодаря своим производительным силам,—понимая это выражение в самом широком смысле слова,—изменяет три важных для размножения народонаселения фактора: плодовитость, смертность и уровень средств существования, при чем под последним мы, как уж было замечено, понимаем не абсолютную массу наличных пищевых средств, но лишь ее годичный прирост.

Различные способы производства влияют на каждый из этих факторов различным образом. Из совокупного развития их получается закон народонаселения, который может, таким образом, варьировать самым различным образом, так как эти три фактора могут вступать в самые разнообразные комбинации. Существуют способы производства, уменьшающие плодовитость и увеличивающие смертность. Они будут вести к уменьшению народонаселения, каков бы ни был уровень средств существования. Другой способ производства может увеличивать плодовитость и уменьшать смертность. Здесь появление перенаселения или отсутствие его зависит от быстроты повышения уровня средств существования.

Каждый из этих трех факторов зависит к тому же не только от отношения человека к природе, т.-е. от техники, но и от отношения людей друг к другу, от общества. Плодовитость может, например, быть ослаблена чрезмерной работой женщин, но она может быть уменьшена и путем социальных санкций, запрещающих, скажем, браки с членами другого племени или села и способствующих таким образом бракам между кровными родственниками и бесплодию. Такой же результат могут иметь и социальные запреты, которые, в целях воспрепятствования браков между кровными родственниками, не допускают браков между членами одного племени и требуют браков с членами другого племени. Отсюда, при известных условиях, может получиться затруднение для заключения браков. Другие затруднения приносит с собой зарождающаяся собственность и т. д.

Так как способ производства действует на указанные три фактора стихийно и его влияние недоступно предвидению, то лишь в редком случае из их взаимодействия может получиться состояние длительного равновесия. В большинстве случаев у различных человеческих племен доминирует в разные эпохи или тенденция к уменьшению народонаселения, или тенденция к увеличению его. При этом очень часто многочисленное потомство может оказаться бременем или экономически вредным. Поэтому мы наблюдаем с древнейших времен, на-ряду с стихийными комбинациями плодовитости, сознательное вмешательство человека для урегулирования ее: убийство детей, аборт, предохранительные против зачатия меры. Но эти воздействия на плодовитость редко предпринимаются из социальных соображений; в

большинстве случаев в основе их лежит личный интерес: забота о здоровье матери, или о том, чтобы не дробить фамильного имущества между многочисленными наследниками и т. д. И эти вмешательства вытекают из способа производства, обусловливаются им и действуют на его закон народонаселения. Но до сих пор они обыкновенно не служили для планомерного приспособления народонаселения к пищевому фонду, они не были средством борьбы с существующим перенаселением, а были только средством избавить отдельных лиц от неприятностей. Замечательно, что до сих пор они встречались большей частью в обществах со способом производства, который и без того вел уже к уменьшению народонаселения, как, например, у охотничьих народов или в высоко-развитых рабовладельческих хозяйствах.

Война, на-ряду с детоубийством, является одним из средств, значительно влияющих на процент смертности, а следовательно, и на закон народонаселения. Но и к войне (как и к детоубийству) нельзя механически применить мальтусов шаблон и сказать, что она является одним из следствий перенаселения. Разумеется, если в какой-нибудь стране имеется избыток населения, то она может найти для него выход, завоевав какую-нибудь новую страну, но было бы бессмысленно видеть во всякой войне продукт перенаселения. Способ ведения войны и размер связанных с ней жертв зависит от способа производства, определяющего технику оружия и способ пользования им, интендантское дело, продолжительность войны и т. д. Но способ производства определяет и противоречия интересов, проявляющиеся в войне и бывающие самого различного характера. У кочевых народов борьба за пастбища может, несомненно, быть причиной военных столкновений, но она безусловно не является единственным поводом для кровавых конфликтов. Гораздо чаще борьба отдельных племен и кланов имеет своим источником кровную месть, которая обусловливается общественными отношениями, но совсем не вытекает из перенаселения. Между тем вытекающие из кровной мести войны бывают часто столь затяжными и кровопролитными, что они приводят к временному обезлюдению.

У оседлых народов причиной войн являются часто поиски рабов, поиски, обусловливаемые способом производства, а вовсе не перенаселением. Похищение рабов, наоборот, равносильно насильственному привлечению в страну новых насельников, следовательно, насильственному увеличению народонаселения. Я уже отметил, что, тем не менее, этот вид рабовладения может приводить к уменьшению народонаселения. Это зависит отчасти от порождаемых им вечных войн, отчасти от вызываемого им ограничения деторождения.

Для Квесселя не существует всего многообразия этих факторов. Он следует за старым мальтусовым шаблоном и упрекает меня, что я не делаю того же и что я «почти совершенно игнорирую методы, посредством которых человечество на различных ступенях культуры борется с своим естественным размножением».

Методами этими оказываются на стадии дикости детоубийство, позднее война и, наконец, рабство.

Во-первых, совершенно неверно, будто я «игнорирую» эти методы. Я как раз упоминаю о них. Так, например, товарищ Квессель может убедиться, что я еще до него изложил все то, что он рассказывает о детоубийстве в связи с долгим периодом кормления детей грудью у диких [1]). Разница лишь та, что в отличие от него—я не разделяю всех его мальтузианских преувеличений. Так, например, он рассказывает, будто «здоровая женщина может давать каждый год по ребенку», забывая совершенно, что во время кормления грудью зачатия происходят редко, а период кормления грудью тянется у дикарей несколько лет. Он не замечает также, что я указываю на незначительность числа рождений у дикарей, у которых женщина рано теряет способность рожать детей. Обо всем этом он молчит, но зато видит в детоубийстве специфическое средство дикарей, с помощью которого они борются против «чрезмерной плодовитости» своих женщин, и доказывает таким образом, что «грозный мальтусов закон сохраняет свою силу и у них».

Так же односторонне и шаблонно то, что он говорит о войне и рабстве, как средствах борьбы «с чрезмерной плодовитостью». Подробнее останавливаться на этом не стоит. Только несколько слов по поводу его соображений о нищете при капиталистическом способе производства. Он говорит, что «капиталистическое сельское хозяйство не в состоянии доставить растущему населению физическую основу достойного человека (не голодного) существования,—ибо для этого нужно было бы, чтоб производство животных продуктов—мяса, масла, молока, яиц и сыра—могло *увеличиться сразу втрое*».

Я оставляю в стороне вопрос о том, насколько правильно это чудовищное утверждение. Примем его, как оно формулировано Квесселем. Но ведь оно означает тогда, что в данное время *масса* населения должна страшно плохо питаться, ведь на-лицо имеется *только треть* тех животных продук-

[1]) См. в этом же томе с стр. 123, 126 и 128.

тов, которые необходимы ему для достаточного питания. Это означает не только страшное социальное обнищание, но уже прямое *физическое вырождение всей массы населения.*

Что думают об этом ближайшие единомышленники Квесселя, ревизионисты, так возмущающиеся Марксовым учением об обнищании, как превзойденной, давно уже научно опровергнутой «догмой»? Марксово учение говорит лишь о необходимости социального обнищания, о том, что подъем благосостояния рабочего класса постоянно отстает от подъема благополучия класса капиталистов. При этом Маркс указывает на физическое вырождение, как на тенденцию капитализма, вытекающую скорее из чрезмерной работы, скверной жилищной обстановки, неуверенности существования, чем из длительного всеобщего недоедания; но он видит в физическом вырождении лишь тенденцию, которую, при благоприятных обстоятельствах, отдельные слои рабочего класса—если они организуются в профессиональные союзы или если за них вступается государство с его законодательством по охране труда—могут преодолеть.

Тот самый Квессель, который отвергает эту «теорию обнищания», выставляет сам теорию обнищания, несравненно более безнадежную, чем Марксова.

Отмеченное нами у Квесселя противоречие присуще буржуазной политической экономии. Социалистам буржуазные экономисты отвечают, с одной стороны, тем, что они изображают приносимую капиталистическим способом производства нужду, как преходящее явление, постоянно исчезающее, так что положение рабочих улучшается и абсолютно, и относительно. Но, с другой стороны, буржуазная наука утверждает, вместе с Мальтусом, что нищета необходима и неизбежна, ибо на-лицо имеется слишком мало жизненных средств; эту нищету можно преодолеть лишь ограничением деторождения—таким средством «решения социального вопроса», которое абсолютно ничего не стоит господам эксплоататорам.

Обе эти точки зрения исключают друг друга. Поэтому они и не высказываются обыкновенно одновременно. Только ревизионизму было суждено развить социалистическую теорию далее закостенелого марксизма таким образом, что он одновременно принимается и защищает обе вышеуказанные буржуазные концепции, выдвигаемые против социализма. Ревизионизму мало дела до того, что обе эти точки зрения диаметрально противоположны друг другу: ведь обе они преподаются в университетах, а потому—почтение к науке!

III. Перенаселение в социалистическом обществе.

Рассмотренные нами до сих пор замечания Квесселя—чисто академического характера—образуют только введение к его главной теме, касающейся непосредственно социалистической агитации. Он выступает против «некритического оптимизма», проявленного Бебелем и мной в вопросе о народонаселения, и доказывает против нас, что если мы не положим конца приросту населения, то социалистический строй окажется неосуществимым, обреченным на худшие катастрофы. Его доказательство неопровержимо, уничтожающе, ибо оно проводится с цифрами в руках. А ведь цифры доказывают.

Бебель и я утверждаем, что социалистический способ производства осуществляется при условиях, дающих мощный толчок сельскому хозяйству и увеличивающих в огромной мере производительность его, так что социалистический строй на многие десятилетия избавлен от недостатка в пище, как бы ни возрастало народонаселение. Поэтому проблема народонаселения не является для нас вопросом, который мог бы тревожить нас уже теперь, и мы можем предоставить заботу о ней нашим потомкам.

Квессель с этим не согласен. Он пытается доказать, что социалистическое общество уже с самого начала не сумеет обеспечить каждому своему члену достойное человека существование, так как недостаток земли не позволит этого. Я должен признать, что его выкладки безупречны, если—если только признать правильность всех тех предпосылок, из которых он исходит.

Его первая предпосылка заключается в предположении, что в Германии социал-демократия получит власть не раньше 2010 года. Если мы примем более раннюю дату, то в его аргументации оказывается уже серьезная прореха. Конечно, нельзя установить с определенностью, когда мы завоюем политическую власть. Но факт тот, что все наши исследования о возможностях и перспективах социализма имеют смысл лишь при предположении, что мы станем у кормила власти в исторически обозримый промежуток времени. Чтобы подобные исследования не оставались праздными домыслами фантазии, они должны служить какой-нибудь практической цели настоящего времени. И фактически наши рассуждения

о будущем строе выросли из практических потребностей агитации сегодняшнего дня. Наши противники утверждают, будто наша партия может притти к власти и пытаться устроить общество согласно потребностям трудящихся классов, только создав невозможное состояние жизни. В ответ на это мы должны доказать, что если наша партия завоюет власть, то перед ней вовсе не встанут такие проблемы, которых нельзя было бы решить уже имеющимися на-лицо средствами, и при том решить лучше, чем это возможно в капиталистическом обществе. Это доказательство имеет смысл лишь при предположении, что мы добьемся власти через обозримый промежуток времени. О том, какие проблемы возникнут через сотни лет и какими средствами придется их решать тогда—об этом мы не имеем ни малейшего представления. Поэтому мы не можем теперь знать, какова будет численность народонаселения Германии через сто лет, каково будет тогда состояние производства пищевых средств и какие будут тогда взгляды на условия человеческой плодовитости.

Нас совершенно не интересует то, что будет через сто лет. В нашей агитации мы стараемся доказать, что мы уже теперь были бы в состоянии преобразовать государство и общество, что нам для этого не хватает только власти. Для завоевания ее мы апеллируем к населению, а завоевать ее мы сможем только в том случае, если население придет к убеждению, что наше управление было бы для него благодетельно уже в настоящее время.

Когда я утверждаю, что социалистическому строю не придется думать об опасности перенаселения в течение многих десятилетий, может быть, даже целого столетия,—каков бы ни был социалистический закон народонаселения—то я исхожу при этом из предпосылки о завоевании нами власти в обозримый период времени. Если же это не так, если мы достигнем этой цели лишь через сто лет, то мы с уверенностью можем ожидать, что проблема народонаселения до тех пор еще не однажды будет обсуждаться нашими преемниками. У них будет то преимущество перед нами, что они сумеют воспользоваться статистикой своего времени. При всем моем высоком уважении к товарищу Квесселю я должен допустить, что эта статистика изобразит отношения той эпохи несколько точнее, чем статистические данные, которые он вычисляет теперь для нее.

Однако мы не имеем никаких оснований допускать, что мы победим лишь через сто лет. Возможно ли, что обострение противоречий будет продолжаться по-прежнему еще целых сто лет, возможно ли, что будет так же продолжаться рост дороговизны, вооружений, предпринимательских союзов, а на другой стороне рост пролетариата, его организаций и его озлобления,—возможно ли все это без того, чтоб жизнь не стала совершенно невыносимой? Социал-демократия уже теперь сильнейшая партия в государстве. Если уж заниматься статистикой будущего, то не трудно вычислить, что недалеко время, когда она будет иметь за себя большинство населения. И при таком положении вещей нас хотят уверить, будто потребуется еще целых сто лет, пока мы станем у власти? Уже задолго до того, политические и социальные противоречия должны приобрести такую остроту, при которой невозможно дальнейшее существование на данной основе и преобразование общества становится неизбежным. Кто думает, что это преобразование не есть еще социализм, что для последнего мы еще не «созрели», тот должен считать возможным другое решение и стремиться к нему. Этого Квессель не делает, да и не может делать, ибо в настоящее время существует выбор только между высоко развитым капитализмом и программой социал-демократии. Вне их не существует никакой жизнеспособной программы.

У нас нет никаких оснований лишать социал-демократическую программу ее вербующей силы, рассматривая ее, как практическую программу только для наших правнуков.

Приурочив дату нашей победы к 2010 году, товарищ Квессель начинает вычислять население, которое будет иметь Германия в этом знаменательном году. Он думает, что оно будет не меньше 200 миллионов. Вычисление его неопровержимо, ибо оно опирается—как подчеркивает Квессель—на «*официальной* статистике населения».

К такой статистике следует, разумеется, отнестись с величайшим почтением. У нее только один маленький недостаток,—именно, что она официальная статистика 1880—1900 г.г., а не 2010 г.

Конечно, мы вправе делать умозаключения от настоящего к будущему, но только в том случае, если мы можем допустить, что в будущем развитие будет совершаться в том же направлении и с той же (или ускоренной) быстротой, что и теперь. Товарищ Квессель принимает это для прироста населения наступающего столетия, как нечто само собою разумеющееся. Между тем, даже как правоверный мальтузианец, признающий одинаковый закон народонаселения в природе и обществе, он не вправе был сделать это допущение.

Разве он не сказал, что необходимо *увеличение в три раза* продуктов германского животноводства, чтоб прокор-

мить в достаточной мере *теперешнее* население страны, и что следствием недостатка этих продуктов является огромная детская смертность. И в то же время он допускает утроение населения без всякого изменения существующего способа производства.

Для нас, марксистов, признающих исторические законы народонаселения, существуют и другие основания не доверять квесселевской статистике 2010 г.

Мы думаем, что существует особый закон народонаселения не только для каждого способа производства, но и внутри любого способа производства для каждой фазы его. Так, в рамках капиталистического способа производства мы различаем три периода. Для опровержения Квесселя нет собственно нужды останавливаться подробнее на этом. Но так как это опровержение является для меня побочным моментом, только исходным пунктом для развития определенного ряда мыслей, на которые меня натолкнули критические разборы моей книги, и так как предмет кажется мне заслуживающим внимания, то я вкратце изложу здесь эти три фазы.

При начале капитализма прирост населения замедляется благодаря ограничениям, ставимым цехами, и крестьянской собственности, которые затрудняют трудящимся классам основание собственной семьи. Но одновременно с этим в самых различных странах начинается прогрессирующее пролетаризирование крестьянства. Пролетариат растет быстро, но в это время нет еще развитой капиталистической промышленности, которая могла бы поглотить его. Ему не остается ничего другого, как нищенствовать, разбойничать на больших дорогах или наниматься на военную службу в армии или во флоте. Солдатам и разбойникам не до обзаведения собственной семьей; к тому же смертность, свирепствующая среди этих профессий и порождаемая ими, очень значительна.

Разбой и борьба с ним представляют непрерывную, часто весьма разрушительную, гражданскую войну. Одновременно с этим, под влиянием вырастающей легкости добывать наемников, увеличивается ожесточенность и продолжительность войн; к войнам сухопутным присоединяются морские войны колониальной системы. С другой стороны колониальная система является эпохой расцвета морского разбоя, дополняющего разбой на большой дороге.

При слабости размножения народонаселения этот период, нашедший себе наиболее яркое выражение в XV и XVI столетиях, приносит с собой огромную потерю в человеческом материале. Этим объясняется наступавшее временами пол

ное запустение целых государств—Германии после тридцатилетней войны, Испании,—повсеместная постоянная боязнь обезлюдения, постоянные стремления дальновидных политиков споспешествовать росту населения. Если бы Мальтус жил тогда, его бы подняли на смех. Или, скорее, он написал бы противоположное тому, что он в действительности написал, ибо у него был тонкий нюх и он понимал, что̀ требуется властям предержащим.

Положение дел изменилось, когда капиталистическая промышленность развилась и стала массовым явлением, господствующим над экономической жизнью. Она уничтожила цеховые ограничения и устранила таким образом для значительной части городского населения препятствия к обзаведению собственной семьей. Она облегчила избытку сельского населения основание семьи. Она дала растущим массам пролетариата убежище, и, как бы вредно для здоровья и разрушительно ни действовала капиталистическая система там, где она царит неограниченно, все же она не столь опустошительна, как разбой на больших дорогах и войны. С ростом промышленности, поглощающей все большее количество пролетариев, уменьшается число преступников: в то же время труднее становится доставать наемников; на смену вербовки добровольцев все больше выступает принудительная военная служба, пока она не превращается во всеобщую воинскую повинность; вести чисто династические войны становится благодаря этому все труднее, а сами войны становятся все более редкими и менее продолжительными.

Эта фаза раньше всего появляется в Англии: ей, благодаря ее островному положению, не приходилось иметь дело с вражескими вторжениями; с другой стороны, в Англии покончили с цехами раньше, чем на материке, и в ней развилась раньше, чем на материке, капиталистическая промышленность для массового потребления. В Англии впервые наблюдается быстрый прирост пролетарского населения, но в то же время промышленный пролетариат начинает становиться мятежнее, чем дисциплинированные наемники, а, благодаря своей экономической необходимости, он становится политически важнее, чем люмпен-пролетариат. Во французской революции впервые замечают, сколь опасной теперь может стать для государства и правящих классов социальная нищета, если она представляется массам, как продукт извращенного государственного и социального порядка. Отсюда мальтузианство, боязнь перенаселения, связанные с стремлением выдать за причину социальной нищеты «естественный закон» перенаселения.

Великая французская революция влечет за собой крушение цеховых ограничений и расцвет капиталистической промышленности и на материке. Вслед за тем, как прекратились вызванные ею войны и установилось известное состояние равновесия, на основе его возникает эра длительного европейского мира; после некоторых коротких интермедий, ликвидирующих наследие революции 48 г., в Европе (если не относить к ней Турцию) наступает с 1871 г. новая эра мира, длящаяся еще и по сию пору.

В этот промежуток времени население быстро увеличивается, прежде всего в капиталистических странах. Но теперь мы вступили в новую эпоху, представляющую иной характер.

Профессиональная деятельность женщин быстро расширяется, ведя за собой чрезмерную работу, которая порождает у женщин отчасти естественное ослабление плодовитости, отчасти желание избавиться от многочисленного потомства, как нового бремени ко всем тяготам их существования. С другой стороны всеобщая воинская повинность, в форме постоянной армии, и непрерывно повышающийся срок вступления в брак вызывают быстрое распространение половых болезней. В том же направлении действует рост больших городов. При жилищных условиях больших городов дети становятся для родителей еще большей обузой, чем в деревне, и это опять таки усиливает желание уменьшить число детей. Одновременно с этим пролетариат пробуждается от того тупого прозябания, которое вытекает из недостатка веры в себя, он начинает профессиональную и политическую борьбу за улучшение своего положения. Отдельная личность тоже стремится к улучшению своего положения на собственный риск и страх. Исчезает старая привычка уповать на промысел божий, т.-е. старый, тупой склад мысли, принимающий за неизбежное все, что происходит, в том числе и многочисленное потомство. Как для личного преуспеяния, так и для энергичного ведения классовой борьбы, избыток детей является теперь тяжким бременем; особенно резко чувствуют это женщины, которые не хотят больше быть родильными машинами.

Если ко всем этим тенденциям прибавить усовершенствованную медицинскую технику, позволяющую без вреда для здоровья и насильственных мер воспрепятствовать зачатию, то не удивительно непрерывное уменьшение числа рождений в капиталистических странах.

Эта тенденция теперь признается всеми; она не преходящее явление, а основывается на факторах, значение которых растет вместе с капиталистическим способом производства. Если бы Квессель ровно ничего не знал об этом, то в моей книге на первых же страницах он нашел бы ряд соответствующих цифр, ясно указывающих на уменьшение числа рождений. Я, правда, в своей работе не останавливался долго на этом факте, ибо он бесспорен и всем известен. Если товарищ Квессель желает ознакомиться с дополнительным материалом, то он найдет обилие его в «Studien zur Bevölkerungsbewegung in Deutschland» Пауля Момберта.

Квессель на основании «официальной статистики» вычисляет, что население Германии, если оно будет размножаться тем же темпом, что в 1881—1900 г.г., будет составлять в 2010 г. двести миллионов. Но он забывает, что эта самая официальная статистика указывает на быстрое уменьшение этого темпа, начиная с 1876 г. В Германии насчитывали на 100.000 женщин рождений в год:

1871—1880	—	407
1876	—	426
1881—1890	—	382
1891—1900	—	374
1901—1903	—	346
1909	—	319

Таким образом «официальная статистика», из которой Квессель извлекает свои выводы для 2010 г., не имеет силы даже для 1910 г.

При всем том народонаселение за этот период времени все еще быстро возрастало. Но это объясняется отчасти уменьшением эмиграции, отчасти увеличением иммиграции, но, главным образом, ослаблением смертности. В 1872 г. на 10.000 жителей умирало 306, в 1909 г. только 181.

Но с 1900 года число рождений убывает быстрее, чем число смертей. В 1901 г. избыток родившихся над умершими составлял 156, в 1909 г. только 138. Понятно, что уменьшение смертности имеет естественную границу, которой она не может переступить. Наоборот, уменьшение числа рождений, поскольку оно является следствием искусственных предупредительных мер, не связано ни с какими естественными границами. Оно может прогрессировать вплоть до того, что народонаселение приходит в стационарное состояние или даже начинает уменьшаться.

В начале экономисты радостно приветствовали это уменьшение числа рождений, ибо они еще были жертвами старых мальтузианских иллюзий. Но теперь оно начинает внушать им тревогу. Это заметно уже несколько десятков лет во Франции, где уменьшение числа рождений началось за несколько лет до войны 1870 г., а теперь и в Англии, где рождаемость

падает с семидесятых годов. Во Франции число рождений на 10.000 жителей составляло в 1861—1865 г.г—267, в 1907 г. только 197; в Англии в 1871—1875 г.г.—355, в 1907—только 263.

В вопросе о народонаселении капиталистические страны идут семимильными шагами навстречу состоянию Франции. А Квессель полагает, что сильный прирост населения, характерный для Германии еще в 1880 г., будет длиться целое столетие. Если же это окажется не так, то вот уж вторая трещина в его постройке.

Далее. Квессель не только предполагает, что до 2010 г. останется неизменным относительное количество рождений, но также, что нет никакой эмиграции.

Когда я утверждал, что в социалистическом обществе производство пищевых продуктов будет в течение ряда десятилетий хватать для любого прироста населения, то я имел при этом в виду пищевые продукты всего *мира*, а не одной *Германской Империи*. Уже в настоящее время средства сообщения развиты до такой степени, что происходят настоящие переселения народов. Квессель же полагает, что через сто лет все родившиеся в Германии немцы не сдвинутся с своего клочка земли, хотя бы некоторой части их в других странах представлялись лучшие условия существования, чем существующие тогда—согласно предположениям Квесселя—на их родине. Если немцы двадцать первого столетия окажутся не такими заскорузлыми домоседами, то постройка Квесселя получит третью трещину.

Но это еще не все.

Ко всем перечисленным допущениям надо прибавить еще одно, а именно, что те 200 миллионов немцев, которые начнут строить социалистическое государство будущего, сделают это в точности по рецепту, сочиненному товарищем Квесселем вкупе с одним садовником и одной «опытной в рациональном воспитании детей женщиной-врачем». Согласно этому рецепту, в каждой семье детям должна быть отведена для игры особая площадь размером в пол-гектара. Но вдруг люди двадцать первого века окажутся настолько неблагоразумными, что не послушаются Квесселя с его садовником и с его женщиной-врачем: вдруг они предпочтут взгляды великих социалистов, начиная с Беллерса, Оуэна и Фурье, и будут думать, что в интересах как матерей, так и детей, дозволять последним собираться большими группами на общих площадках для игр! В этом случае постройка Квесселя даст четвертую серьезную трещину.

Она имеет теперь достаточно жалкий вид. Но, как мы

покажем—да простится нам наше жестокое сердце!—дело обстоит с ней еще хуже.

Квессель высчитывает, что 200 миллионов немцев, которые окажутся к 2010 г., будут составлять 50 миллионов семейств, по два взрослых и два ребенка в каждой семье. Это составляет 50 миллионов жилищ и площадок для игр, занимающих 25 миллионов гектаров. Но Германия насчитывает только 35 миллионов гектаров пригодной для обработки почвы. Таким образом для сельско-хозяйственных целей осталось всего 10 миллионов гектаров. И с этой площади земли надо добыть необходимую для всего населения пищу.

Квессель насчитывает 50 миллионов жилищ со 100 миллионами взрослых и 50 миллионов площадок для детских игр со 100 миллионами пользующихся ими детей. Вся нация состоит из играющих детей и их родителей. Все прочие возрастные группы не существуют.

Но допустим, что к 2010 г. возрастный состав населения будет приблизительно тот же, что и в 1900 г.,—*а в этом пункте* вряд ли произойдут серьезные изменения—и присмотримся к «*официальной*» статистике населения истекшего года.

Мы можем принять, что детские площадки для игр нужны для детей в возрасте от двух до восьми лет. Дети меньшего возраста еще не доросли до них, а старшие уже переросли: для игр этих последних достаточно леса и поля, раз не существует вовсе больших городов и уничтожено противоречие между городом и деревней. Согласно вышеупомянутой статистике народонаселения, дети в возрасте от 2 до 8 лет (включительно) составляют 17% населения. При общем числе в 200 милл. это дает не 100 милл., а 34. И даже если мы примем, что члены государства будущего окажутся большими чудаками и захотят—согласно Квесселю—отдавать в распоряжение каждой пары детей особую площадку в пол-гектара, то все же для этого потребуется только 8 миллионов гектаров, а не 25, и для потребностей сельского хозяйства останется не 10, а 27 миллионов гектаров. Но достаточно, чтоб им пришло в голову, что площадка в пол-гектара достаточна для игр не пары детей, а, скажем, 20, тогда для площадок потребуется уже максимум *один* миллион гектаров даже при населении в 200 миллионов. В этом случае для сельского хозяйства остается 34 миллиона гектаров, даже если теперешние топи и болота не будут осушены.

В этом случае от всей постройки Квесселя не остается камня на камне.

Словом, я допускаю, что его статистическая аргумента-

ция против социализма неопровержима, если имеют место все, без исключения, следующие условия: *если* социализм победит лишь в 2010 г.; *если* до тех пор ничто не изменится в биологическом познании законов плодовитости и в технике производства пищевых продуктов; *если* рост населения будет происходить в течение целого столетия с той же быстротой, что в 1880—1900 г.г.; *если* все родившееся в Германии население ни в коем случае не сдвинется с места; *если* это население упрется на том, чтоб отвести каждой паре детей площадку для игр в пол-гектара; и *если*, наконец, целая половина народонаселения будет состоять из одних играющих детей—но тогда, тогда социализм означает попросту превращение Германии в одну колоссальную площадку для детских игр. И тогда прости социализм, тогда у нас нет никакой надежды на победу его.

Но с нами, вероятно, согласятся, что совпадение всех этих предпосылок квесселевской статистик столь же правдоподобно, как то, что политическая экономия сделает шаг вперед по сравнению с Карлом Марксом с помощью ребяческого счета, стоящего на том же уровне, что известный счет Лафонтеновской молочницы.

IV. Закон убывающего плодородия почвы.

И Маслов, подобно Квесселю, признает правильность закона Мальтуса для мира животных. Но он отрицает применимость его к человеческому обществу. Это надо понимать следующим образом: Маслов не отрицает, что человечество размножается при всех обстоятельствах, если только его не косят войны и нищета—в геометрической прогрессии, он только отрицает, что от этого должно отставать повышение уровня средств существования. Он утверждает, что технический прогресс в производстве пищевых продуктов должен происходить всегда быстрее, чем прирост населения.

Так далеко я не иду. Я утверждаю только, что особые действия капиталистического способа производства ускоряют в теории технический прогресс сельского хозяйства, а на практике мешают ему, что, благодаря этому, между теорией и практикой разверзается все большая пропасть, которую заполнит социализм: *благодаря этому*, а также уплотнению населения редко населенных местностей, социализму не угрожает в течение надвигающегося столетия недостаток пищи. Но я остерегаюсь делать заявления, вроде масловских: «Человек обладает возможностью расширить *до бесконечности* свои пищевые средства», и «человеческое общество всегда обладает возможностью создавать необходимые для его потребностей пищевые средства».

Такого рода тезисы не по мне. Маслов высказывает их хладнокровнейшим образом, не приводя в защиту их ни одного слова. Или, может быть, Маслов думает, будто для этого ему достаточно было указать на небезызвестный факт, что люди обладают способностью изобретать орудия и машины?

Молчаливый, как могила, когда дело идет о самом существе его понимания проблемы перенаселения, он становится необычайно многоречивым в вопросе совершенно второстепенного в данном случае значения, именно в вопросе об убывающем плодородии почвы. Под этим последним понимают учение о том, что получаемые с какого-нибудь участка земли продукты растут не в той же пропорции, как потраченный на его обработку труд, что, следовательно, они убывают по отношению к последнему. Так, например, если 10 рабочих извлекают количество продуктов, равное, скажем, 100, то 20 рабочих добудут только 180, 30 только 240 и т. д.

К сожалению, мне не легко столковаться с Масловым насчет этого пункта, ибо он полемизирует со мной, нисколько не считаясь с соответствующими соображениями, развитыми в моей книге. Поэтому мне собственно оставалось бы одно, попросить Маслова еще раз внимательно прочесть то, что я написал, прежде чем выступать против меня.

Но я все же попробую разъяснить это недоразумение.

Маслов вообразил себе, будто я, подобно Кэри, защищаю закон возрастающего плодородия почвы; будто я стою на той точке зрения, что прибавочное количество труда увеличивает, при всех обстоятельствах, не только абсолютно, но и относительно, доход с почвы.

В действительности же я стою на той точке зрения, что между затратой труда и плодородием почвы не существует вовсе неизменного отношения, что оба эти фактора могут измениться в самых различных направлениях.

Иногда возможно увеличение производительности в сельском хозяйстве без всякой добавочной затраты труда или капитала, только благодаря расширению нашего научного кругозора: так, например, к этому может привести употребление лучших пород семян, более рациональный плодосмен, употребление более работоспособного скота, новых методов кормления скота, избавляющих от лишних трат и т.д.

Затем плодородие зависит от определенного качества почвы. Но затрата труда, необходимая для придачи почве соответствующих качеств, различна в разное время и на разных сортах почвы. Невозможно установить для этого какой-нибудь определенный закон. Производительность определенного участка земли можно, скажем, удвоить, удобрив ее не-

которым количеством калиевых солей. Но при этом безразлично, добывается ли эта калиева соль где-нибудь поблизости, на поверхности земли, требуя, таким образом, небольшой затраты труда, или же она извлекается с огромными усилиями из глубины земли, а затем еще перевозится за несколько тысяч километров, чтоб попасть на наш участок земли. От этого будет зависеть стоимость продуктов, но не их *количество*.

То же самое можно сказать об орошении. Плодородие почвы зависит, между прочим, и от доставляемого ей количества влаги. Но здесь опять-таки безразлично, как доставляется ей эта влага: падает ли она дождем прямо с неба, добывается ли она из протекающей по близости речки с помощью простых сточных желобов, или же достается из отдаленных больших запруд с помощью обширной системы орошения.

Словом, если нельзя установить вовсе определенного соотношения между затратой труда и плодородием почвы, то нельзя утверждать, будто увеличенной затрате труда соответствует всегда относительно уменьшенное плодородие. Допустим, что мы имеем очень влажный участок земли, который, при обработке его десятью рабочими, приносит очень мало доходу. Если я прибавлю к этому еще десять работников, которые высушат почву, то двойному количеству труда может соответствовать тройное количество продуктов земли. Но если я поступлю таким же образом на другом участке, который уже от природы избавлен от излишка воды и доступен хорошей циркуляции воздуха, то дренажные работы, может быть, дадут небольшой излишек, не находящийся, однако, ни в каком отношении к потраченному труду. В этом случае можно было бы говорить об убывающем плодородии почвы, но странно было бы сделать из этого всеобщий закон.

В этом смысле я отвергаю закон убывающего плодородия почвы, но это не значит, будто я отрицаю существование случаев убывающего плодородия. Разумеется, имеются и такие случаи, но они не дают нам права утверждать общим образом, будто прирост населения всегда влечет за собой уменьшение производительности труда в сельском хозяйстве. Я отвергаю этот вывод, но точно также я отвергаю противоположное утверждение многих противников мальтузианства, будто существует закон растущего плодородия почвы, будто простой прирост населения влечет за собой увеличение производительности сельского хозяйства.

Но Маслов, кажется, думает, что я защищаю эту точку зрения, он, кажется, думает, что отклонение закона убывающего плодородия почвы непременно равносильно допущению закона растущего плодородия. Ведь, спрашивает же он меня, почему сибирские казаки или аргентинские колонисты не переходят к более интенсивной культуре, «если только таким путем можно было бы поднять производительность труда»

Этим вопросом я займусь еще ниже. Теперь же я только замечу, что я никогда не утверждал, будто более интенсивная культура дает всегда большее количество продуктов по отношению к затраченному труду. Но я решительно возражаю против утверждения Маслова, будто она всегда дает относительно меньший доход, чем экстенсивная культура.

Мы должны отличать две вещи: во-первых—увеличенную затрату труда при неизменных методах обработки земли и увеличенную затрату труда при переходе к высшим методам работы.

Если мы приглядимся к тем работам, которые производятся в каком-нибудь сельско-хозяйственном деле, то мы увидим, что каждый способ ведения хозяйства требует известного максимума особых хозяйственных средств и особых работ: добавочные средства и добавочные работники, вообще говоря, не найдут себе здесь полезного применения. Но, с другой стороны, для того, чтоб этот способ ведения хозяйства дал максимум того, что он способен дать, он должен иметь в своем распоряжении определенное количество работников и хозяйственных средств. Следовательно, каждый способ ведения сельского хозяйства требует определенной плотности населения; пока не достигнута эта плотность, хозяйство не развернет всей своей производительности. Но оно не может прокормить население свыше известной нормы: дальнейшее увеличение народонаселения, при данной земельной площади, возможно только при наличии условий для перехода к высшим, более производительным методам хозяйствования.

В виде иллюстрации того факта, что, при данном способе ведения хозяйства, нельзя применять с пользой выше определенного количества работников и хозяйственных средств, я привожу в своей книге несколько резких примеров: если работа при одном плуге требует всех сил одного человека, то прибавка второго плуга будет совершенно бесполезной: перед нами будет не просто убывающее плодородие, а не будет вовсе прироста его. Если для работы достаточно двух плугов, то прибавление третьего не приносит никакой пользы. Точно также навоз и корм для скота имеют свои максимальные порции: дачи выше этой нормы бесполезны, а иногда даже и вредны [1]).

[1]) См. стр 58 в этом же томе.

Мне казалось, что я достаточно ясно выразил таким образом свою мысли. Но, к моему изумлению, Маслов выдвигает теперь эти соображения против меня, чтобы доказать, будто «Каутский неточно представляет себе переход от одной хозяйственной системы к другой», что составляет здесь мою основную ошибку. Чтоб доказать это, он перепечатывает приведенные выше рассуждения, но только до предложения, гласящего, что третий плуг бесполезен, когда достаточно двух.

Если бы он цитировал следующее за этим место, то он бы натолкнулся на указания, что корова может съесть только определенное количество корма и что дальнейшая дача не прибавит удоя молока. В этом он вряд ли мог бы усмотреть представление о «переходе от одной системы хозяйства к другой». Как бы неточными ни казались ему мои представления о подобном переходе, не может же он предполагать, будто я представляю себе осуществление перехода к более интенсивному хозяйству в виде перекармливания коров.

Я не мог удержаться от улыбки, видя, с каким серьезным видом Маслов доказывает мне, что «в сельском хозяйстве дело происходит совершенно иначе».

Его примеры не доказывают ровно ничего против меня. Или, может быть, мои взгляды становятся неверными от того, что можно повысить доходность участка земли, вспахав его плугом не один раз, а два или три, а иногда даже и пять раз. Доказывает ли это,что можно на известном участке земли увеличивать безгранично работу вспахивания и боронения, получая таким образом дальнейшие, хотя, относительно, и убывающие, прибавки дохода? Что, скажем, доход продолжает расти, даже если производить вспашку шесть раз, а боронение десять раз?

Дальнейшие рассуждения Маслова по этому вопросу представляют описание перехода от одного способа ведения хозяйства к другому, от дикого луговодства к трехполью и плодосмену. Но это совсем особый вопрос.

Переход от одиого способа ведения хозяйства к другому, высшему, означает, действительно, рост производительности или почвы, или труда, или обоих вместе, иначе, ведь, он не имел бы смысла, но подобный переход возможен лишь при известных исторических условиях. И вопрос о том, требует ли он добавочного труда и в каком количестве, зависит опять-таки от особых условий, которые могут складываться весьма различным образом, и которые нельзя уложить ни в какой шаблон,—ни прибывающего, ни убывающего плодородия почвы.

Маслов, правда, другого мнения. Он пишет:

«Если бы интенсивная культура была выгоднее, то мы не видим причины, почему бы ее не вводить и в редко населенных местностях. Что мешает богатому крестьянину, или казаку Зауралья или северной Сибири, или же колонисту в Аргентине вводить наиболее интенсивную культуру, если таким образом можно только повысить производительность труда»?

Следовательно, он думает, что названные им сельские хозяева остаются при экстенсивной культуре потому, что она производительнее. Ничто другое не могло бы помешать им перейти к более интенсивной культуре.

Но я уже указал на то, что каждый способ ведения хозяйства предполагает определенную плотность народонаселения. «Наиболее интенсивная культура» «в редко населенных местностях» терпит крушение по одному тому, что она требует больше рабочих рук, чем могут дать эти местности.

Далее, при развитом товарном производстве для интенсивной культуры требуется еще одна мелочь: деньги. Домашний ткач отлично знает, что паровой ткацкий станок гораздо производительнее, чем ручной станок; если же он не прибегает к первому, оставаясь при втором, то это доказывает лишь его бедность, а не его веру в превосходство ручного станка. У сибирских крестьян недостаток в деньгах является очень серьезным препятствием для ведения более интенсивного хозяйства. И более богатые крестьяне располагают там небольшим количеством наличных денег.

Но если бы и имелись налицо все условия более интенсивного хозяйства, то это не значит, что оно непременно будет выгодно, хотя бы оно и было производительнее. Возьмем, например, крестьянский двор, который при 100 рабочих днях в году производит 40 центнеров хлебных продуктов. Допустим, что он потребляет как раз такое же количество хлеба. При данном состоянии дорог нет возможности вывозить и продавать хлеб. Допустим далее, что наш крестьянин может значительно повысить продуктивность труда переходом к более интенсивной культуре. Допустим, что, прибавив к ста рабочим дням еще 50 дней, он может произвести не 40 центнеров, а 80. Захочет ли крестьянин перейти к этой более интенсивной, и безусловно более производительной культуре? Конечно, нет. Добавочные 50 рабочих дней были бы выброшены на ветер, ибо не существует никакого сбыта для добавочного продукта, ему оставалось бы только гнить в амбарах крестьянина.

Переход к более производительной культуре предполагает расширение потребности в продуктах ее, увеличение рынка. Это применимо не только к сельскому хозяйству, но и к промышленности. В средневековом маленьким городе с ограниченным местным рынком современная прядильная фабрика была бы невозможна, даже если бы уже была изобретена современная техника и признано ее превосходство. При наличности небольшого сбыта возможно только мелкое ремесло, несмотря на его относительно ничтожную производительность.

Все это в достаточной мере объясняет, почему казаки в отдаленных местностях Сибири должны воздерживаться от перехода к более интенсивной культуре; отсюда вовсе не следует, что их способ ведения хозяйства более производителен.

После всех этих соображений я прихожу в вопросе о повышении уровня средств существования к заключению, аналогичному моим выводам в проблеме о приросте народонаселения. В обоих случаях в истории человечества не существует «абстрактного» закона, пригодного для всех стран и эпох. Не существует закона убывающего плодородия, как не существует закона о постоянном стремлении к перенаселению. Но не существует и закона, который бы действовал постоянно в противоположном направлении, как это думают многие антимальтузианцы. Для каждой исторической эпохи приходится особо изучать законы изменения уровня средств существования, как и законы прироста народонаселения.

Я попытался сделать это для капиталистического способа производства и нашел, что при нем в огромной степени повышаются возможности роста производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности, но одновременно возникают и растущие препятствия для осуществления этих возможностей. Благодаря этому, становятся все резче противоречия между возможной и реальной производительностью сельско-хозяйственного труда.

Из роста этого противоречия, протекающего на наших глазах, я заключаю, что социализм сумеет надолго повысить массу пищевых продуктов: ведь в социалистическом обществе возможно устранить все те препятствия, которые ставит капитализм на пути осуществления уже существующих в сельском хозяйстве возможностей. Таким образом высказанные мною взгляды о повышении уровня средств существования в социалистическом обществе опираются на изучении тенденций капиталистического способа производства, а не на фантастических ожиданиях возможных изобретений в будущем, а также не на оптимистическом естественном законе о росте плодородия почвы с ростом населения.

Маслов может не соглашаться с моей точкой зрения. Но странное впечатление производит то, что, опорачивая мои рассуждения об убывающем плодородии почвы, он не упоминает даже этой точки зрения, а тем более не опровергает ее; не менее странно и то, что, когда он защищает свою излюбленную теорию, то он возражает мне так, будто я защищаю абстрактный естественный закон прибывающего плодородия почвы.

V. Истощение почвы.

Статистические данные, выдвигаемые против меня Масловым, производят не менее странное впечатление, чем его теоретические возражения. Во-первых, цифры эти, если и доказывают что-нибудь, то не против меня, а против закона прибывающего плодородия почвы. Но, во-вторых, они вообще ровно ничего не доказывают.

Маслов выставляет против меня следующую таблицу:

	Плотность населения на 1 кв. килом.	Урожай в пудах пшеницы за вычетом посевных семян на 1 дес	Количество хлебных продуктов на единицу населения, в тоннах.
Великобритания	131	124	0,15
Германия	112	77	0,4
Франция	73	70	0,418
Соедин. Штаты	10,8	50,3	1,15

Маслов к этому прибавляет:

«Вышеприведенная таблица доказывает, таким образом, что с приростом плотности народонаселения повышается плодородие почвы, но что одновременно падает производительность труда».

Странная таблица, в которой крайне своеобразно перемешаны километры с десятинами, пуды с тоннами, пшеница со злаками вообще.

Кроме того, цифры эти кажутся мне не безупречными, если сравнить их с цифрами официальной английской сельско-хозяйственной ститистики за 1902—1907 г.г. и статисти

кою ежегодника Германской Империи за 1908 г. Если мы сравним английские данные об урожайности пшеницы с немецкими и масловскими, то мы получим следующую таблицу:

	Количество бушелей на акр.	Количество гонн на гектар.	Количество пудов на десятину.
Великобритания	31,32	2,3	124
Германия	29,59	2,0	77
Соедин. Штаты	13,57	0,9	50,3

Если вместо абсолютных чисел возьмем относительные, сохранив исходный пункт, то мы получим:

	Английская статистика за 1902—1907 г.г.	Германская статистика за 1908 г.	Статистика Маслова.
Великобритания	115	127	124
Германия	109	111	77
Соедин. Штаты	50	50	50

Мы видим, что приводимые Масловым для Германии—неизвестно по какому источнику—цифры далеко отстают от данных, опирающихся на очень надежные источники последних лет.

Но если бы мы и признали правильность цифр Маслова, то они ровно ничего бы не доказывали. Прежде всего следует заметить, что различия в производительности сельско-хозяйственного труда зависят не только от различий в способе ведения хозяйства, но и от различий в естественном плодородии почвы. Данные о количестве хлебных продуктов, приходящихся на единицу населения или на единицу площади, ничего не говорят нам о том, от какого из обоих этих факторов зависят указываемые различия.

Так, например, мы находим такое различие между Великобританией и Ирландией:

	Великобритания.	Ирландия.
Плотность населения на кв. килом. . .	160	53
Сбор пшеницы с акра земли [1]	31 бушель.	33 бушеля.
Сбор овса с акра земли [1].	39 бушелей.	45 бушелей.

В Ирландии, можно с уверенностью сказать, способ ведения хозяйства не более усовершенствованный, а производительность труда вообще не больше, чем в Англии. Большие сборы в Ирландии объясняются, очевидно, большим плодородием почвы. Масловский «закон», «что с ростом плотности народонаселения растет и доход с земли», превращается в случае Великобритании и Ирландии в свою противоположность.

Но приведенные цифры показывают также, что каждый род злаков имеет свою особую урожайность при одинаковом способе ведения хозяйства. Таким образом полученное количество хлебных продуктов зависит не только от производительности труда и плодородия почвы, но также и от пропорции, в которой засеяны различные сорта злаков. Так, например, маис дает гораздо больший урожай, чем пшеница. В 1909 г. в Соединенных Штатах урожай маиса был 26 бушелей на один акр, а пшеницы 16. Но маисом там было засеяно вдвое больше земли, чем пшеницей: 109 миллионов акров против 47 миллионов. Если бы отношение засеянной площади изменилось в обратном направлении, то весь сбор злаков заметно понизился бы без малейшего изменения производительности труда. Но в то время, как в Соединенных Штатах возделывают в огромных количествах маис, в Англии его совсем не засевают.

Словом, нельзя так просто сравнивать между собой данные, полученные при разных отношениях.

Но если сбор хлебов в разных странах нельзя сравнивать между собой без дальнейших оговорок, то таблица Маслова совсем не достигает цели, когда он хочет показать размеры затрат сельско-хозяйственного труда в различных странах.

Собственно говоря, таблица должна была бы показать, как простые различия в затрате труда—при неизменности орудий, машин, навоза и т. д.—влияют на сельское хозяйство. Маслов приводит эту таблицу, чтоб доказать, что производительность труда понижается с увеличением количества труда, допуская в то же время, что машина повышает производительность труда. Но можно ли вычитать из его табли-

[1]) Среднее за десятилетие 1896—1905 г.г.

цы, что различия в сборе хлебов зависят только от различий в количестве живого труда, а не от различий в примененных машинах? Разве не известно, что в Америке машины играют в сельском хозяйстве гораздо большую роль, чем в Германии или Франции?

Но удивительнее всего то, что Маслов принимает за критерий производительности труда не отношение между *сельскими рабочими* и размером урожая, а отношение между последним и *всей совокупностью населения!*

Даже отношение между размером урожая и числом сельских рабочих не решало бы окончательно вопроса, ибо, ведь, возделывание злаков не равнозначуще сельскому хозяйству. Так, например, в Германии в 1909 г. под пшеницу были засеяны всего 1.800.000 гектаров, в Соединенных Штатах 19 миллионов. Но зато под картофель в Соединенных Штатах было отведено всего 1.400.000 гектаров, а в Германии более, чем двойное количество этого—3.300.000.

Но совершенно чудовищная идея определять производительность труда на основании отношения между *всей совокупностью населения* и размером урожая злаков.

По переписи 1901 года—последней, имеющейся в нашем распоряжении—в Великобритании с Ирландией число занятых в сельском хозяйстве лиц составляло 2.109.812 на 41.458.721 всего населения, т.-е. равнялось 5% последнего. В Германии уже в 1907 г. насчитывали 9.883.257 человек, занятых в сельском хозяйстве, на совокупное население в 61.720.529,—что составляет 16% населения, т.-е. в три слишком раза больше, чем в Англии. Количество злаков, произведенных *сельско-хозяйственным населением,* составляет в Англии почти 3 тонны на человека, в Германии только 2,5 тонны. У Маслова же—при расчете на *совокупное население* страны—получается 0,15 тонны для Англии и 0,4 тонны для Германии. Согласно Маслову, производительность сельско-хозяйственного труда в Германии в два слишком раза больше, чем в Англии, в действительности же она несколько меньше. Поэтому, если мы вместо совокупного населения возьмем, как и следует—сельско-хозяйственное население, то от всей масловской таблицы не останется ровно ничего.

Таблица эта не имеет никакой цены для нашей цели. Это не значит, что в Соединенных Штатах сельско-хозяйственный труд относительно непроизводительнее, чем в Европе, Но Маслов глубоко ошибается, если думает, что это доказывает превосходство экстенсивного хозяйства. В сельском хозяйстве Соединенных Штатов господствовало до сих пор в действительности *интенсивнейшее хищническое хозяйство,*

беспощадное истощение девственной почвы на основе применения самых современных и усовершенствованных машин. Нигде машины не применяются в таком размере, как в Америке, но нигде также не высасывается столь безжалостно и почва. Сельский хозяин снимает там одну жатву за другой, не заботясь вовсе об унавожении почвы или другом каком-либо улучшении ее. Если плодородие начинает падать, то земледелец предпочитает забросить разработанный участок и приняться в другой местности за новую, неистощенную еще почву.

Подобный способ ведения хозяйства дает, разумеется, большие сборы, чем сельское хозяйство Англии, Франции, Германии. Но это объясняется не большой производительностью труда, а расточением накопленных в почве богатств. Если принять с Масловым, что такого рода ведение хозяйства производительнее, чем сельское хозяйство Западной Европы, то надо также допустить, что мот, тратящий ежегодно из своего миллиона сотни тысяч, ничего не зарабатывая, производительнее, чем рабочий, который производит в течение года ценностей на 10.000 марок, включая сюда и 3.000 марок заработной платы. Первый тратит на себя 200.000 марок в год, а второй лишь 3.000. Следовательно, хозяйство первого производительнее.

Маслов сам чувствует, что хищническое земледелие не имеет отношения к вопросу о производительности интенсивного и экстенсивного сельского хозяйства. Он сам говорит:

«В течение тысячелетий вели экстенсивное хозяйство, при чем от этого не уменьшались сборы продуктов с земли, следовательно, крайне интенсивное хозяйство, несмотря на незначительные затраты труда, не влечет за собой истощения почвы».

Пусть только он покажет нам подобное экстенсивное хозяйство без истощения почвы и пусть он сравнит его урожайность со сборами в западно-европейских хозяйствах. Когда он это сделает, мы поговорим с ним о меньшей производительности более интенсивного хозяйства.

Американское хищническое хозяйство не доказывает ровно ничего в пользу учения об убывающем плодородии почвы, но оно объясняет, почему это учение находит себе сторонников. Никакая теория, как бы она ни была ложна, не лишена вовсе основания. Каждая теория основывается на известных фактических наблюдениях; ее ошибка заключается лишь в том, что она не замечает правильной связи их.

VI. Вздорожание сельско-хозяйственных продуктов.

Учение об убывающем плодородии почвы выросло из наблюдений над непрерывным ростом цен сельско-хозяйственных продуктов в течение XVIII столетия в Англии. В XIX столетии рост этот временами прекращался; перерывы эти связаны с расширением морской торговли и с открытием новых заокеанских источников жизненных продуктов; но после них этот рост снова продолжается. Вот уж несколько лет, как мы снова вступили в период такого подъема цен, в период дороговизны; благодаря этому снова окрепла теория об убывающем плодородии почвы,—т.-е. учение о том, что, параллельно с приростом населения, неизбежно должна падать производительность приложенного к земле труда.

В действительности причины дороговизны совсем иного порядка.

При образовании цен сельско-хозяйственных продуктов в Европе особенное значение за последнее десятилетие приобрели следующие три большие сельско-хозяйственные области: Америка, Россия и туземное сельское хозяйство.

Понижение цен пищевых продуктов за последнюю четверть истекшего столетия исходило от Америки, ибо в ней внезапно, благодаря грандиозному железнодорожному строительству, стали доступны возделыванию колоссальные площади девственной, никем не заселенной почвы. Там не существовало монополии частной собственности на землю, а, значит, и абсолютной земельной ренты. Но частная собственность на землю все же оставалась, она не была заменена коллективной собственностью, возделыванием земли, которое бы преследовало длительные общественные интересы. Благодаря этому в сельском хозяйстве не соблюдались условия, которые обеспечили бы постоянное сохранение плодородия. Эксплоатация земли была предоставлена инициативе частных предпринимателей, которые рассчитывали на неисчерпаемые резервы новой земли. Это имело своим следствием хищническое хозяйство, которое, при огромном беспощадном мотовстве, давало очень много продуктов.

Но подобное хозяйничанье не может длиться долго, и теперь оно подходит к концу, ибо исчерпаны резервы новой, еще никем не занятой земли. Благодаря этому земля приобретает и в хлебных районах Америки характер монополии, позволяющей земельным собственникам поднимать цены сельско-хозяйственных продуктов выше их стоимости. Добиться этого им тем легче, чем лучше они организованы. А за последние десятилетия быстрым темпом развивались не только организации наемных рабочих, но также земельных собственников и капиталистов.

Но одновременно с этим, параллельно с издержками производства сельско-хозяйственных продуктов, растет и их стоимость. Это происходит не потому, якобы—как думает Маслов—что интенсивное производство дает всегда меньший по отношению к затрате труда доход, чем экстенсивное, а потому, что хозяйство, не ограничивающееся одним извлечением продуктов из земли, но и возвращающее извлеченные из нее вещества, требует относительно большее количество труда: только таким образом можно поддержать то равновесие между приходом и расходом, без которого всякое сельско-хозяйственное предприятие быстро идет навстречу своей гибели. Потребная для этого затрата труда тем значительнее, чем беспощаднее происходило до того высасывание земли, чем в более жалком состоянии она находилась в момент перехода к более рациональному хозяйству.

Издержки производства пищевых продуктов и сырых материалов растут также, если картели и железнодорожные монополии вызывают вздорожание орудий труда и фрахта.

Таковы причины дороговизны в Америке и кажущегося уменьшения доходности ее почвы.

В России хищническое хозяйство вызывается требованиями абсолютизма, который выжимает силой или хитростью—вспомним водочную монополию—у крестьянина все, что выходит из рамок первейшей необходимости. Благодаря этому, хозяйство его приходит в упадок; скот гибнет, и крестьянин не может производить достаточной распашки и, как следует, унаваживать землю. Становятся необходимыми все большие затраты труда без соответственного увеличения доходности. Чтоб выдержать конкуренцию на мировом рынке, русский крестьянин продает свои продукты нередко ниже их стоимости. Если цены на мировом рынке поднимаются, то это несколько облегчает его положение, не изменяя по существу характера его хозяйства. И здесь, с прогрессирующим ухудшением почвы, условия производства становятся дороже.

Наконец, в Западной Европе, под давлением американского хлеба, свободного от абсолютной ренты и дешевого, и русского хлеба, по нужде продававшегося ниже своей стоимости, начиная с семидесятых годов, цена на хлеб и другие

сельско-хозяйственные продукты в течение известного периода упала. Описанные выше изменения в условиях собственности и производства в Америке и прогрессирующее ухудшение земли в России подняли цены сельско-хозяйственных продуктов на мировом рынке, усилили благодаря этому монопольный характер европейской земельной собственности, позволив и ей взвинтить цены своих продуктов выше их стоимости. Это произошло быстрее всего там, где государство помогало земельным собственникам и искусственно усиливало их монополию содействием их организациям и охранительными пошлинами.

Но при этом в Западной Европе вовсе не увеличивается затрата труда на эти продукты. Западно-европейское сельское хозяйство не знает хищничества ни на американский, ни на русский лад, оно тщательно поддерживает плодородие своих полей, даже умеет повышать его: сборы хлебов в западной Европе повышаются при стационарном и даже убывающем сельско-хозяйственном населении.

Но и здесь есть фактор, имеющий тенденцию повышать издержки производства. Этот фактор—рост городов. Прежде масса населения жила в деревне; тогда не стоило большого труда возвращать земле продукты обмена веществ в человеческом организме. С городским населением этого трудно добиться. Отбросы его или попадают в реки, заражая их, или, в лучшем случае, оплодотворяют несколько тысяч гектаров полей орошения. Для сельского хозяйства все эти вещества потеряны.

Эта потеря растет с каждым годом, по мере того, как население концентрируется в городах, и по мере того, как сельские хозяева начинают потреблять все меньшее количество своих продуктов, продавая их городскому населению. Несмотря на это, сельские хозяева все еще умудряются в Западной Европе сохранять до сих пор равновесие между приходом и расходом и даже повышать несколько плодородие почвы, но при всех растущих издержках. Правда, время от времени успехи техники нарушают эту тенденцию, доставляя более дешевое или более ценное удобрение, более выгодные машины и приемы работы; но это лишь ослабляет, а не уничтожает указанную тенденцию, и процесс синдицирования в горном деле и промышленности, удорожая томасову муку, калиевы соли, машины и пр., действует непрерывно и здесь в смысле повышения издержек производства.

Таковы причины дороговизны, снова дающей себя чувствовать уж несколько лет,—причины, вытекающие не из какого-то естественного закона убывающего плодородия почвы, а из законов современного социального и государственного строя. Она порождается не приростом населения, а, в последнем счете, частной собственностью на землю и законами капиталистической концентрации; к действию этих факторов, усиливая его, присоединяется еще воздействие организаций капиталистов и земельных собственников и влияние охранительных пошлин.

VII. Борьба с дороговизной.

Чем больше дороговизна ожесточает рабочие массы, тем необходимее становится указать им на эти причины подъема цен и объяснить им, что только победа социал-демократии, только уничтожение капиталистического способа производства, а с ним и частной собственности на землю, сможет устранить все вызывающие дороговизну и нужду причины.

В борьбе с дороговизной мы должны выступать против всякого нового бремени, возлагаемого на народ милитаризмом и налогами, благодаря которым уже существующая дороговизна становится совершенно невыносимой. Мы должны со всей силой выступить против аграрных охранительных пошлин, в особенности против пошлин на хлебные продукты. Именно последние являются краеугольным камнем аграрной охранительной системы, хотя дороговизна мяса бросается резче в глаза, чем дороговизна хлеба. Подобно тому, как нельзя уничтожить пошлин на изделия из железа, не уничтожив одновременно пошлин на само железо, нельзя уничтожить и пошлин на скот, пока остаются пошлины на хлебные продукты, увеличивающие издержки производства скота. Они вызывают это в двух отношениях. Не только поднимаются цены тех злаков, которые потребляет скот; параллельно поднимается и цена всякой земли, независимо от того, возделываются ли на ней злаки или нет, а вместе с этим возрастают и цены на другие кормовые продукты, как, например, клевер и сено.

Но дороговизна представляет собой международное явление. Ограничение милитаризма, облегчение налогового бремени, уничтожение охранительных пошлин могут ослабить ее, но не уничтожить ее целиком. Для последнего необходимо прежде всего *уничтожение частной собственности на землю.*

Даже в партийных кругах останавливаются иногда перед выставлением этого требования, так как боятся, благодаря этому, восстановить против нас все крестьянство. Но я думаю, что крестьян можно склонить в сторону этого требования даже скорее, чем в сторону уничтожения охранительных пошлин.

Ведь охранительная пошлина означает прежде всего искусственное повышение некоторой статьи дохода, которое, правда, сводится на нет благодаря подъему цен на землю. Но раз цены на землю поднялись, то понижение цен на пищевые продукты, при неизменности отношений собственности, является угрозой для земельного собственника.

Совсем иначе обстоит дело при национализации земли.

Во-первых, оно,—само собою разумеется,—не означает вовсе конфискации, а выкуп, при котором ни один крестьянин ничего не потеряет. Даже при ней крестьянин вовсе не покидает своего хозяйства. Ведь дело тут идет о мероприятии, направленном против дороговизны, т.-е. о мероприятии, благоприятствующем производству пищевых продуктов. А это предполагает, что имеющиеся на-лицо производители жизненных продуктов продолжают вести свое дело: ведь кто заменил бы их?

Вся перемена сводится к тому, что крестьяне становятся государственными арендаторами.

Те, кто были до того арендаторами, могут при этом только выиграть. Ведь национализация земли совершается в целях борьбы с дороговизной. Это предполагает максимальное уменьшение издержек в сельско-хозяйственном производстве. К издержкам, допускающим уменьшение, принадлежит земельная рента (конечно, абсолютная, а не дифференциальная) [1]). Демократическое государство, национализирующее землю в интересах потребителей, понизит арендную плату до полного уничтожения абсолютной ренты.

Но это должно быть выгодно и для тех крестьян, которые хозяйничали до сих пор на собственной земле. Ведь земля принадлежит им только номинально; в действительности она находится в руках держателей гипотек. Национализация их земли означает *уничтожение их гипотечного долга*, который берет на себя государство. На место уплаты процентов по гипотекам становится уплата аренды государству. Но так как эта арендная плата будет весьма невелика, то надо думать, что она вообще окажется ниже теперешних процентов по гипотекам. Ведь размер гипотечного долга зависит от цены на землю, а эта последняя зависит от земельной ренты. Чем выше последняя, тем обыкновенно выше и задолженность. Если понижение арендной платы будет так велико, что повлечет за собой уничтожение абсолютной поземельной ренты, то теперешний крестьянин-должник будет платить меньшую арендную плату, чем он платит теперь процентов по гипотеке. Но кто покрывает выкуп? Если национализация земли происходит не в форме конфискации, а выкупа, то государство должно будет покрыть разницу, существующую между теперешней арендной и гипотечной выплатами и меньшей арендной платой государственных арендаторов. Так как мы предполагаем существование демократического государства, в котором большинство составляют рабочие и крестьяне, то, очевидно, для несения расходов на это будут привлечены богатые элементы, которые будут обложены высокими подоходным и поимущественным налогом. Это можно назвать конфискацией, но конфискацией не крестьянской, а капиталистической собственности, конфискацией, которая должна быть полезной как задолженным крестьянам, так и рабочим.

Для задолженного крестьянина национализация земли есть самая рациональная форма национализации и уменьшения его гипотечного долга. Уже неоднократно со стороны крестьян раздавались голоса в пользу подобной национализации. Но результаты ее, при сохранении частной собственности на землю, были бы только недолговечны и очень спорны. Национализация и уменьшение гипотек может оказать длительную, ничем не нарушаемую, помощь крестьянину только при условии национализации земли. Я говорю здесь о той части проблемы собственности, которая может быть решена быстро. Национализация могла бы быть проведена без насильственных мероприятий, например, в виде преимущественного права государства покупать каждый земельный участок земли и каждое хозяйство, при котором происходит перемена владельца—при принудительной продаже, добровольной продаже, наследовании. Пусть только задолженные крестьяне увидят, как выгодна для них национализация, и они массами набросятся на нее сами. Сопро-

[1]) Я не могу здесь останавливаться на выяснении различий обоих видов ренты. Говоря вкратце и в общих чертах, можно сказать, что земельная рента (и соответствующая ей земельная цена) является дифференциальной рентой, поскольку она вытекает из большего плодородия земли, по сравнению с худшим участком почвы. Эта рента тем выше, чем плодороднее почва. Абсолютная рента—это та часть земельной ренты и земельной цены, которая вытекает из монопольного характера собственности на землю. Дифференциальная рента растет с ростом различий в плодородии почвы. Абсолютная рента растет с ростом монопольного характера собственности на землю. Реальная рента складывается из обоих видов ренты. Капитализированная рента составляет цену земли.

тивление можно будет ожидать только со стороны зажиточного крестьянства.

Другой, более трудный вопрос, чем проблема национализации, это вопрос о введении в сельском хозяйстве более высоких форм хозяйствования, чем нерациональные мелкие хозяйства. Сельско-хозяйственное население заинтересовано в этом самым живым образом; для него здесь дело идет об освобождении от лежащей на нем теперь тяжким бременем трудовой барщины. Но это может произойти лишь постепенно, а не сразу.

Теперь приходится рассмотреть прежде всего лишь те мероприятия, которые направлены против дороговизны, мероприятия, которые действуют столь же в интересах самостоятельных сельских хозяев, как и городского и сельского пролетариата. Обладай социал-демократия необходимой властью, она и теперь уже могла бы провести эти мероприятия.

Познакомить массы с этими идеями; показать им, что социал-демократия—и только она одна,—будь она у кормила власти, могла бы быстро и радикально устранить причины дороговизны и нужды,—и устранить так, что при этом выиграют не только рабочие, но и задолженные крестьяне, а проиграют только капиталисты и помещики; показать, что вопрос устранения нужды и нищеты сводится к вопросу о власти—показать все это: такова одна из главных задач агитации нашей партии.

Эта просветительная работа не выигрывает от того, что будут рассчитывать на победу социал-демократии лишь через сто лет и доказывать рабочим, будто их нужда зависит от роста населения и от неизбежно вытекающего из этого уменьшения плодородия почвы.

Таким образом эти вопросы не носят для нас только академический характер; их изучение представляет огромный практический интерес именно для самых жгучих боевых вопросов нашего времени.

Оглавление.

		Стр.
Предисловие редактора		V
Размножение и развитие в природе и обществе		IX
Предисловие автора к русскому изданию		XI
Глава	I. Боязнь перенаселения и обезлюдения	1
„	II. Природа и общество	9
„	III. Уровень средств существования	14
„	IV. Равновесие в природе	23
„	V. Революция и застой в природе	38
„	VI. Арифметическая прогрессия и уменьшающаяся производительность земли	51
„	VII. Повышение уровня средств существования	63
„	VIII. Нарушение равновесия в природе	79
„	IX. Эпидемии и истребление лесов	87
„	X. Наука и труд	93
„	XI. Искусство и природа	106
„	XII. Геометрическая прогрессия в первобытном обществе	118
„	XIII. Геометрическая прогрессия в период цивилизации	134
„	XIV. Сельское хозяйство и капитализм	157
„	XV. Сельское хозяйство и социализм	180
„	XVI. Рост населения и социализм	193
„	XVII. Гигиена расы	207
Чернышевский и Мальтус		215
Ответ критикам		237
I. Абстрактный закон народонаселения		239
II. Исторические законы народонаселения		248
III. Перенаселение в социалистическом обществе		253
VI. Закон убывающего плодородия почвы		262
V. Истощение почвы		269
VI. Вздорожание сельско-хозяйственных продуктов		274
VII. Борьба с дороговизной		277

„Главлит“ № 7382. ГИЗ 4092. Тираж 7000

Типография Центросоюза, Москва, Денисовский пер., д. № 30.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ПЕТРОГРАД

Общественные знания.

Бухарин Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 385. Ц. 85 к.

Ваганян В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. С пред. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.

Вольфсон М. Б. Очерки обществоведения. Изд. 3-е Стр. 428. Ц. 2 р. 20 к.

Зиновьев Г. и **Ленин Н.** Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский К. К критике теории и практики марксизма. («Антибернштейн»). Стр. 297. Ц. 75 к.

Его же. Происхождение христианства. Под ред Д. Рязанова. Стр. 477. Ц. 2 р. 10 к.

Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 3-е. Стр. 182. Ц. 35 к.

Лабриола А. Исторический материализм. Стр. 220. Ц. 50 к.

Ленин Н. (Ульянов В.). Собрание сочинений. Т. II. Экономические этюды и статьи (1894—99 г.). Стр. 582. Ц. 1 р. 30 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 540. Ц. 1 р. 30 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. IV. «Искра». 1900—03 г.г. Стр. 335. Ц. 80 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений. Т. VII. Ч. I. 1905—06 г.г. От октября 1905 г до роспуска 1-й Госуд. Думы. Стр. 352. Ц. 70 к., в папке 80 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. VII. Ч. II. 1905—06 г.г. От роспуска 1-й Госуд. Думы до начала избирательной кампании во 2-ю Госуд. Думу. Стр. 30. Ц. 75 к., в папке 1 р.

Его же. Собрание сочинений. Т. VIII. 1907 г. Стр. 663 Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 25 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 65 к., в папке 70 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324 Ц. 1 р. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 536 Ц. 1 р. 45 к., в папке 1 р. 50 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XV. Пролетариат у власти. 25 октября 1917 г.—31 декабря 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. Стр. 544. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений. Т. XVIII. Ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 455. Ц. 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. XIX. Национальный вопрос. (Статьи 1919—21 г.). Стр. 300. Ц. 50 к.

Луначарский А. Введение в историю религии в 6 популярных лекциях. Стр. 135. Ц. 30 к.

Маркс К и **Энгельс Ф.** Полное собрание сочинении. Т. III. Исторические работы. Стр. 519. Ц. 1 р.

Их же. Полное собрание сочинений. Т. I. Статьи и письма К. Маркса. 1837—44). Стр. 587. Ц. 1 р. 70 к.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Под ред. В. Базарова и И. Степанова Стр. 767 Ц. 2 р.

Его же. Коммунистический манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. Изд. 3-е. Стр. 339. Ц. 1 р. 50 к. в переплете.

Его же. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 767. Ц. 2 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии. Т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 493. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. I. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 447. Ц. 1 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии. Т. III Ч. II. Процесс капиталистического производства, взятый в целом Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 424. Ц. 1 р.

Его же. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона. С предисл. и примеч. Фр. Энгельса. Стр. 165. Ц. 50 к.

Его же. Замечания на программу германской рабочей партии. Критика Готской программы. С вступит. статьей К. Корша. Пер. Н. А Алексеева. Стр. 97. Ц. 20 к.

Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. Под ред. Д. Рязанова. Изд. 3-е. Стр. 126. Ц. 35 к.

Его же. Сочинения. Т. II. Статьи до 1881 г. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 364. Ц. 90 к., в папке 1 р.

Его же. Сочинения. Т. II. Статьи до 1883—88 г.г. Под ред Д. Рязанова. Стр. 404. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения. Т. III. На русские темы. Статьи (1888—92 г.). Стр. 426. Под ред. Д. Рязанова. Ц. 1 р. 30 к.

Его же. Сочинения Т. VII. Статьи 1888—94. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 333. Ц. 90 к., в папке 1 р.

Его же. Сочинения. Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Ч. I. Стр. 331. Ц. 1 р.

Его же. Сочинения. Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Ч. II. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 411. Ц. 1 р. 40 к.

Его же. Сочинения. Т. XI. Критика наших критиков. Под ред. Д. Рязанова. Стр. 398. Ц. 1 р. 25 к.

Стеклов Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельность (1818—1883). Стр. 114 Ц. 30 к.

Троцкий Л. Основные вопросы революции. Стр. 420. Ц. 2 р.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Стр. 297. Ц. 60 к.

Социализм и история социализма.

Бер М. История социализма в Англии. С пред. Ф. Ротштейна. Ч. I. Стр. 329. Ц. 75 к.

Бешкин Г. Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев Стр. 72. Ц. 40 к.

Водовозов Н. Шарль Фурье. Биографический очерк. Изд. 3-е. Стр. 140. Ц. 20 к.

Изложение учения Сен-Симона (1828—29 г.г.) Пер. М. Ланда. С пред. В. Волгина. Стр. 304. Ц. 75 к.

Каутский К. Собрание сочинений. Т. III. Предшественники новейшего социализма. Ч. I. Коммунистическое движение в средние века. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 2-е, вновь просмотр. Стр. 24. Ц. 75 к., в папке 80 к.

Его же. Собрание сочинений. Т. IV. Предшественники новейшего социализма. Ч. II. Коммунизм в германской реформации. Пер. В. Базарова. Стр. 212. Ц. 60 к.

Сен-Симон А. Собрание сочинений. Перев. с франц. под ред. с введением и примеч. Б. В. Святловского. Стр. 388. Ц. 2 р.